

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

**С Т А Т Ъ И И М А Т Е Р И А Л Ы
П О Б О Л Г А Р С К О Й
Д И А Л Е К Т О Л О Г И И
С С С Р**

Выпуск 7

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М о с к в а 1 9 5 5

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
СССР

Выпуск 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1955

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

И. К. БУНИНА

**ЗАМЕТКИ ПО МОРФОЛОГИИ ГЛАГОЛА
ОЛЬШАНСКОГО ГОВОРА¹**

В настоящей статье мы исследуем два вопроса: во-первых, вопрос о морфологическом членении форм настоящего времени в обследованном нами говоре ольшанских болгар; во-вторых, вопрос о соотношении так называемых основ настоящего времени и аориста. В прямой связи с последним стоит образование форм имперфекта в ольшанском говоре.

Очерченным кругом вопросов исчерпывается и своеобразие морфологии ольшанского глагола, который обладает теми же грамматическими категориями: залога, вида, наклонения, времени, лица, числа, что и литературный язык и другие известные нам говоры. В нем представлено шесть времен: настоящее, будущее и четыре прошедших (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект). Во всех шести временах глаголы образуют формы лица (1, 2, 3), которые в свою очередь имеют формы числа (ед. и мн.). Одни формы спряжения (настоящего времени, имперфекта, аориста) являются в говоре, как и в болгарском литературном языке, „простыми“, т. е. образуются только путем изменения личных флексий спрягаемого глагола, другие (перфект, плюсквамперфект, будущее время) — „сложными“, образованными путем соединения соответствующих форм спрягаемого глагола со вспомогательным глаголом, изменяющимся по временам и лицам (перфект — глагол *съм* в формах настоящего времени, плюсквамперфект —

---

¹ Объяснение сокращений, принятых в статьях, см. в конце каждой статьи. — Ред.

тот же глагол в формах имперфекта), или частицей глагольного происхождения (буд. вр. — частица *ще*).

При образовании всех „простых“ времен используются две основы: основа наст. вр. и основа аориста. От основы настоящего времени образуются формы настоящего времени, а от основы аориста — формы аориста, имперфекта и причастия прошедшего времени действительного залога, входящие в состав сложных прошедших времен (перфекта и плюс-квамперфекта).

Кроме указанных терминов, касающихся разновидностей основ, встречающихся в формах времени глагола, представляется целесообразным ввести еще соответствующее понятие, которое впервые было предложено Ю. С. Масловым в его докладе, посвященном вопросам классификации болгарских глаголов¹. Мы имеем в виду термин „глагольная основа“, которым мы называем тот отрезок глагольного слова, который прослеживается во всех его формах; ср., например, *гуд-ä* (наст. вр.), *гуд-их* (аор.), *гуд-иши* (имп.), *гуд-ил* (прич. прош. вр. д. з.).

§ 1. В ольшанском говоре основа настоящего времени глаголов может оканчиваться и на гласную, и на согласную. В одной части глаголов, соответствующей III спр. в болгарском литературном языке, эта основа всегда во всех формах оканчивается гласным *-ä*; в другой, которая соответствует I и II спряжениям в болгарском литературном языке, она оканчивается гласным *-e-* или *-i-* только в формах 2 и 3 лиц ед. ч. и 1 и 2 лиц мн. ч., а в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. — согласным. В зависимости от того, какой гласный представлен в окончании основы настоящего времени в ольшанском говоре, как и в литературном болгарском языке, различаем два спряжения. Для I спр. характерна гласная основа наст. вр. *-e-*, для II спр. — гласная *-i-*.

¹ Ю. С. Маслов. О морфологическом членении глагольных форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке („Краткие сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР“, вып. 10, М., 1953, стр. 69—70).

Например:

	I спр.	II спр.	III спр.
Ед. ч.	1. <i>ур - ѿ</i>	<i>үуд - ѿ</i>	<i>кáра-м</i>
	2. <i>ур + є-ш</i>	<i>үуд + ѿ-ш</i>	<i>кáра-ш</i>
	3. <i>ур + є-</i>	<i>үуд + ѿ-</i>	<i>кáра-</i>
Мн. ч.	1. <i>ур + є-м</i>	<i>үуд + ѿ-м</i>	<i>кáра-ме</i>
	2. <i>ур + є-те</i>	<i>үуд + ѿ-те</i>	<i>кáра-те</i>
	3. <i>ур - ѿт</i>	<i>үуд - ѿт</i>	<i>кáра-т</i>

Основа наст. вр. в 1 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч. в глаголах I и II спряжений обычно совпадает с „глагольной основой“ или с одним из ее вариантов. Ср., например: *үуд - ѿ* (1 л. ед. ч. наст. вр.), *үуд + ѿ-х* (1 л. ед. ч. аор.), *үуд + ѿ-ши* (2—3 л. ед. ч. имп.), *үуд + ѿ-л* (прич. прош. вр. д. з.); *пíш-а* (1 л. ед. ч. наст. вр.), *пíс + а-х* (1 л. ед. ч. аор.), *пíс + а-ши* (2—3 л. ед. ч. имп.), *пíс + а-л* (прич. прош. вр. д. з.), *пíш + є-те* (2 л. мн. пов. накл.).

Вариант основы настоящего времени, определяющий тип спряжения, представляет собой сочетание „глагольной основы“ со своеобразным суффиксом основы настоящего времени — тематическим гласным *-е-* или *-и-*.

Предлагаемое здесь членение форм настоящего времени не является общепринятым. Несколько лет назад мы сами придерживались иной точки зрения и рассматривали гласные *-е-*, *-и-* в качестве промежуточных, связующих элементов между основой и окончанием. Такой взгляд нашел отражение и в нашем выступлении на совещании славистов по вопросам болгарской грамматики, состоявшемся в Институте славяноведения АН СССР в мае 1952 г. На этом совещании Ю. С. Маслов в докладе „О морфологическом членении глагольных форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке“ впервые поставил вопрос о необходимости пересмотра принципов морфологического членения глагольных форм в современном болгарском литературном языке. Указав на сложность и запутанность этого вопроса в грамматиках болгарских авторов, Ю. С. Маслов, однако, сам не занял во всех вопросах, касающихся членения

глагольных форм, достаточно последовательной позиции. Выдвинув требование соблюдения принципа историзма, Ю. С. Маслов совершенно справедливо указал на неправомерность включения гласного основы *-a-* глаголов III спр. в состав окончания.

Решив вопрос о морфологическом членении глаголов III спр. совершенно определенно, Ю. С. Маслов, однако, не счел возможным предложить такое решение относительно членения глаголов I и II спр.

Отнеся гласные *-e-*, *-i-* к окончанию в качестве „начального гласного окончания“, Ю. С. Маслов заметил, что этот гласный „занимает в пределах окончания несколько особое место, поскольку у согласной части окончания имеются свои связи с окончаниями глаголов нового (слабого) спряжения“¹.

Мы полагаем, что гласные *-e-*, *-i-* не входят в состав окончания.

Отнесение гласных *-e-* в I спр. и *-i-* во II спр. к основе поддерживается грамматическими связями, наличествующими в системе форм спряжения. Сопоставление, во-первых, форм 2 л. ед. и мн. ч., в которых наличествуют общие для всех трех спряжений окончания *-sh* — в ед. ч., *-te* — во мн. ч.:

<i>урé-sh</i>	<i>урé-te</i>
<i>гудí-sh</i>	<i>гудí-te</i>
<i>кара-sh</i>	<i>кара-te</i> ,

и, во-вторых, форм 1 л. мн. ч. в глаголах I и II спряжений, где также обнаруживаем общее окончание: *урé-m*, *гудí-m*, с очевидностью показывает, что гласные *-e-*, *-i-* входят в состав звукового комплекса основы настоящего времени. Это подтверждается и сопоставлением форм 2, 3 лиц ед. ч. и форм 1, 2 лиц мн. ч. внутри парадигм спряжения:

<i>урé-sh</i>	<i>гудí-sh</i>	<i>кара-sh</i>
<i>урé-</i>	<i>гудí-</i>	<i>кара-</i>
<i>урé-m</i>	<i>гудí-m</i>	<i>кара-m</i>
<i>урé-te</i>	<i>гудí-te</i>	<i>кара-te</i>

¹ Ю. С. Маслов. Ук. соч., стр. 83.

Вопрос о выведении гласных *-e-* и *-i-* из состава основы настоящего времени может возникнуть лишь благодаря наличию грамматических связей, имеющихся внутри парадигм спряжения между указанными формами и формами 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., в состав которых эти гласные не входят: *урá*, *ур-áт*; *гудá*, *гуд-áт*. Однако, как нам представляется, наличие такой связи не может разрушить единство звукового комплекса основы настоящего времени, включающего в себя и эти гласные, потому что оно опирается не только на грамматические связи, наличествующие внутри парадигм спряжения, но и на грамматические связи, имеющие место между формами различных парадигм спряжения.

Выделение гласных *-e-*, *-i-* в качестве элементов окончания невозможно не только для форм 2 л. ед. и мн. ч. и 1 л. мн. ч., но и для форм 3 л. ед. ч. То обстоятельство, что 3 л. ед. ч. характеризуется отсутствием флексии, с очевидностью выявляется в парадигме III спр.:

кáра-м
кáра-ш
кáра-
кáра-ме
кáра-те
кáра-т,

где конечный гласный основы присутствует во всех формах спряжения и на этом основании справедливо относится не к окончанию, а к основе¹. Это представление поддерживается сопоставлением форм спряжения, исключая 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. внутри парадигм двух других спряжений (см. приведенные выше таблицы), а также сопоставлением форм 3 л. ед. ч. всех трех спряжений между собой, поскольку единство этих форм в звуковом отношении может опираться только на полное отсутствие звукового показателя лица: *урé-*, *гудí-*,

¹ Ю. С. Маслов. Ук. соч., стр. 81.

кара-. Это сопоставление дает еще лишний аргумент в пользу того, что гласные *-e-*, *-u-* и в формах 3 л. ед. ч. следует рассматривать, как и в прочих формах соответствующих парадигм, в составе основы.

То обстоятельство, что выделение гласных *-e-*, *-u-* не поддерживается межпарадигматическими связями, дает возможность, как нам представляется, утверждать, что эти гласные являются элементом основы и никак не могут быть отнесены к окончанию. Нам представляется далее, что принципиальное различие между „старым“ и „новым“ спряжением состоит не в том, что гласный *-a-* в „новом“ спряжении относится к основе, а гласные *-e-*, *-u-* в „старом“ спряжении якобы не относятся к основе, а в том, что гласные *-e-*, *-u-*, входя так же, как и гласный *-a-*, в состав основы, не образуют с ней неразложимого сочетания, а играют роль своеобразных суффиксов основы группы форм. В то же время гласный *-a-* не может быть выделен в составе основы в качестве такого суффикса. Этот гласный принадлежит „глагольной основе“. Из этой особенности свойства гласных основы в I и II спряжениях, с одной стороны, и гласного основы в III спряжении, с другой, следует ряд других важных свойств. В качестве невыделяемого элемента гласный основы *-a-* проходит через всю парадигму не только настоящего времени, но и через все спряжение, вследствие чего приходится говорить о единой основе для всех форм глагола в пределах III спр., о неразличении основы настоящего времени и основы аориста в этом спряжении. Выделяемые в качестве особых суффиксов гласные основы *-e-*, *-u-* в I, II спряжениях встречаются лишь в группе форм времени (в наст. вр. изъявительного и повелительного накл.).

Таким образом, это не только выделяемые, но и заменяемые элементы основы. Вследствие этого для глаголов „старого“ спряжения невозможно говорить о единой основе и приходится констатировать наличие по крайней мере двух типов основ, охватывающих разные глагольные формы.

Это основное принципиальное различие указывается

Ю. С. Масловым в качестве первого признака „нового“ спряжения, но наряду с ним в качестве важного признака он указывает и на то, что „окончания, присоединяемые к основе глагола при образовании личных форм, и морфемы именных форм всегда начинаются с согласного звука или состоят из одного согласного звука“¹.

Выше мы показали неправомерность отнесения гласных *-e-*, *-u-* в формах настоящего времени к окончанию. Тем самым становится очевидной неправомерность противопоставления болгарских спряжений по характеру начального звука окончания.

§ 2. До сих пор мы оперировали только глаголами с „глагольной основой“, оканчивающейся на согласный. В строении форм настоящего времени этого рода глаголов ольшанский говор ничего специфического не обнаруживает. Различие между ольшанским говором и литературным болгарским языком в этой области морфологии сводится к различиям, существующим между сравниваемыми языковыми единицами в звуковой системе. Ср., например:

1 л. ед. ч. 3 л. мн. ч.

Литературный			
болгарский язык —	(-đ)	(-đm)	
Ольшанский говор —	(-đ)	(-đm)	

Такое же соотношение фонем найдем и в других неглагольных формах.

Нет ничего специфического в ольшанском говоре и в формах аориста рассмотренных глаголов. Так же как и в литературном болгарском языке, мы вслед за Ю. С. Масловым можем выделить те же три класса для глаголов I спр. (по нумерации Ю. С. Маслова это глаголы второго, третьего и четвертого классов) и два класса — для глаголов II спр. (первый и второй — по нумерации Ю. С. Маслова).

¹ Ю. С. Маслов. Ук. соч., стр. 81.

I спр.

		Настоящее время	Аорист	
2 класс	{	дыйн-а, снув-á, кáж-а, пýш-а, лáж-а,	дыйн + и-ш; снув + é-ш; кáж + и-ш; пýш + и-ш; лáж + и-ш;	дыйн + а-х; снув + á-х; каз + á-х; пис + á-х; лáг + а-х;
3 класс	{	плáч-а, кáп'-а, дрéм'-а, бир-á, пас-á,	плáч + и-ш; кáп + и-ш; дрéм + и-ш; бир + é-ш; пас + é-ш;	плáк + а-х; кáп + а-х; дриим + á-х; бр + а-х; пас + ó-х;
4 класс	{	сик-á, плит-á,	сич + é-ш; плит + é-ш;	с'ák + у-х; плéт + у-х.

II спр.

		Настоящее время	Аорист	
1 класс	{	уч-á, суш - á, но́с'-а, прáв'-а, вар'-á, кус-á, варв'-á,	уч + и-ш; суш + и-ш; но́с + и-ш; прáв + и-ш; вар + í-ш; кус + í-ш; варв + í-ш;	уч + и-х; суш + í-х; но́с + и-х; прáв + и-х; вар + í-х; кус + í-х; варв'-áх;
2 класс	{	вíд'-а, дърдж-á,	вíд + и-ш; държ + í-ш;	вид'-áх; дърдж + á-х.

Различия морфологического порядка в формах глагола между ольшанским говором и литературным болгарским языком обнаруживаются у глаголов I спр. с глагольной основой на гласный типа *играя*, *зная*, *пия*, *чуя*.

По классификации Ю. С. Маслова, это глаголы первого, отчасти второго классов. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению этих глаголов в ольшанском говоре, мы должны заметить, что придерживаемся и в отно-

шении членения форм времени этих глаголов схемы, изложен-
ной выше. Ю. С. Маслов, относя гласный, следующий за
глагольной основой, к окончанию в качестве суффикса основы
настоящего времени, называет звук *-j-*, появляющийся в произ-
ношении форм 1 л. ед. ч. (*пија*) и 3 л. мн. ч. (*пијам*)¹. Мы
никак не можем согласиться с такой трактовкой этих форм.
Ведь самое наличие в произношении какой-либо формы звука
не может дать достаточных оснований для утверждения его
самостоятельности как звуковой единицы языка, а тем самым
и для утверждения его различительной роли как граммати-
ческого показателя. Ю. С. Маслов указывает на наличие *-j-*
в одних формах и его отсутствие в других². Такое чередо-
вание могло бы стать способом различения глагольных основ
разных спряжений только в том случае, если бы оно наблю-
далось не только в пределах парадигмы одного спряжения.
В литературном болгарском языке это явление не наблюдается.
Ведь звук *-j-* мы найдем в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.
и у глаголов II спр. Ср., например: *броя — бројат, боя се —*
боят се.

Заметим, далее, что и исторически со звуком *-j-* даже
тогда, когда он произносился во всех формах парадигмы,
никогда не связывались различия между спряжениями (осно-
вами наст. вр.). Еще меньше оснований для выделения *-j-*
в этих формах в качестве суффикса основы настоящего време-
ни в современном литературном болгарском языке. В этом
отношении они ничем не отличаются, на наш взгляд, от осталь-
ных глаголов I спр., в которых, как мы видели, в качестве
суффикса основы настоящего времени выступает гласный *-e-*,
например: *пи + ё-ш, игрá + e-ш, знá + e-ш, чý + e - ш*, ср.
соответствующие формы глаголов II спр.: *бо + ѫ - ш се,*
сто + ў - ш.

¹ Ю. С. Маслов. Ук. соч. „Суффиксальный *-j-* в основах
настоящего времени“ (стр. 71). „Все эти глаголы образуют «основу
настоящего времени» с суффиксом *-j- . . .*“ (стр. 86).

² Там же, стр. 76.

Соответствующие глаголы I спр. в ольшанском говоре характеризуются существенными особенностями в формах настоящего времени и вследствие этого занимают иное место в глагольной системе говора. Как увидим ниже, у них, как и у глаголов II спр. в литературном болгарском языке и в ольшанском говоре, все формы времени образуются от одной основы; иначе говоря, основы настоящего времени и аориста не различаются. Глаголы с основой на гласную, относимые ко II спр., представляют в ольшанском говоре формы времени (наст. вр. и аор.), совершенно соответствующие формам литературного болгарского языка. Ср., например:

	Настоящее время	Аорист
Литературный болгарский язык —	<i>(сто-jő), (сто + ѫ-и);</i>	<i>(сто+já-x);</i>
Ольшанский говор —	<i>(сту-já), (сту + ѫ-и);</i>	<i>(сту+já-x).</i>

§ 3. Во многих болгарских говорах диалектологи отмечают факты взаимодействия флексий глаголов I и III спр. в 1 л. ед. и мн. ч. Это явление наблюдается и в ольшанском говоре. Оно имеет место в глаголах с глагольной основой, оканчивающейся на гласный типа *крия*, *чуя*, *сея*, *скачая* (ср. формы аориста: *крих*, *чух*, *сях*, *скачах*). Некоторые глаголы этого рода в ольшанском говоре в 1 л. ед. ч. имеют окончание *-м*, во мн. ч. — окончание *-ми*, например: *энам* — *энá́ми*, *игráм* — *игrá́ми*, *жув'áм* — *жув'á́ми*, *уэр'áм* — *уэр'á́ми*. Обычно далее констатации этого факта не идут. Иногда указывают в качестве причины, вызвавшей появление такого рода фактов, процесс стяжения гласного корня с последующим гласным окончания *-а*. Однако, повидимому, не везде появление окончания *-м* в 1 л. ед. ч. глаголов I и II спряжений связано именно с этим процессом. Так, в ольшанском говоре, как нам представляется, дело обстояло иначе. Проникновение окончаний *-м*, *-ми* явились лишь внешним выражением более глубокого процесса стирания фонематического различия между основами настоящего времени и аориста в глаголах указанного типа. Толчком к возникнове-

нию такой тенденции послужил, повидимому, чисто фонетический фактор — сокращение тематического гласного основы наст. вр. *-и-* (*-е-*). Такого рода сокращения, связанные, видимо, с быстрым темпом речи, можно наблюдать в ольшанском говоре не только в этих формах, но и в других, в том числе и неглагольных.

Приведем парадигму настоящего времени глагола *зnam* и проанализируем ее с точки зрения выявления стадий названного процесса.

Единственное		Множественное	
число		число	
<i>зnam</i>		<i>зnáimi</i>	
<i>зnaš</i>		<i>зnái̯ti</i>	
<i>зnaí</i>		<i>зnái̯at</i>	

Взяя форму *зnam* изолированно от остальных форм, можно было бы предположить, что эта форма возникла вследствие стяжения гласного окончания *-a* с предшествующим ему гласным *-a-* глагольной основы, чему предшествовало выпадение *j* между этими гласными — явление, широко известное в славянских языках вообще, а в частности и в болгарском. Однако наличие в парадигме нестяженной формы 3 л. мн. ч. *зnái̯at* исключает правдоподобность такого предположения.

Более того, именно она свидетельствует о том, что дело первоначально было вовсе не в форме 1 л., несмотря на то, что эти формы (1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) сыграли, как увидим ниже, едва ли не определяющую роль в процессе стирания фонематических различий между основами настоящего времени и аориста в этих глаголах. Что дело было именно в сокращении тематического гласного, а не в стяжении, свидетельствуют и формы 2 л. Во мн. ч. эта гласная представлена в сокращенном виде — *зnáimi*, в ед. ч. ее вовсе нет — *зnam*. Сокращение гласного привело к изменению слогораздела. Тематический гласный, ранее составлявший самостоятельный слог, *зna+i-ti*, теперь стал стягиваться с глагольной основой в один слог. Наличие же форм *зnáia*, *зnái̯at*, в которых *j* никогда не служил средством различия

основ и присутствовал в них лишь как следствие стечения гласных, привело к тому, что тематический гласный, сократившийся в остальных формах, перестал быть грамматическим показателем основы настоящего времени, что, повидимому, определило возможность окончательной утраты его в форме 2 л. ед. ч. — *знаш*. В этой форме совпадение основ настоящего времени и аориста нашло свое выражение (ср. формы аориста *знах*, *зна* и т. д.). Совпадение основ послужило в свою очередь благодарной почвой для возникновения образований по аналогии с формами III спр., характеризующегося неразличением основ настоящего времени и аориста. Так возникла форма 1 л. мн. ч. *зна́ими*.

Возникновение этой формы, возможно, диктовалось тенденцией к устраниению несоответствия, возникшего в группе глаголов, не различающих основы. Это несоответствие возникало именно в этой форме, поскольку подавляющее большинство глаголов этой группы имело флексию *-м* в формах ед. ч. Путем образования по аналогии равновесие системы было восстановлено. Флексию *-ми* в 1 л. мн. ч. мы находим теперь в ольшанском говоре во всех глаголах, не различающих основы настоящего времени и аориста. Соображение о том, что возникшее несоответствие затрагивало систему, находит себе подтверждение в том факте, что флексию *-ми* в ольшанском говоре восприняли все глаголы, ранее различавшие основу наст. вр. и аориста, независимо от характера гласного глагольной основы: *зна́ими*, *край́ими*, *чу́ими*, в то время как в ед. ч. флексию *-м* находим лишь в определенной группе глаголов, а именно в глаголах с корневой гласной *-а-*: *зnam*, *игram*, *узрям*, *живям*, но и среди этих глаголов имеются такие, которые сохраняют в 1 л. ед. ч. старое окончание, например: *скачá̄a*, *сé̄a*. Сохраняют его и все глаголы с корневой гласной не *-а-*, *край́ia*, *чу́ia* и подобные.

Таким образом, формы типа *жив'ам* можно рассматривать лишь как следствие глубокого процесса переразложения основы настоящего времени, приведшее к неразличению основ настоящего времени и аориста в этих глаголах.

Представленную выше парадигму настоящего времени III спр., в силу изложенного, следует дополнить двумя образцами. Один приведен нами в начале этого параграфа (см. парадигму глагола знам), другой приводим здесь.

Единственное

число

*крайда**криши**кризи*

Множественное

число

*крайими**крайити**крайитат*

Ср. формы аориста от этого глагола:

Единственное

число

*крих**кри**кри*

Множественное

число

*крайхми**крайхти**крайха*

§ 4. Своебразную особенность ольшанского говора представляют формы имперфекта, которые образуются здесь, в отличие от литературного болгарского языка, от основы аориста. Лишь от некоторых глаголов у отдельных носителейходим формы имперфекта, образованные от особой основы. Что касается флексий, то, как и в литературном болгарском языке, в говоре для образования форм имперфекта используются те же флексии, что и для образования форм аориста. Только формы 2 и 3 лиц в ед. ч. имеют особую флексию *-ши*. Таким образом, у большинства глаголов, употребляемых в ольшанском говоре, формы аориста и имперфекта, благодаря тому что они образуются от одной основы и с теми же флексиями, различаются только в формах 2 и 3 лиц ед. ч.

Ср., например:

Единственное число

Имперфект

урáх, гудýх, кáрах, пих
урáши, гудýши, кáраши, пíши
урáши, гудýши, кáраши, пíши

Аорист

урáх, гудýх, кáрах, пих
урá, гудý, кáра, пи
урá, гудý, кáра, пи

Множественное число

Имперфект	Аорист
урá́уми, гудí́уми, кáрау́ми, пí́уми	урá́уми, гудí́уми, кáрау́ми, пí́уми
урáхти, гудí́хти, кáрахти, пí́хти	урáхти, гудí́хти, кáрахти, пí́хти
урá́га, гудí́га, кáра́га, пí́га	урá́га, гудí́га, кáра́га, пí́га

Иногда в языке стариков встречаются формы имперфекта, образованные от основы настоящего времени. Так, например, у К. Ф. Доброва (1876 г.) мы записали следующие формы: *кугí пијáуми* — *пујáуми*, *кугí плаштау́ми* — *плачиу́ми* (когда пили — пели, когда же приходилось платить — плакали).

Рассмотрим схему образования формы *плачиу́ми*. Она построена по следующей модели: глагольная основа (в звуковом виде, характерном для основы наст. вр., *плач-*,ср. аор. *плаках*) + тематический гласный основы имперфекта *-и-(-a->b)* + соответствующая флексия лица *-ми*.

Более употребительной в говоре является другая форма имперфекта от глагола *плач*, которая, как и в остальных случаях, представляет в своем составе основу аориста — *плáкау́ми*. Вместо формы *пијáуми* чаще встретим форму *пí́уми*. Редкость этих форм (*плачиу́ми*, *пијáуми*) может быть истолкована как показатель того, что эти формы являются не архаизмами, а новообразованиями. Однако на вторичность форм имперфекта, образующихся от основы аориста, указывает не только редкость форм типа *плачиу́ми* и употребление их лишь носителями говора старшего поколения, но и некоторые звуковые особенности самих этих форм.

Так, об этом могут свидетельствовать формы имперфекта 2—3 лица ед. ч. от глаголов, имеющих глагольную основу на гласную, типа *жув'áм*. Они произносятся в говоре так: *жув'áши*. Наличие фонемы *'a*, а не *e* в положении под удалением при сохранении чередования *'a/e* в других формах времени, например: *jam*, но *jesh*, и иных категориях слов:

б'ал — *бёли*, *сн'ак* — *снёшки*, ясно указывает на происхождение этих форм. Они появились вследствие действия тенденции уравнивания основы внутри парадигмы. С появлением этих форм основы аориста и имперфекта в этих формах перестали различаться. По аналогии эта особенность была, видимо, распространена и на глаголы с другой корневой гласной, не *-a-*. Появились формы типа *пих*, *п'иши* и т. д. По образцу этих глаголов стали образовывать формы имперфекта глаголы других классов.

В предыдущем параграфе мы отнесли глаголы типа *п'ята*, *жув'ам* к глаголам III спр. на том основании, что основы настоящего времени и аориста, как мы показали, у этих глаголов не различаются. Рассмотрев формы имперфекта этих глаголов, мы можем сослаться еще на один аргумент. Дело в том, что эти глаголы с появлением форм имперфекта, образованных от основы аориста, приобрели еще одну особенность, сблизившую их с глаголами типа *карам*: способность образовывать все формы времени от одной основы. Ср., например:

Наст. вр.	Имперфект	Аорист	Наст. вр.	Имперфект	Аорист
<i>игрám</i> ,	<i>игрáх</i> ,	<i>игрáх</i> ,	<i>карам</i> ,	<i>карах</i> ,	<i>карах</i> ,
<i>игрáш</i> ,	<i>игрáши</i> ,	<i>игрá</i> ,	<i>караш</i> ,	<i>караши</i> ,	<i>кара</i> ,
<i>игрáї</i> ,	<i>игрáши</i> ,	<i>игрá</i> ,	<i>кара</i> ,	<i>караши</i> ,	<i>кара</i> ,
<i>игрáїми</i> ,	<i>игрá'ми</i> ,	<i>игрá'ми</i> ,	<i>карами</i> ,	<i>кара'ми</i> ,	<i>кара'ми</i> ,
<i>игрáїти</i> ,	<i>игрáхти</i> ,	<i>игрáхти</i> ,	<i>карати</i> ,	<i>карахти</i> ,	<i>карахти</i> ,
<i>игрáїат</i> ,	<i>игрá'а</i> ,	<i>игрá'а</i> ,	<i>карат</i> ,	<i>кара'а</i> ,	<i>кара'а</i>

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

аор. — аорист

накл. — наклонение

буд. вр. — будущее время

наст. вр. — настоящее время

д. з. — действительный залог

пов. накл. — повелительное на-

ед. ч. — единственное число

клонение

имп. — имперфект

прич. — причастие

л. — лицо

прош. вр. — прошедшее время

мн. ч. — множественное число

спр. — спряжение

В. К. ЖУРАВЛЕВ

ГОВОР СЕЛА КРИНИЧНОЕ (ЧЕШМА-ВАРУИТА)

Село Криничное (Чешма-Варуита) основано в 1812—1814 гг. переселенцами из так называемых Сыртских сел. На территории Болгарии в конце прошлого столетия было всего семь-восемь Сыртских сел, в Шуменской (ныне Коларовградской) оконии. Как по языку, так и по ряду этнографических признаков жители их отличаются от жителей соседних с ними сел.

Л. Милетич считал их наиболее ранними жителями Придунайской равнины, а язык их — наиболее архаичным, наиболее ярким представителем всего шуменского говора¹.

Б. Щонев считал жителей из Сыртских сел переселенцами с юга, а в языке их находил черты, связывающие этот говор с говорами юго-восточными, родопскими².

Спор этот пока не разрешен. До сих пор нет детального описания ни одного из сыртских говоров, находящихся на территории Болгарии³.

Летом 1910 г. село посетил Н. С. Державин, собравший богатый материал по этнографии и языку этого села.

---

¹ Lj. Miletic. Das Ostbulgarische. Wien, 1903. Л. Милетич. Източните български говори (Сб. „За народни умотворения“, кн. XXI, София, 1905).

² Б. Щонев. Диалектни студии. Поправки и допълнения към Милетичевата книга „Das Ostbulgarische“ (Сб. „За народни умотворения“, кн. XX, София, 1904).

³ Если не считать небольшой заметки А. Маджарова „Съртовете“ („Родна реч“, 1920).

Летом 1949 г. в селе собирала материал для „Атласа болгарских говоров СССР“ экспедиционная группа Института славяноведения АН СССР.

Большая группа студентов-болгароведов славянского отделения филологического факультета МГУ работала в селе в 1953 г. и собрала богатый материал по фонетике, грамматическому строю и словарному составу говора. Материал записывался во всех концах огромного села, студенты побывали во всех хозяйственных ячейках трех колхозов: на токах и в огородных бригадах, в мастерских и садах, на скотных дворах и в тракторных бригадах, на электростанции и в МТС, в строительных бригадах и в „кулибах“ пастухов.

В следующем, 1954 г. в селе производил наблюдения автор данной статьи (с конца июля до начала декабря).

Настоящая статья представляет собой один из разделов (имя существительное) монографического описания говора села Криничное (Чешма-Варуита) Болградского района Одесской области УССР.

Все имена существительные говора распадаются на три больших класса: существительные мужского, женского и среднего рода. Эти классы различаются как по морфологическому оформлению, так и по другим грамматическим особенностям. Одним из основных признаков принадлежности к тому или иному роду является характер окончания существительного в неченной форме единственного числа.

Формы единственного числа

§ 1. К именам существительным мужского рода относятся слова, которые в ед. ч. оканчиваются на:

- 1) Твердый глухой согласный или на твердый сонорный: *зѣп*, *ајат*, *басамѣк*, *макіс*, *атил*, *адѣм*, *клон*, *катѣр*.
- 2) На мягкие¹ *л'*, *н'*, *р'*, *т'*, *с'*: *їол'*, *мۆркул'*, *калуң*,

¹ Замечание о мягкости конечных сонорных и согласных см. в разделе „Фонетика“.

кон', абёр', гуведáр', адёт', кимбёт', касмёт', път', неут', патрёт', пинес', питм'аc'.

3) На *j*, *ш*, *ч*¹: *краj*, *бурдéj*, *калгаджýj*, *вёртеш*, *мёш*, *тив'аc*, *клипач*.

4) На *-ц*: *кóлиц*, *кумéц*, *пётиц*, *терлíц*.

5) На *-у*: *ракáу*, *м'ау*, *сидéу*.

6) На *-у* оканчиваются некоторые собственные имена и названия родственников м. р.: *д'áду*, *свáку*, *Сáнду*, *бáт'у*, *т'áт'у*, *чичу*, *Дóн'у*, *Гáн'у*, *Мít'у*.

7) Встречаются также и сущ. м. р. на *-и*: *аджíй*, *Пéтри*, *Гóрги*, *Мítри*, *Аралáмби*. Они примыкают к сущ. м. р. на *-j*, тем же способом образуя другие формы.

8) Очень редко встречаются сущ. м. р. на *-а*: *баштá*, *Кири́ла*, *Кри́ста*. Существительное м. р. *баштá* тяготеет к существительным женского рода².

9) Широко распространены имена собственные для лиц м. р. на *-е*: *Вáне*, *Кóле*, *Гéне*, *Мíле*, *Кóсте*, *Мáле*, *Сáнде*, *Пáне*, *Мítе*, *Или́је*, *Кири́же*, *Пáнче*, *Вáнче*. Эти имена грамматически тяготеют к среднему роду³. В ряде случаев

¹ Согласные *ш* и *ж* звучат мягче, чем в болгарском литературном языке.

² Ср.: *моj баштá*; *хýбау баштá мi*; *бáштини ѫдат* (как мамини). Т. е. во мн. ч. это слово, единственное из слов м. р., принимает флексию *-ини*, характерную лишь для женского рода.

³ а) Получают член *-ту* (ср. р.); б) в членной форме они согласуются с определением как имена ср. р.; в) и без членной формы они часто согласуются с определением как существительные ср. р.; напр., *Вáнету душлó*, *нашту Вáне*; *Мóмчеуту Вáне си доди*.

См. об этом окончании также стр. 53, 54. Эта неустойчивость грамматического рода и переход в средний род связаны с тем фактом, что в формах типа *Кóле*, *Вáне* совпадли: *Кол'a* (в говоре безударное кочечное *'a > e*) и *Кóле* — *-e-* — уменьшительно-ласкательный суффикс, переводящий в средний род.

Затем грамматическая принадлежность к среднему или мужскому роду стала получать стилистическую нагрузку: средний род имени собственного — ласкательный, дружеский оттенок, а мужской — официальный, холодноватый, грубоватый оттенок. Это распространилось и на имена как типа *Вáнче*, так и типа *Кустадýн*.

выступают пары: *Дён'у—Дёне*, *Санд'у—Санде*. При этом окончание *-е* привносит оттенок уменьшительности и ласкательности. Часто, кроме того, окончание *-е* несет и другую грамматическую нагрузку (см. ниже).

§ 2. К именам существительным женского рода относятся слова, оканчивающиеся в ед. ч.:

1) На *-а*: (большинство сущ. ж. р.) *абалка*, *бáба*, *аглóбла*, *басéјна*, *вáрта*, *гýра*, *грайнда*, *гéга*, *дýма*, *зóтка*, *кумбáјна*, *кýрса*, *кráва*, *лáтa*; *джýна*, *гуденийца*, *лðјца*, *л'аси́ца*, *уýлица*; *чéркза*, *чáјна*.

2) На *-á* оканчиваются следующие существительные ж. р.: *жинá*, *систrá*, *дашти́р'á*, *пупад'á*, *слугá*, *срамутá* и *тимнутá*, *плитá* и *вратá*, *кулá*, *ке́кем'á*, *јоркеп'á*, *лажá*, *караджá*, *праул'á* (в языке молодежи, но чаще *праулије*), *ладнинá* (в языке молодежи, но часто и *ладнинъ*).

3) Большая группа существительных ж. р. оканчивается на *-б*: *алкб*, *далгб*, *деснб*, *зв'аздб*, *иглб*, *кармб*, *кузб*, *курб*, *сувб*, *тр'авб*, *укб*, *усцб* и т. д.

4) Многие существительные ж. р. оканчиваются на *-е*:

а) с предшествующим *-j-* или *-ж-*, *-ш-*: *акáције*, *араније*, *димије*, *кýје*, *кеңфýје*, *прéмије*, *ракáје*, *соје*, *ченије*, *кóже*, *кráже*, *млáже*, *рýже*, *кáше*, *крýше*, *ангýче* и др.,

б) с предшествующим сonorным (*л* и *н*) и *т* (ср. окончания м. р.: *л'*, *н'*, *р'*, *т'*, *с'*): *дýле*, *мидáле*, *картбóуле*, *рýble*, *сакúле*, *гýркýне*, *кýуне*, *смукиýне* и *свáте*.

5) Окончание *-и* отмечено лишь в следующих словах: *бујí*, *мајí*, *сајí*; *души́*, *кеши́*, *лапши́*; *пачí*, *кучи́*, *башчи́*, *чекмежи́*; *типчи́*; *или́*, *зами́*, *зими́*, *кертми́*, *кланни́*, *сини́*, *свини́*, *стапни́*; *киси́*, *рези́*; *клуви́*, *кеплеви́*, *чершеви́* и *тр'ави́* (чаще: *тр'авб*).

6) На согласную оканчиваются следующие имена ж. р.:

бéднус', *влас'*, *кос'*, *пáкус'*, *слáбус'*, *смéлус'*, *справидлýус'*, *сýрас'*, *ўбус'*, *сóвес'*, *жéрт'*, *м'áкут'*; *прéс*, *пéрус*, *пеш*, *ръш*, *св'аш*, *нош*, *връш*, *кръш*, *кал* (других сущ. ж. р. на согласную не отмечено).

§ 3. Имена существительные среднего рода оканчиваются на: *-ó* (-*y*), *-у*, *-é* (-*e*) и *-и*.

1) *-ó*: *гриблó*, *ведрó*, *кулелó*, *лиглó*, *тилó*, *укó*, *увó*.

2) *-у*: *бýлу*, *ин'áзду*, *жáту*, *зýрну*, *кýлбу*, *л'áту*, *мéсу*, *прóсу*, *плáтну*, *ráму*, *рýлу*, *ср'áллу*, *т'áсту*, *чéду*.

К этой группе примыкает несколько слов на *-у*: *др'ay*, *слоу*.

3) Самая большая группа существительных ср. р. оканчивается на *-e* (с ударением на *-é* или на корне): *каларнé*, *лалé*, *лицé*, *мурé*, *нибé* (*ту*), *пулé*, *пуртагé*, *парчé*, *пул'цé*; *áгне*, *вóсе*, *лýле*, *бýре*, *вр'áме*, *йме*, *магáре*, *пáте*, *пóде*, *с'áме*, *видáнче*, *иезрéче*, *йштерче*, *жáпче*, *кайшче*, *кóл'че*, *кумáче*, *л'асíче*, *п'áсаче*, *сандóче*, *сзýнче*.

Благодаря огромной продуктивности суффикса *-че*, который может получить почти любое существительное мужского рода и часть существительных женского рода, эта группа почти безгранична в количественном отношении. К этой группе примыкает ряд личных имен м. р. на *-е* (*Мáтэ*, *Сáнде*), ж. р. на *-че*: *Кýнче*, *Мариýче*.

4) Большое количество существительных ср. р., входящих в эту группу, оканчивается на *-и*: *въжи*, *сáришти*, *угнáшти*, *грóзи*, *гýди*, *здрíзи*, *зéли*, *лóзи*, *сáрени*, *угýрли*; *áiнелци*, *вóженци*, *вáнци*, *эрбóнци*, *сóрци*, *слéнци*; *б'áгани*, *кáрани*, *пárани*, *учáни*, *чýзани*.

Иногда одно и то же существительное может оканчиваться то на безударное *-e*, то на *-и*, однако в словах с суффиксом *-че-* никогда не может быть окончания *-и*; напротив, слова с суффиксом *-ци-* всегда оканчиваются на *-и*. Наиболее неустойчивыми в этом отношении являются отлагольные существительные, у которых, наряду с обычным окончанием *-и*, в языке молодежи часто встречается окончание *-е*: *купáни* (норма) и *купáне* (часто, в языке молодежи); *йграпи* (норма) и *йграпе* (оч. часто); *б'áлени* и, одинаково часто, *б'áлене*.

У других отлагольных существительных это явление встречается гораздо реже. Однако в членной форме (-*ту*)

все существительные четвертой группы очень часто на месте *-и* имеют *-е*.

Напр.: *гóди* — *гóдеть* (часто), *гóдиту* (реже),
учáни — *учáнету* (почти всегда) и *учáниту* (редко),
но: *вýнци* — *вýнциту* (почти всегда) и *вýннету* (оч. редко).

§ 4. Колебания в роде отмечены в следующих словах:

1) Мужской — женский:

а) *панéра* (ж.); *панéр'* — *панéр'у* — *панéре* (м. р.). Напр.: *тоj*
плитé панéр': *панéр'у* *пъл* *саз* *абалки*; *цáла* *панéра* *дунéси*;
тоj *рабути* *панéри* (ж. р., возможен и м. р.); *тр'áба* *да*
наплитбт *млогу* *панéре* (м. р.).

Нормой говора является форма ж. р. *панéра* — *панéри*;
форма м. р. чаще встречается у лиц, хорошо владеющих
инодиалектной речью, однако в языке одного и того же
лица можно встретить как формы м. р., так и формы ж. р.;

б) *прóл'ат*. Согласование с определением может идти как
по женскому, так и по мужскому роду: *тóпла* *прóл'ат*
бáши; *тóпал* *прóл'ат* *ше* *йма*. Это колебание можно встре-
тить в языке одного и того же лица;

в) существительное *скéрта* — *скéрти* обычно ведет себя
как существительное женского рода, но членную форму по-
лучает не женского, а мужского рода. Напр.: *Инб скéрта*
слáма (нельзя сказать: „*идáн скéрт*“). Но: *Ниj* *сед'áуми*
краj скéрту (нельзя сказать: „*краj скéртата*“);

г) подобное же явление отмечено и в слове *прéс* — *прастó*
(ж. р.) (глина) и *прастó* (м. р., чл. ф.). Напр.: *Жéлта* *прéс*
и *прастó j* *жéлта*, но: *тоj* *седí* *на* *прастó*; нельзя сказать:
жéлт *прéс* (ср.: *прéс* м. р. — палец), нельзя сказать: *прастó j*
жéлт; в этом слове членная форма мужского рода встре-
чается лишь в сочетании с предлогом [*Прéс* („палец“) в чл. ф.:
прéсту];

д) существительное ж. р. *картóулe* также имеет член
м. р: *сóрук сéдем* *јектáре* *картóул'у*. В единственном числе
другой членной формы для этого слова не отмечено. Вообще же
это слово в единственном числе употребляется очень редко;

е) слово *уб'áт* имеет все формы мужского рода, однако в песнях это слово — ж. р. Напр.: *да си ютви слáтка уб'áда* (из песни). Форма ж. р. *уб'áда* отмечена несколько раз и в разговорной речи представителей старшего поколения: *ютва ли је уб'áдата?*;

ж) существительное ж. р. *ráдус'* может выступать как существительное м. р. ср.: *гул'áма ráдус'* и *гул'áм ráдус'*; *неска ми кáэва идáн ráдус'*
идáн бил'úк ráдусти ѫмам.

2) Средний — женский:

а) слово *үгнíшти*—*үгнiiштá* обычно ср. р. (*инб үгнíшти*), но встречается форма ж. р.: *үгнíшта* (*гул'áма үгнíшта*). Здесь намечается некоторая дифференциация значений: форма ср. р. чаще употребляется в значении места, где горит огонь, форма ж. р.— в значении открытого огня внутри дома (теперь не устраивают); интересно отметить, что эта форма имеет еще одну примету — часто отсутствует редукция безударного *о*: *огнíшта*;

б) *шиши́*—*шиши́а* употребляется как в ж. р., так и в ср. р.: *килагráмната шиши́; ви́нену шиши́; занеси́ шиши́та мази́-јета; Мáмо, дé ј шиши́ту?*

3) У некоторых существительных колебание рода имеет своеобразное грамматическое оформление: относясь к разным родам, они имеют и разные окончания, более характерные для того или иного рода:

а) *чýчкуу* — *чýчкува, чýчкуви* (м. р.)— (обычно), но в языке одного и того же лица можно встретить и другие формы: *чýчку* — *чýчка* (ср. р.) и *чýчук* — *чýчука* — *чýчкуу* (м. р.) (часть ткацкого стана);

б) в значении „стадо“ употребляются два слова: *с'ур'óк*—*-ку, -ка, -ки* (м. р.) и *с'урíје* (мн. ч.=ед. ч.) ж. р. Напр.: *сурíјета ѫди!* и *с'ур'óку ѫди!* „пáсла ј бáба три с'урíје пáтки“ (из песни). Ср. также:

двá—трáй с'ур'óка дубйтuk...
Звíската пуб'áгна на унбс с'ур'íје.

Никаких особенностей в употреблении или значении этих двойных и тройных параллелей отметить не удалось.

Грамматический род существительного *слугá — слúги* (чаще: *слугár' и слугíне*) выяснить не удалось; отмечены согласования по мужскому и по женскому роду: *слугáта рекóл...*;

*слугáта дунéсла да нали́ват чаj;
слугá му бил свети́ Гéрги* (из песни).

Существительное *сатанá* обычно согласуется по женскому роду: *сóшта сатанá!*

Существительные на *-a*, обозначающие лиц м. р., тяготеют к ж. р.; они — единственная группа существительных м. р., принимающая член не м. р., а ж. р.: *вајвóда — вајвóдата, кáлфа — кáлфата, стáруста — стáрустата*. Но все эти существительные принадлежат к архаическому слою лексики и теперь употребляются крайне редко. Таким образом, общее правило („для существительных одного рода один свой член“) теперь почти не нарушается.

Здесь же необходимо отметить, что имена собственные м. р. и ж. р. получают член соответственно типу окончания в неченной форме, и согласование, несмотря на принадлежность к мужскому или женскому полу, идет по типу окончания. При этом имена м. р. на *-a* выходят из употребления или переходят в ср. р. Например: *Никóла* (уст.), теперь: *Кóле* (грамматически ср. р.), *Кирýше* (грамматически перешло в ср. р.). Например: *д'áду Кóле, бат' Вáне; д'áду Кóсте, Кóлему душлó. А пак Вáнету риклó...* (мужские имена). *Ас бауу* *у Кирýшету* (мужское имя). *Кýната риклá* и *Кýнету риклó* (жен. имена).

Почти все имена собственные для лиц м. р. и ж. р. очень часто употребляются с суффиксом (уменьшительно-ласкательным) *-че-*: *Марýжчету, Вáнчету, Кýнчету*. Согласование при этом всегда идет по ср. р. Более того, личные имена заменяются указательными местоимениями ср. р.:

*Але, је, Кýна. То вéки дóди.
Е-нýне — Кустадýн... то хýбау рабути.*

Если имя собственное заменяется местоимением ж. р. или м. р., то выражение приобретает эмоционально-экспрессивную окраску.

Суффикс *-че-* (и соответственно переход в ср. р.) могут получать и фамилии. Так, пожилого, всеми уважаемого председателя сельсовета Орловского С. Г. обычно зовут *Орлóшче: Орлóшчету дóди; тр'áба да йáши ду Орлóшчету, то ше ти дадé спрáуката; но: тэзари ў Арлóуцки дўма... Ниј тýка сас с пудéнтии прав'уми афíшки, пак О'рлóшчету ги у ѿзеши чак ду Кишинóу, то б'áши эвёр' ду патпóл'ната рабута... Каквъ смéлус' ймashi!*

Еще более яркий пример резкого противоречия между логическим и грамматическим родом дают слова *бугъ* и *баштá*. Слово *бугъ* означает существо мужского пола (племенной бык-производитель), но относится к грамматической категории женского рода: *бугъ — бýги* (напр.: *Ймат инъ бугъ, пакни је пўштат на гув'адár'у*). Слово *баштá*, как уже отмечалось выше, тяготеет к грамматической категории женского рода.

§ 5. Класс имен существительных быстро растет, пополняется за счет слов, идущих из русского языка. Так как в основном, родовые окончания в ед. ч. совпадают, то род имен существительных изменяется сравнительно редко. Чаще же окончание русских заимствований несколько изменяется, приспосабливается к наиболее продуктивным типам окончаний говора.

1) Большинство существительных не претерпевает существенных изменений: род остается прежним, окончание — прежним:

а) женский род: *аóта* (*Н'амам аóта да гал'чи*), *кóфта*, *падúшка*, *стр'на*, *тилигráма*, *мавóрка*, *мóда*, а также *пли пá*, *влас'* — *власть*;

б) мужской род: *карóуник*, *клéј*, *мар'ák*, *нўмер*, *буквár'*, *дагавóр*, *камбајн'бр*, *план*, *свет*, *сут*, *сорт*, *тилигráу*, а также *килагráм*, *агарóт*, *трактарíс*;

в) средний род на *-о* изменений не претерпевает: *эвинó*, *кýну*, *килó* (разн. оттенки знач.), *начáл'ству*;

2) Часто имена существительные, сохраняя род, несколько изменяют характер окончания или переходят в другой род (реже):

а) существительные (ж. р.) на *-ия*, переходя в говор, получают окончание *-ије* вм. *-ија*. Напр.: *акáције*, *авáрије*, *Болиáријг*, *прéмије*, *стáнције*, *матéрије*; в эту группу вошло и одно существительное, имевшее ср. р. в русском языке: *собраније* (ж. р.). Напр.: *сабранијета са разумтýди*, *калхóзната сабрáније*;

б) имена существительные, имевшие в русском языке ударение на конечном *-а* (*трубá*), переходя в говор, изменяют ударное *-а* на обычное для говора *-ъ*, пр.: *калбасъ*, *трубъ*. Они могут переносить ударение на корень — *стгúна* (чаще слышат *стрýни* — форму мн. ч.). Сохраняют конечное ударное *-а* только слова с предшествующим *-т-*: *плитá*, *беднутá*, *красутá* (ср.: *гречутá*, *вратá*);

в) ряд слов мужского рода, переходя в говор, приобретает мягкость конечного согласного или сонорного: *бризéнт'*, *патréт'*, *патróн'*, *шóфер'*;

г) существительные женского рода, оканчивающиеся в русском языке на безударное *-а*, если перед *-а* стоит шипящий или *-j-* (кроме случаев, указанных выше), переходя в говор, меняют это *-а* на *-е*: *калóше*, *кráже*, *соје*; к ним примыкает одно слово, оканчивающееся на *-н'а* в русском языке: *бíришне* (ср.: *гárкине*);

д) существительные ж. р. на безударное *-а* с предшествующим мягким согласным или сонорным, переходя в говор, иногда теряют эту мягкость: *гíра*, *тýфла*, *аглóбла*, *бóјна*;

е) существительные ж. р. с основой на шипящий, имеющие ударение на конечном *-а*, в говоре меняют это *-а* на *й*: *лапšíй слáтка* (ср.: *кеший*, *шиший*);

ж) существительные ж. р. на *-ая*, переходя в говор, теряют конечное *-я*: *кладóва*, *сталóва*, *чáјна*;

з) несколько существительных м. р. и ж. р., оканчивающихся в русском языке на *-л'*, при переходе в говор получают окончание *-е* и переходят в ж. р.: *рýбле* (ж. р. ед. ч. =

мн. ч.), *картбóule* (ж. р., ед. ч. = мн. ч.), *мидáле* (ж. р., ед. ч. = мн. ч.), но *рул'*, *рúл'у*, *рул'уви*;

и) существительные ср. р. на *-ije*, переходя в говор, не изменяют род, но отбрасывают *-je*: *путишéствi*, *давéри*, *абразавáни*, *зајевлéни* (исключение: *собранiе*);

к) два существительных ж. р., перейдя в говор, сохранили характер окончания, но изменили род: *пóдат'* (уст., м. р.); *маладóш* (м. р.) (ср.: *млáдеж* — м. р.);

л) сравнительно большая группа существительных м. р. в говоре получила окончание *-a* и перешла в ж. р.: *зáра-бóтка*, *камба'jна*, *лóзунга*, *матóчка*, *корма*, *фрóкта*, *чóрта*, а также *вáрта* (видимо, из русского — фартук), *бérта* (из берет — беретка?);

м) наоборот, утратили конечное *-a* при переходе в говор два существительных ж. р.: *тон* (м. р.) и *Адéс* (Одесса).

§ 6. Анализ родовых окончаний в нечленной форме единственного числа имен существительных, анализ колебаний рода имен существительных и судьбы категории рода заимствований позволяет сделать некоторые выводы:

1) Окончания существительных м. р. и ср. р. не отличаются в значительной мере от окончания болгарского литературного языка и большинства других говоров.

2) Окончания существительных ж. р. имеют в говоре свои специфические особенности: а) наличие окончаний *-e* и *-й*, редко представленных в болгарских говорах; б) большая продуктивность ударного *-á* (сравнительно с говорами, в которых основной флексией ж. р. является *-ó*).

3) Наиболее характерным окончанием м. р. является согласный или сонорный, ж. р. — *-a*, с. р. — *-ó(y)*; другие возможные окончания могут встречаться как в двух различных родах, так и во всех трех родах. Так, на согласный (или сонорный) оканчивается несколько существительных ж. р., но эта группа не продуктивна: не дает новых образований. Русские заимствования, которые по своим формальным особенностям могут пополнять эту группу, обычно идут в другие группы, изменяя род или характер окончания: *малад'óш*

(ж. р. > м. р.), *дрόба* (-б' — -ба). Колебания рода у существительных с основой на согласную свидетельствуют о тенденции перехода этих существительных из женского в мужской род, свидетельствуют о непродуктивности этой группы.

Наибольшей продуктивностью обладает окончание -а (ж. р.); оно имеет необычайную притягательную силу; группа существительных ж. р. с окончанием -а (безударный) быстро растет.

В связи с этим в говоре наблюдается:

а) большая продуктивность суффикса -ка (ср.: *эвинавојка*);
 б) русские заимствования часто для перехода в эту группу различными способами меняют характер своего окончания (*сталобва*, *бóјна*, *сáла*, *стругуна*, *камбáјна*); колебания рода также свидетельствуют о тенденции перехода в эту группу.

4) Заимствования, идущие из русского языка, претерпевают большие изменения характера окончаний при переходе в женский род, чем при переходе в мужской или средний, т. е. в тот класс существительных, который больше отличается от русского языка по характеру окончаний.

5) Все заимствования приобретают вид, характерный для говора, и утрачивают те свои особенности, которых нет в говоре, т. е. приспосабливаются к системе окончаний говора, не нарушая, а укрепляя ее, заполняя главным образом наиболее продуктивные группы.

Формы множественного числа

§ 7. При образовании множественного числа существительные мужского рода используют следующие флексии: -уви, -и, -е.

1) Флексию -уви принимают почти все односложные существительные м. р.: *боj* — *бóјуви*, *трапаш* — *трапáждуви*, *грес* — *грéзд'уви*, *бел'* — *бéл'уви*, *кл'уч* — *кл'úчуви*, *път'* — *пóт'уви*, *зет'* — *зéт'уви*, *дим* — *дíмуви*, *джоп* — *джóбуви*, *клуп* — *клóбуви*, *крък* — *крóгуви*, *сис* — *сíстуви*, *мрас* — *мráзуви*.

Слова на -у, получая флексию -уви, принимают такой вид: *праu* — *пráуви*, *страu* — *стрáуви*, *штоu* — *штóуви*,

шкай — шкáуви (в медленном темпе речи: *шкáуви, стрáуви, штóуви, прáуви*).

К этой группе относятся и существительные м. р. на *-у*, обозначающие термины родства и свойства: *свáку — свáкуви, бáт'у — бáт'уви, д'áду — дáдуви, чíчу — чíчуви*.

Флексию *-уви* получает и несколько двусложных существительных: *свéкар — свéкруви, в'áтар — в'áтруви* (с т. н. „беглым а“), *кавéц — кавéцуви, кутéц — кутéцуви, катбр, катбрюви, чамýр — чамýруви*.

Эту флексию получают и все односложные существительные м. р., заимствованные из русского языка: *клуп — клýбуви, бак — бáкуви, вал — вáлуви, план — плáнуви, свет — свéтуви, тон — тóнуви*.

Существительное *уол* имеет несколько вариантов формы мн. ч.: *уóлуви* (редко), *уóзи* (редко), *уóлви* (обычно). Последняя форма объясняется возможностью выпадения безударных гласных, акустической близостью *-л* и *-у* в конце слова, с одной стороны, а с другой — тенденцией (пока еще слабой) перехода *-ви* в самостоятельную флексию мн. ч. (ср.: *страу — страуви, д'áду — д'áдуви, ракáу — ракáви*).

Флексия *-уви* в нашем говоре никогда не имеет ударения; встречающиеся формы с ударением на флексии (*уóзви, джубóзи*) носители говора воспринимают как инодиалектные.

2) Флексию *-и* получают почти все остальные существительные м. р., оканчивающиеся на твердый согласный, на твердый сonorный, и несколько существительных на *-ц*:

ајáт — ајáти, ајл'áс — ајл'áзи, арапéк — арапéки, ага-рóт — ага-рóди, гóлуп — гóлуби, мóзак — музíй, агранóм — агранóми, áтил — áтили, дугáн — дугáни, ма́стур — ма́стури; ракáу — ракáви, сидéц — сидéви, тезгáу — тезгáзи, тили-грау — тили-грази, ушáу — ушáви; также и несколько слов на *-ц*: *винупíзец — винупíзци, кумéц — кумци*.

Эту флексию получает и небольшая группа односложных существительных м. р.: *гос — гóсти, зъп — зéби, кол — кóли, сноп — снóпи, сърп — сéрпи*.

Характерного для болгарского языка чередования конечного согласного основы в говоре почти нет: *зимник* — *зимники*, *душник* — *душники* и т. д. Это чередование отмечено лишь в трех словах: *гърк* — *гърци*, *момак* — *момчи* и *вълик* — *вълчи* (при частом *вълки*).

3) Все остальные имена существительные м. р., оканчивающиеся на мягкий согласный или сонорный, шипящий или -j, при образовании множественного числа получают флексию -e: *адет'* — *адёте*, *кимбёт'* — *кимбёте*, *кумáт'* — *кумáте*, *пинéс'* — *пинёзе*; *астáр'* — *астáре*, *будýл'* — *будýле*, *въгал'* — *въгалé*, *лијéн'* — *лијёне*, *арбш* — *арбше*, *кувáч* — *кувáче*, *кравáј* — *краваје*.

К этой группе относится и несколько односложных существительных м. р.: *кон'* — *коnе*, *тол'* — *тобле*, *мъш* — *мъже*, *крај* — *краје*.

Кроме того, флексия -e отмечена у следующих существительных м. р., у которых окончание в нечленной форме ед. ч. не отвечает вышеупомянутым требованиям: *свадбáин* — *свадбáре*, *мулдувáин* — *мулдувáне*, *каfакúрchan* — *каfакúрчане*, *писураи* — *писураи*, *кáман* — *кáмане*, *кумíн* — *кумíне*; *гос* — *гъзде*, *глис* — *глисте*, *лис* — *листе*, *дерéк* — *дерéке*, *гелджúк* — *гелджúке*, *чикилéк* — *чикилéке*, *килим* — *килиме*, *чéraу* — *чёрве*, *чамýр* — *чамýфе*, *санда́л* — *санда́ле*, *чурап* — *чурапе*, *килéп* — *килéпе*, *брат* — *брáте*; также и несколько слов на -ц: *кунéц* — *кунцé*, *пътиц* — *пътице*, *чатáц* — *чатáце*.

Неодносложные имена существительные м. р., переходя из русского языка в говор, получают флексию мн. ч. в зависимости от характера окончания в ед. ч.: *буkвár'* — *буkвáре*, *трáктур* — *трáктури*, *шугúп* — *шугúби*; *матóр* — *матóри*, *стóруши* — *стóруже* (и *старажá*).

Из живой системы образования множественного числа существительных м. р. выпадает небольшая группа слов.

а) Два слова имеют флексию -a: *рок* — *ругá*, *крак* — *кракá* (но: *два рóга*, *два кráка*).

б) Два слова имеют -á: *баштá* — *башт'á*, *синéц* — *синц'á*, но эти формы слабо связаны с соответственными формами

ед. ч.: *синéц* (бусинка) имеет еще одну форму мн. ч. — *синéцí* (бусинки), форма *синéц'á* имеет значение: бусы, ожерелье. Напр.: *нам'áриу идýн синéц, саz иније синéц'á óде*. Но: *инъ врауччка синéц'á* — здесь эта форма приближается к значению „бусинки“ (множественное собирательное).

Две формы мн. ч. имеет слово *баштá*. Обычной формой мн. ч. является форма *бáштини*, образованная по типу существительных ж. р. (ср. *мáмини*): *бáштини ви ѫдат!* Форма *башт'á* имеет оттенок собирательности, отличаясь от форм *баштá* — *бáштини* тем, что ей свойственна членная форма: „*иније башт'á — хўбави, глéдат деџá си, апák иније лóшуви; инðвр'áмешни башт'áта — друг сорт!*“ Но нельзя сказать: *баштáта, бáштините* (см. ниже).

в) Два слова, заимствованные из русского языка, имеют флексию *-a*: *старажá* (и *стóруже*), *гаспадýн* — *гаспадá*.

§ 8. При образовании множественного числа наблюдаются колебания. Некоторые существительные могут получать одну из двух, даже одну из трех флексий мн. ч. м. р. Так, например, слово *чамúр* может иметь следующие формы мн. ч.: *чамúруви, чамúги, чамúре*.

1) Колебание *-уви/-и* наблюдается в следующих словах:

а) *бак* — *бáки* и *бáкуви*. Слово заимствовано из русского разговорного языка (большой бидон, в котором перевозят молоко, продаваемое государству). Форма *бáкуви* соответствует норме говора; форма *бáки* — заимствована: ее часто слышат носители говора у русских приемщиков молока. Наличие формы *бáки* не противоречит норме говора, так как в говоре есть несколько односложных существительных м. р., получивших эту флексию;

б) *пос* — *пóстуви* (норма) и *пóсти* (влияние церкви);

в) *гат* — *гáдуви* (норма) и *гáди* (чаще лишь как бранное слово: *убт гáди лóшеви!*);

г) *клóн* — *клóнузи* (норма) — *клóни* (лишь в языке старшего поколения, редко);

д) *чамúр* — *чамúруви* (редко, в языке молодежи) и *чамúри* (норма);

е) *катър* — *катъруви* (в языке молодежи и среднего поколения) и *катъри* (остается нормой). Пожилыми женщинами формы *катъруви* и *чамъруви* воспринимаются как инодиалектные, как несвойственные родному говору.

Флексия *-уви* в говоре более продуктивна, чем в литературном языке и в других говорах.

В литературном языке из односложных существительных „с прежним мягким окончанием“ флексию *-уви* (*-ове*) получает лишь существительное *зет*¹. В говоре односложные слова как с мягким, так и с твердым окончанием в равной мере могут получить флексию *-уви*.

Во многих говорах болгарского языка и в литературном языке некоторые односложные получают флексию *-ишта*. В говоре этой флексии нет: здесь *-ишт-* лишь словообразовательный суффикс. Слова же, обычно получающие флексию *-ишта*, получают флексию *-уви*: *път'уви*, *г'ол'уви*, *къруви*, *сънуви*.

Флексия *-уви* отмечена у существительных, обычно (в других говорах и в литературном языке) имеющих флексию *-и*: *клόнуви*, *дénуви*.

Эту флексию получают и существительные м. р., обозначающие родство и свойство: *бáт'у*, *д'áду*, *свáку*. В других говорах и в литературном языке здесь будет особая флексия *-овци*: *д'áдо* — *д'áдовци*.

Таким образом, чрезвычайная продуктивность флексии *-уви* является одной из характерных черт говора: охватив почти все односложные, она проникает в двухсложные имена существительные м. р.

2) Колебание *-э/-и* отмечено почти во всех словах, имеющих твердое окончание, но получающих флексию *-е*, т. е. там, где нарушается основная закономерность: существительные м. р., имеющие твердое окончание, получают флексию *-и*, а мягкое — *-е*.

Особенно часто это колебание наблюдается в следующих

¹ Ср. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 85.

словах: *градинáрин* -ре и -ри, *мушинáрин* -ре и -ри; *чамúр* -ре и -ри; *кáман* -не и -ни; *чурáп* -пе и -пи.

Под действием различных закономерностей некоторые существительные м. р., имеющие ныне твердое окончание, получили флексию мн. ч. -е. Теперь же действует сильная тенденция: твердому окончанию — -и, мягкому — -е:

а) слова на -арин могли получить флексию -е двумя путями: во-первых, -е может здесь быть реликтом старого склонения основ на согласный (ср. русск. *граждане*); во-вторых, может быть обычной флексией мн. ч. для мягкого окончания (часто встречаются *гуведáр'*, *чубутáр'* и *чубутáри*), т. е. восходит в конечном счете к той же форме им. п. мн. ч. основ на согласный (ср. ст.-сл.: *граждане*, *мытаре*). В языке старшего поколения всегда встречается -ре, в языке молодежи часто можно услышать и -ри. В ед. ч. встречаются формы типа *млекáр*, с твердым окончанием. Часто встречается форма типа *градина́ри* и в языке лиц, хорошо владеющих инодиалектной речью. Не исключена возможность, что флексия -и проникает в говор под влиянием других говоров. Во всяком случае, система говора не препятствует, а содействует такому проникновению;

б) в некоторых словах флексия -е также может восходить к им. п. мн. ч. основ на согласную: *кáман* — *кáмане*, *писурáн* — *писурáне*. В языке молодежи побеждает основная закономерность — твердое окончание в ед. ч., -и во мн. ч.: *кáман* — *кáмани*, *писурáн* — *писурáни*;

в) в некоторых словах флексия -е свидетельствует о прежней мягкости окончания. Так, в слове *кáман* конечная мягкость еще сохраняется в языке пожилых женщин: *кáман'* — *кáман'у* — *кáмане*, хотя формы *кáман* — *кáмана* — *кáману* являются уже установившейся нормой. Подобный же параллелизм форм отмечен в слове *кумýн* — *кумýн'*, но формы *кумýн* — *кумину* встречаются редко.

В некоторых случаях мягкость конечного согласного утратилась сравнительно недавно и еще сохраняется в членной форме: *санда́л* — *санда́л'у* — *сандале*.

В ряде случаев следы мягкости вообще не сохраняются. Она не наблюдается в нечленной форме даже в языке старшего поколения, нет ее и в чл. ф. слов м. р. Однако вероятность прежней мягкости легко определяется путем сравнений со старославянским: *гос — гóзде — гуздо'* (ст.-сл. *гкоздъ*) и *чéрау — чéрве* (ст.-сл. *чръка*). Старославянская полумягкость свидетельствует в этих случаях о том, что конечный согласный здесь не является исконно твердым.

В словах, оканчивающихся на *-к*, флексию *-е* можно объяснить лишь предположением о прежней мягкости конечных *-к'* в этих словах (все они неславянского происхождения). Это предположение подтверждается наличием в болгарских говорах мягкого конечного *-к'* в слове *изýк'* (*изъикъ*). Флексия *-и* здесь также появляется редко: отмечается лишь в языке детей — *гелджýки*;

г) в словах на *-у* флексия *-е* может быть также объяснена прежней мягкостью *-у*.

Следует отметить, что слова, оканчивающиеся на *-у*, могут получать или флексию *-е*, или *-и* (могут быть под уда-рением), но колебаний для одного отдельного слова не отме-чено: каждое из слов на *-у* получает лишь одну из двух возможных флексий: *терлýц — терлýце*, *кунéц — кунцé*, *све-тéц — свитцý*, *кумéц — кумцý*, *венéц — венцý*;

д) в ряде слов флексия *-е* восходит к флексии множествен-ного — собирательного: *брат — бráте*, *лис — лýсте*. В этих случаях другой формы мн. ч. нет;

е) в других случаях флексия *-е* объясняется влиянием различных аналогий, напр.: *чурáп — чурáпе* — видимо, по ана-логии с другими существительными, обозначающими различ-ные виды обуви: *пустáле, бутýше, уаѓýле, калцúне*.

Таким образом, система флексий мн. ч. для имен существи-тельных м. р. более проста, чем в литературном языке и в дру-гих говорах (всего три флексии), более строга, более последова-тельно действуют основные закономерности: для односложных *-уvi*, для других *-и* (твердое окончание) и *-е* (мягкое окончание). Наличие колебаний говорит о силе этой закономерности.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность, сравнительно редкая для болгарских говоров: широкое распространение флексии *-e*.

§ 9. Существительные м. р. имеют особую „а-форму“, которую в болгаристике обычно называют формой „множественного определенного“ или „количественного множественного“.

Эта форма образуется флексией *-a*, присоединяемой непосредственно к форме единственного числа: *кáдус* — *кáдуса*, *калéп* — *калéпа*, *басамáк* — *басамáка*, *чук* — *чúка*, *акéл* — *акéла*, *клон* — *клóна*, *жетвáрин* — *жетвáрина*, *зéп* — *зéба*, *гат* — *гáда*, *ракáу* — *ракáва*, *кráчкуу* — *кráчкува*, *кутéц* — *кутéца* и т. д.

Существительные м. р. на *-у* (термины родства и свойства) эту форму образуют путем замены конечного *-и* формы мн. ч. флексией *-a*: *свáку* — *свáкуви* (свакув-и) и *свáкува*, *д'áдува*, *бáт'ува*, *чýчува*, *зéт'ува*. Другие существительные м. р., имеющие в форме множественного числа флексию *-уви* (с предшествующей мягкостью или с предшествующими *-ч-*, *-ш-*, *-ж-*), эту форму образуют при помощи флексии *-e*, присоединяемой к форме ед. ч.: *бéл'уви*, *пбt'уви*, *кл'ýчуви*, *кбшуви*, *нóжуви* — *бéле*, *пбте*, *кл'ýче*, *кбше*, *нóже*.

Большая группа существительных м. р., т. е. почти все имеющие в форме мн. ч. флексию *-e*, особой формы „количественного множественного“ не имеют: *адéте*, *астáре*, *кóжеле*, *грéбене*, *вёртеше*, *óткл'уче*, *zájце*, *кráје*, *кóн'e* и т. д. (Здесь формы множественного употребляются и в конструкциях, требующих „а-форму“). Лишь некоторые из них могут иметь особую „а-форму“: *свадбáрин* — *свадбáре* и *свадбáрина*, *лис* — *листе* и *листа*, *кунéц* — *кунéе* и *кунéца*, *кáман* (и *кáман'*) — *кáмане* (обычное множ.) и *кáмана*, но: *два кáмана* и *два кáмане* (т. е. форма *кáмане* может выступать как в функции обычного множественного, так и в конструкциях, требующих „а-форму“).

Форма „количественного множественного“ употребляется в следующих случаях:

1) В сочетании существительного с количественным числительным: *два стóла, три мóмака, пет' — шес' лýста, два кунéца* (но: *два бурдéје, два бустáне*); *два бáт'ува, два д'áдува; т'a ýма два сýна; тоj ýма два бáт'ува; два чýчува си ýдат, пет' д'áдува са збрава; два Ивáна ýмами кóшти и т. д.* А также: *два кл'úче, трýjc' кóне ráбутет нéсса на кéру; двáта му кráje... и т. д.*

2) Часто, но с большими отступлениями, — в сочетании существительных с местоименными количественными числительными.

Употребление этой формы, ее неустойчивость в данной конструкции можно показать на конструкции с *млóгу*:

ас истакáу млóгу килýма („а-форма“), но: *имами млóгу макáзи* (обычное мн. ч.) при: *на́шта кóшта сас пет' макáза*. Часто в сочетании с *млóгу* стоит форма обычного множественного: *на́шуу калкóс ýма млóгу пáтуви; млóгу сóртуви буýа ми тр'áба; млóгу и́здраки. Даждóкат праминб, стáна млóгу гел'джúке* (но: *пет' — шес' гел'джука ýмами дуóру*).

Молодежь в конструкциях с *млóгу* „а-форму“ почти не употребляет, и старшее поколение часто в сочетании с *млóгу* ставит существительное в форме обычного множественного, однако „а-форма“ при *млóгу* употребляется все же чаще формы обычного множественного; своеобразной „нормой“ говора пока следует считать употребление „а-формы“ и в этой конструкции.

Такая же картина колебаний отмечена и в сочетаниях существительных с другими местоименными числительными — наречиями: *е — ja! кóлку венци мóмите наплéли; нéколку свáкуви; кóлку чýчуви ýмам?*

Но: *некóлку дéна се уóдиу; кóлку пóте ти рéкуу!*; *млóгу свáкува ýмashi на свáдбата; Кóлку Ивáна са збáва?*

Таким образом, особенностью говора является сужение функции так наз. „количественного множественного“. Это явление необходимо поставить в тесную связь с фактом отсутствия особой формы „количественного множественного“ у большой группы существительных мужского рода.

Ср.: *видáнете иссéјнава, два видáне, млóгу видáне*. Эта форма уже уходит из конструкции „существительное плюс местоименное числительное“, уже встречаются, хотя и редко, формы обычного множественного и в сочетании с числительными: *пет' — шес' макáзи, пет' — шес' йéздраки и пет' макáзи*. Чаще это явление отмечается в сочетаниях с *пет' — шес'*, *три — четри*, имеющих значение неопределенного количества; в форме обычного множественного стоят числительные м. р., имеющие флексию *-и* (а не *-уви*).

§ 10. Существительные ж. р. во мн. ч. имеют следующие флексии: *-и, -е, -'а.*

1) Флексию *-и* получает огромное большинство существительных ж. р.:

а) оканчивающиеся на *-а*: *áбалка — áбалки, басéјна — басéјни, вárta — вárти, вýла — вили, гíра — гíри, гárга — гáрги, дéлва — дéлви, жáба — жáби, вири́га — вири́ги, зýмка — зýмки, зарабóтка — зарабóтки, кумбáјна — кумбáјни, ýta — ýти, чéтула — чéтули, пýта — пýти, r'áka — r'áki*;

б) оканчивающиеся на *-ó* (-*ý* и *-i*): *мул'бó — мул'бý, мау́лó — мау́лý, мускó — мускý, маглó — маглý, кашлó — кашлý, калгó — калгý, кун'кó — кун'кý, зумбó — зумбý, гардó — гардý, вратó — вратý; баулó — баулý, бугó — бугý, брадó — брадý, зв'аэдó — зв'аэдý, илó — илý, кузó — козý*;

в) оканчивающиеся на *-á* (получают *-и* ударный или безударный): *систrá — систрý, ајманá — ајманí, пупадá — пупадý, мумá — моми, плитá — плáти, а также слугá — слúши, вајзóда — вајзóди, стíруста — стíрусти* (м. р.);

г) несколько слов, оканчивающихся на согласный: *жертó — жéрти, кос — кóсти, пеш — пéшти, пákус' — пáкусти, св'aши — св'aши*.

2) Флексию *-e* получают следующие имена существительные ж. р.:

а) большая группа слов, основа которых оканчивается на *-у*: *щудени́ца — щудени́це, бýклица — бýклице, болни́ца — болни́це, врáнца — врáнце, дувíца — дувíце, кра́стамица — кра́стами́це, лéйца — лéйце, ўýлица — ўýлице, также — усцó — убóице*;

б) к этой группе примыкает большая группа существительных ж. р., оканчивающихся в ед. ч. на *-e*. Эти существительные имеют одну общую форму для единственного и множественного числа. Основа этих существительных имеет мягкое окончание. К примерам, приведенным выше, можно добавить еще несколько: *сушйл'не*, *стáнције*, *мáштије*, *крайше*, *о"ртакине*;

в) флексию *-e* получают также несколько существительных ж. р. на *-и*: *замй*—*зъме*, *типци*—*тéпце*, *стапни*—*стёпне*, *душй*—*дӯше*; несколько на *-ь*: *в'аждь*—*в'ажде*, *плень*—*плéне*, *мравь*—*мráве*; на *-á*: *даштир'á*—*дóштере*; на *-а*: *грóбишта*—*грóбиште*, *джýна*—*джýне*, *кóшта*—*къште*.

3) Флексию *-á* получает сравнительно большая группа существительных ж. р.¹:

а) почти все имена на *-и*: *кланнй*—*клан'á*, *клувй*—*клув'á*, *кеплезй*—*кеплев'á*, *кеши*—*кишá*, *кисй*—*кис'á*, *кертмий*—*кертм'á*, *ризй*—*рýз'á*, *синий*—*син'á*, *чекмеджий*—*чекмеджá*, *чершевий*—*чершев'á*;

б) несколько слов на *-ь*: *калтармь*—*калтарм'á*, *петь*—*пет'á*, *сулдурмь*—*сулдурм'á*, *чань*—*чан'á*; *ракь*—*рацá*, *бедь*—*бед'á*;

в) несколько слов на *-а*: *жинá*—*жин'á*, *вратá*—*врат'á*, *кулá*—*кул'á*;

г) из основ на согласный—лишь одно слово: *ръш*—*ражá*;

д) четыре существительных ж. р.—*лажá*, *караджá*, *кекем'á*, *юркеп'á* не имеют особой формы мн. ч.; формы ед. ч. и мн. ч. и в этом случае совпадают.

¹ Флексия *-á* в говоре не является особой флексией множественного собирательного. В данном случае это обычная флексия обычного мн. ч.: все эти существительные ж. р. не имеют другой формы мн. ч., нет оттенка собирательности, как это было у некоторых существительных м. р. (см. выше). Из существительных ж. р. только *къшта* имеет две формы—*къшт'á* и *къште*. Но и здесь оттенок собирательности слаб, по значению эти формы близки.

При образовании мн. ч. имен существительных ж. р. чередования в звуковом виде основы обычно отсутствуют, чередование *к/ц* отмечено лишь в одном слове: *ракъ — раг'á*.

4) Некоторые существительные ж. р. во мн. ч. получают флексию *-ини*. Это имена собственные ж. р. на *-а* и термины родства и свойства: *Марыйка — Марыйкини*; *кака — какини*, *Злата — Златини*, *мама — мамини*. К этой группе примыкает и одно существительное м. р.: *башта — баштини*. Флексия *-ини* привносит следующие значения:

а) число лиц, называемых этим именем существительным, больше одного: *три какини йма нашта булка* (т. е. три старших сестры), *чак дв'я Златини ѹмами на сед'янката*;

б) лицо, вместе с его окружением, вместе с другими лицами, название которых в данный момент не имеет значения: *мамини ѹдат!* (сказала девочка, заметив идущую мать в сопровождении группы незнакомых людей);

в) семейство носителя этого имени, его дом: *б'ауми у Пашини, пак т'a је н'амаши*.

Колебаний при образовании мн. ч. существительных женского рода не отмечено.

Таким образом, система флексий множественного числа для имен существительных женского рода в говоре более сложна, чем в литературном языке: вместо единой флексии *-и* здесь имеется три: *-и*, *-е*, *-а*. Существительные с мягкой основой (прежняя или современная мягкость) принимают флексии *-е* (безударная) и *-'а* (ударная). В ряде случаев эти флексии восходят к окончанию множественного собирательного. В слове *ракъ* эта флексия восходит к форме им.-вин. двойственного. В большинстве своем эта флексия восходит к им. мн. ч. ж. р. основ на *-а*, мягкой разновидности.

Интересной особенностью говора является наличие большой группы неизменяемых существительных ж. р., формы ед. ч. и мн. ч. которых совпали. Эта группа продуктивна, большое количество русских заимствований — существительных ж. р., спр. р. и м. р., основа которых имеет мягкое окон-

чание, входит в эту группу, для чего часто они меняют звуковой вид окончания (*кампáније*, *сабрáније*, *гúбле*).

Другой особенностью флексий мн. ч. ж. р. в говоре является широкое использование прежней флексии множественного собирательного в качестве флексии обычного множественного и почти полная утрата ею оттенка собирательности.

§ 11. При образовании множественного числа имена существительные ср. р. используют следующие флексии: *-á (-a)*, *-ута (-ta)*.

1) Флексия *-á (-a)*:

а) оканчивающиеся в неченной форме ед. ч. на *ó (-y)*: *гриблó* — *гриблá*, *ведрó* (*-á*), *вислó* (*-á*), *зениó* (*á*), *килó* (*-á*), *крилó* (*-á*), *лиглó* (*-á*), *привизлó* (*-á*), *пирó* (*-á*), *писмó* (*-á*), а также: *бýлу* (*-á*), *гн'ázду* — *гн'аздá*, *зубýлу* — (*-a*), *слóу* — *слувá* и *гувéду* — *гувéда*, *рéлу* — *рéла*, *сýту* — *сýта*;

б) оканчивающиеся на *-и*: *вóжи* — *важá*, *сéри* — *сарцá*, *слéнци* — *сланцá* (*таквíзи* *сланцá*, *таквíзи* *дénуви*), *угнýшти* — *угништá*, а также: *лóзи* — *луз'á*, *угéрли* — *угарл'á*; кроме того: *áгненци* — *áгненца*, *эрбóнци*, *лýстенци*, *слузýченци*, *сýришти* — *сýришта*;

в) к этой группе примыкают: *д'áте* — *д'ацá*, *др'ау* — *др'ав'á*, *кул'áну* — *кул'анá*, а также: *раму* — *раменá* и *с'áме* — *с'аменá* (т. е. слова, тем или иным образом изменяющие основу);

г) эту же флексию принимают и слова на *-é*: *пул'уé* — *пул'уá*, *јестé* — *јестá*, *сарцé* — *сарцá*.

2) Флексия *-ута* присоединяется непосредственно к форме ед. ч. на *-e* (кроме *д'áте* и *с'áме*): *áне* — *áнеута*, *вéсе* — *вéсеута*, *дýпе* — *дýпеута*, *бýре* — *бýреута*, *гéрне* — *гéрнеута*, *йме* — *ймеута* (вымя), *јýме* — *јýмеута* (реже: *именá* — *йме*), *магáре* — *магáреута*, *пáте*, *пýле*, *пóде*, *тéле*, *видáн'че* — *видáнчеута*, *кúпче* — *кúпчеута*, *сóмче* — *сóмчеута*.

Так же образуют форму мн. ч. и имена собственные для лиц мужского и женского пола, оканчивающиеся на *-e*: *Вáне* — *Вáнеута*, *Кýне* — *Кýнеута*, *Вáнче* — *Вáнчеута*, *Марýјче* — *Марýјчеута*.

Иногда, чаще после *-ч-*, сочетание *-ey-* преобразуется в *-ou-* и образуется своеобразное окончание *-oūta*: *видан'чоута*, *мумйчоута* (чаще: *мумйчеута*).

Эта флексия может иметь и другой вид. Напр.: *каларнē* — *каларнēта*, *парчē* — *парчēта* (*двајс'* *парчēта яшчики*), *крѣстē* — *крѣстēта* (чаще — *крѣстгута*), *джубē* — *джубēта* (теперь не носят), *джампарē* — *джампарēта* (других случаев с флексией *-ta* не отмечено).

Из системы образования множественного числа существительных средчего рода выпадают слова, сохраняющие остатки двойственного: *укō* — *учи*, *увō* — *ушi*.

В ряде случаев наблюдаются колебания при образовании множественного числа существительных среднего рода: *кiлу* — *килā* и *кiли*, *кулелō* — *кулелā* и *кулелā*, *м'асту* — *м'астā* и *м'астi*, *кул'āну* — *кулен'ā* и *кул'āни*, *раму* — *раменā* и *раме*, *гърнē* — *гърнеута* и *гранцā*, *цв'атē* — *цв'атā* и *цвет'ā*. Иногда наличие двух форм множественного связано с некоторым семантическим различием. Так, формы *гранцā* и *цв'ет'ā* имеют семантический оттенок собирательности, у слов *кiлу*, *кулелō*, *м'асту* в двух формах мн. ч. различается слабый оттенок определенного (неопределенного) количества: *нiските м'астā*, *раунiсти м'астā*; *кoлку килā вiну ше са пулjчи уд гроздиту?* и *кулелā рабутим за трудадён...* (неопределенное количество), но: *на два места имashi гoди*; *н'áма ли дадé пидисé кíли?* бедъ ас два кулелiй (определенное количество), однако: *д'ётu ст'агат кулелйтг* (неопределенное количество).

Рассмотрев способы образования множественного числа существительных ср. р., необходимо подчеркнуть отличительную особенность говора — большую продуктивность флексии *-утa*, ее своеобразное оформление, тенденцию образования флексии *-oūta*.

Если в других болгарских говорах и в литературном языке наблюдается продуктивность флексии *-ta*, то здесь она встречается очень редко и принадлежит к уходящим явлениям говора, вытесняясь флексией *-утa*. Раньше, видимо, флексия *-ta* имела более широкое употребление (слова, имеющие эту

флексию, обычно относятся к архаическому слою лексики; в случаях колебания *-та/-ута* форма на *-та* встречается лишь у стариков, а *-ута* — в языке молодежи).

В некоторых северо-восточных болгарских говорах наблюдается начало процесса развития подобной флексии. Так, в ташбунарском говоре (находится на территории СССР) новая флексия отмечена лишь в следующих словах: *дичáата*, *крóл'чаата*, *пýл'aата*, *пýлинцата*, *курýтаата*.

§ 12. Далеко не все имена существительные говора имеют формы ед. ч. и мн. ч.: большая группа существительных употребляется в форме только ед. ч. или только в форме мн. ч.; для некоторых из них вообще трудно говорить о категории числа.

1) Очень большая группа существительных употребляется лишь в форме ед. ч.; у большинства из них возможна (и отмечена) форма мн. ч., однако при этом всегда наблюдается различие значений слов в формах ед. ч. и мн. ч. Отсутствие формы мн. ч. у этих слов связано лишь с их семантическим значением, с особенностями употребления в речи;

а) слова, обозначающие названия растений, заросли растений, злаки, овощи, фрукты, сорта их, употребляются лишь в форме ед. ч.: *увéс*, *жýту*, *лук*, *зéли*, *пипér'*, *арпаджíк-кабáлук*, *кóпар*, *калдарýше*, *зáјбер*, *гáлбина*, *бусýлек*, *крен*, *jýзун*, *камбíш*, *варбалáк* и т. д. В говоре — это самая большая семантическая группа существительных; предметы и понятия, обозначенные этими словами, играют большую роль в жизни носителей говора. Эти слова часто употребляются в речи. Форма мн. ч. этих слов употребляется редко, лишь в другом, отличном от основного, значении слова. Напр.: *житá*, *арпаджíки* — другие в форме мн. ч. имеют лишь значение „посевов, всходов“, но и в этом значении слова употребляются чаще в форме ед. ч.

Гораздо реже слова этой группы в форме ед. ч. употребляются в значении некоторого количества отдельных растений: *jýзане*, *крéни*. Чаще же в этом значении употребляется выражение со словом *кóрен*, *стрéк*: *идýн стрéк бусýлек*; *два кóрене крен*; *пет'* — *шес'* *стрéка jýзан*;

б) не имеют формы мн. ч. и слова, обозначающие продукты питания, кушанья, корм животных: *брáшну, слани́на, кајмб̄, сурвáтка, ма́аку, у́ббрак, ушúк, кајмák, у́двара, шикér', имишлайк, кавармб̄, пасат', мус, ви́ну, ме́су, пачи́, лапши́, кучи́, питтм'áс', пóтквас у́тёт, ял, ярмб̄, пл'áва, меки́на, с'áну* и т. д.

И эта семантическая группа существительных велика; слова этой группы часто слышатся в речи.

В отличие от первой группы, формы мн. ч. слов, входящих в эту группу, встречаются гораздо реже и отмечены лишь у двух из них: *с'áну—с'анá, брашну—брашнá*. Но и здесь форма мн. ч. связана со значением, отличным от основного значения слов: *брашнá* (различие сорта муки); *с'анá* (запасы сена). Напр.: *дај с'áну на кра́вата, с'áну үбзими...* (только форма ед. ч.), *хýбаєи с'анá ше ѫма*. (Запасы сена — в этом значении может употребляться и форма ед. ч.: *ше ли ѫмами с'ану? — ѹбуу с'ану ше ѫма!*);

в) не отмечена форма мн. ч. у слов, обозначающих какой-либо материал, вещество, которое трудно пересчитать, делить: *вёлна, калчи́шта, прéжда, памýк, беринджýк, купрýна, къл, кадизи́, атлás, катráн, кирéч, үбсак, клéј, сапýн', белýлу, червýлу, перушáна, тел', улб̄, лет* и др.;

г) слова с отвлеченным значением качества или свойства, действия или состояния, эмоции, чувства и настроения также имеют лишь форму ед. ч.: *бéднус', аóта, срамутá, тимнутá, красутá, греутá, гёл'ч, варталéк, варвéш, дубró, удбýлени, кра́же, сё́рбел', ерё́нству, карпéш, ѿрани, пátени, ајл'азлéк, сýдба, младинб̄, заjd'увани, живóт, жýзне, смóрт', здрáви, нуждá, атёр, помáна, алазá, батáј, ѫди, жинýли, давéри, трут, наўка, мýзика, свабóда, жар*. Ни одно из этих слов не имеет формы мн. ч.;

д) слова, обозначающие время, названия месяцев, определенную пору сельскохозяйственного года, состояние погоды и т. п., также употребляются лишь в форме ед. ч.: *аугус, мáрта, јéсен, жéтва, грёздубér, мамùлекупáни, вр'áме, пора кéрч, сланб̄, маглб̄* и др.;

е) не имеют форм мн. ч. и слова, обозначающие предметы и явления, единственные в своем роде: *нибé, джендéм, ат, истрасáк, мезýнка, мурé, м'áсиц* (=луна, но *м'áсица* = часть года), *слéнци* (=солнце, но *сланцá* = солнечная погода, жара: *таквíзи сланцá, таквíзи дéнуви!*). В эту группу входят и имена собственные: *Балгáрије, Бóлграт, Адéс, Кулá* (созвездие), *Кráйче*, а также названия праздников: *Велíден, Кóлада, Акт'áбрьки* и т. д.;

ж) несколько слов, обозначающих совокупность лица (*дичурл'úга, — женур'á, свајанá* и др.), также относится к грамматической категории существительных, имеющих лишь форму ед. ч.;

з) дальнейшая классификация существительных, употребляющихся лишь в форме ед. ч., представляет определенные трудности. Вне приведенной классификации остается еще сравнительно небольшая группа слов, которая не объединяется каким-либо семантическим единством. Несколько слов, обозначающих землю, поле: *пръс, земý, нýва, пулé, кéр* (оч. редко, в том же значении и *кéруви*). Несколько слов, обозначающих мусор, грязь, помои: *г'уб'урл'úк, умразýлу, кал, писурл'úк, мрасутýје, баклúк, блашик, г'уб'ур*. Несколько слов-синонимов, обозначающих лицо человека или морду животного: *сурáт, сим্ব, лицé*. Напр.: *учистý си сурáту, аз гу пузнáвам ту сим্বта, на сурáту м'áза на баштá си* и т. д. Не имеют мн. ч. также слова: *кéдеш, пипéл, убóган', пол, салгóн, нáтра, убóшта, гевíс', крастопéт', л'áбиц, вýнци* и др. Отмечены лишь в форме ед. ч. и некоторые устаревшие слова, употребляющиеся лишь в определенных выражениях: *кéч* (*вóрле кéч*), *будалé, дýрма* (*ráбутиуми на дýрма*), *аддамáч* (*испýуми алдамáчу*), *тамазлóк* (*устáвиуми питéлу на тамазлóк*), *насаáт'* (*дáваши насáат'*), *бучиджýк* (*игráми на бучиджýк*) и др.

2) Слов, имеющих лишь форму мн. ч., в говоре гораздо меньше, их семантическая классификация более четка. Эта категория слов менее продуктивна: часть слов, входивших некогда в эту категорию, переходит в категорию слов, имею-

щих ед. ч. и мн. ч.; часть из них попадает в категорию слов, имеющих лишь форму ед. ч.

Так, существительное *вратá* имеет формы ед. ч. и мн. ч. (*вратá — врат'á*), но раньше, видимо, это слово входило в категорию „*pluralia tantum*“, а в языке старииков еще встречается непонятное, с точки зрения современного состояния языка, согласование: *вратáта са рассéјнала* (при обычном *вратáта ј рассéјнала и врат'áте са рассéјнали*).

Заимствованное из русского языка слово *чернíла* в говоре является существительным ж. р., имеющим лишь форму ед. ч. (в значении „жидкость“), и словом, имеющим формы мн. и ед. ч. (в значении „сосуд с чернилами“).

Слово *сýтка — сýтки* в говоре имеет формы ед. ч. и мн. ч.: *инъ сутка; цáла сýтка; дв'á, три сýтки*.

Среди „*pluralia tantum*“ выделяются следующие семантические группы:

а) слова, обозначающие парные или составные предметы: *гáште, кбзаки, килóци, клéшти, кáмани* (жернова), *ноýце, ноýичики, поли, пуштáнки, устá, букáје, пафтý, ачкý, дбски* (забор), *басамáки, ватáли, криватýни, пálучки, ре́сни, чесý, наúје*. К ним примыкают слова, обозначающие совокупность предметов, вещей и лиц: *нештá* (одежда, постельное белье), *садíни* (посуда).

Особняком стоит слово *ноýтуви* (*pluralia tantum*), обозначающее деревянное, выдолбленное из одной колоды, корыто;

б) слова, обозначающие массу, вещество, материал в его совокупности: *праштáни, три́це, пál'на*;

в) слова, обозначающие праздники, обряды: *Сурвáки, уóдратки, жени́јли, придачki, прýкаски*;

г) отмечено несколько имен собственных: *Мáнтули, Дан-дóри*.

3) Некоторые существительные м. р. в форме мн. ч. не употребляются, его заменяет форма т. н. „множественного количественного“:

а) часть из них имеет значение какой-либо единицы измерения, почти все они не имеют и членной формы: *килагráм,*

драм, чам, м'áсиц, кат, чут, нўмер; кóлку кáта кунцé? — сад'á два кáта; тоj млóгу чúта терлýце ѫма; ѫмами два чута наúје. Форма обычного мн. ч. слова час — часъ имеет значение „часов“, для выражения множественности служит форма „количественного множественного“: кóлку ча́са? — два ча́са;

б) другие слова этой группы не имеют какой-либо семантической общности: вéчер, каéр, баýр, кор, кёсам, солýк, дубýтук. Напр.: *e!* кóлку каéра ми дунéси!; *нам'áриу* млóгу кóсама ис чурбéта (для выражения неопределенной множественности служит форма мн. ч. существительного ж. р. кусъ — кóси); дубýтук не имеет формы так наз. „множественного неопределенного“, ее замещают слова: *сурýје* или *гуведáр'*.

Членные формы имен существительных

§ 13. Строгой нормой говора является член -ó (-y) для имен существительных мужского рода: *глас* — *гласó*, *бел'* — *бел'ó*, *тиш* — *тиштó*, *грес'* — *гриздó*, *м'ау* — *меó*, *страу* — *страо*, *вѓгал'* — *вагал'ó*, *кѓдеш* — *кадешó*, *кумáт'* — *кумáт'y*, *граш* — *граѓду*, *үоган'* — *үогн'y*.

В литературе о шуменских говорах отмечается процесс вытеснения о-члена Ѹ-членом¹ в говорах данного типа. В нашем говоре нет этого процесса. Правда, при первом ознакомлении с говором создается впечатление о вытеснении Ѹ-членом ó-члена: довольно часто слышатся формы *л'áба*, *сýна*, *д'áда*, но при более углубленном изучении этого явления выясняется следующее:

1) Формы с членом -ъ (-a) употребляются носителями говора в тех случаях, когда они разговаривают по-болгарски с человеком, слабо знающим местный говор, с человеком,

¹ Г. Попиванов. Особенности на Шуменский говор, стр. 31. в Сб. на Бълг. акад. на науките. Кн. XXXIV; С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко. Опыт классификации болгарских говоров СССР. „Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 329.

который не живет в данном селе, т. е. с „чужим“ человеком. В разговоре между собой носители говора никогда не употребляют *ъ*-член, воспринимая формы с *ъ*-членом как ино-диалектные.

2) Формы типа *λ'áба*, *сýна* имеют свои значения, свои правила употребления: „множественное определенное“ и остатки винительного падежа (см. ниже).

Переход с одной членной формы на другую происходит незаметно для говорящего, как бы инстинктивно. Такой переход отражен в связных текстах, записанных мною. В начале повествования рассказчик чувствует, что говорит для „чужого“, и употребляет формы *ъ*-члена; затем, увлекаясь рассказом, переходит на систему родного диалекта и употребляет формы с *о*-членом. Так, в сказке, записанной со слов И. Русанджик (29 лет), такой переход особенно характерен. Текст записывался на огородах, во время обеденного перерыва. Рассказ слушало несколько человек, слушатели перебивали рассказчика, делали замечания по ходу рассказа. Вот начало этой сказки: *Ўмалу идýн зáјчик и идýн таралéш. Таралéша и зáјчика зéлиса на дагавóр: кој по -- скóру ше б'éя. Зају́са см'á на таралéша... таралéшу утóжда у т'áу... Зају́ б'áга на ўбóни краj, кату стiнал там, жинáта на таралéшу кáзва...* В небольшой сказке слова *таралéш* и *зáјц* были употреблены 6 раз в членной форме с *-ъ* (*a*) (начало сказки) и 14 раз в членной форме с *-о* (*y*) (в основном — середина и конец рассказа).

§ 14. Существительные ж. р. в единственном числе получают член *-та* (*тъ*): *прóтка* — *прóтката*, *пáзвата*, *прéждата*, *мéчката*; *кузбта*, *иilбта*; *кулáта*, *мумáта*; *души́та*, *лапшáта*, *синита*.

Существительные, оканчивающиеся на *-е*, перед членом могут несколько изменять этот конечный *-е* в направлении к *-а*. Так, например, слово *крýше* в членной форме может звучать так: *крýшета* (норма) и *крýшáта* — *крýшата*.

Это колебание не зависит от характера предшествующего согласного: *мази́jeta*, *мазýjата* и *мазýjата*; *крýшета*, *крý-*

шáта и крýшата; дўлета, дулáта и дул'ата; купáнета, купáната и купан'ата.

Обычно все произносят *-ета*: *дўлета*. Формы на *-ата* чаще встречаются у пожилых женщин, лучших „хранильниц чистоты“ говора. С другой стороны, эта же форма часто отмечается и в языке лиц, хорошо владеющих инодиалектной речью, языковые нормы родного говора которых несколько сбиты, расшатаны. Они же чаще употребляют формы на *-'ата*: *дўл'ата*. Все три формы могут быть отмечены в языке одного и того же лица; у детей, однако, встречаются лишь формы типа *дўлета*.

Существительные ж. р., оканчивающиеся на согласный или сонорный, переносят ударение на член: *врѓу — враутбъ, крѓу — краутбъ, кал — калтбъ, ръш — ращтбъ, пеш — пештбъ*, а также: *жерт' — жертбъ, бéднус' — беднустбъ, м'акут' — м'акутбъ, пéрус — перустбъ*.

§ 15. Имена существительные ср. р. получают член *-ту*: *укб — укботу, сп'аллу — сп'аллуту, др'ау — др'ауту, лицé — лицéту, пóде — пóдету, сандбче — сандбчету, лóзи — лóзиту, вйнци — вйнциту, учáни — учáниту*.

Существительные, оканчивающиеся на *-е*, перед членной формой могут изменять конечное *-е* в направлении к *-а*; так, например, слово *йме* в членной форме может звучать так: *ймету* (норма) и *йм'ату* (редко).

Это явление среди имен существительных ср. р. встречается гораздо реже, чем у существительных ж. р., и отмечено главным образом в языке старшего поколения. Значительно реже это явление встречается и у имен, оканчивающихся на *-и*: *лóзиту* (норма) и *лóзету, лóзату, лóз'ату* (очень редко).

§ 16. Членные формы множественного числа образуются независимо от рода имени существительного двумя основными способами: прибавлением члена *-та* или *-те*, при этом выбор члена определяется типом окончания существительного во множественном числе.

1) Член *-та* получают имена существительные, имеющие во множ. числе окончание *-а*: *рок — ругá — ругáта, кракáта*,

*калилáта, крилáта, слоу — слувá — слувáта, сбрци — сар-
уá — саруáта.*

Имена существительные ср. р. на *-е*, имеющие во мн. ч. окончание *-ута*, особой членной формы мн. ч. не имеют: *пóде — пóдеута*, но нельзя сказать: *пóдеутата, дýпеутата, свйнчеутата*. Язык избегает повторение *-тата* лишь в этом случае, в других случаях такое повторение возможно: *пли-
тá — плитáта* (ед. ч.), *сýту — сýтуту и ситá — ситáта* (мн. ч.).

2) Во всех остальных случаях имена существительные во мн. ч. получают членную форму путем прибавления *-те* (иногда *-ти*): *глубите, ракáвите, лијёнете, чурáпете, букваřете, гувадáгете, кáманете, юздете, царўлете, з'в'á-
здите, св'áштите, лéјцете, зъмете.*

Иногда это *-те* звучит как *-ти*, но чаще всего там, где перед *-те* уже стоит *-и-*: *гóлуби — гóлубити, св'áшти —
св'áштити.*

С другой стороны, имена существительные, имеющие *-е* во мн. ч., иногда меняют это *-е* на *-и* в членной форме мн. ч.; ср. *лијёне — лијёните и лијёнити*; правда, *-ти* в этих случаях появляется реже, чаще же остается *-те*.

Каких-либо закономерностей этого явления установить не удалось. Вот еще несколько примеров на членную форму: *акáцијете, паједжýните, дýнете, румýните, бéдните, кóните и кóнете, кукóшки те, жáбите, цувáлити и цувá-
лети, стакáните, калпáкити, ушéнkitи, набирите, парýте, учите, дувáгите, садýнете, юстенкити, арапáбите, мамýлете, вратникити, адбýмите, гудýнити, слáмите.*

3) Существительные м. р., имеющие во мн. ч. флексию *-уei*, получая член *-те*, изменяют эту флексию в направлении к *-уу-*: *гráждуви — гráждáуте, шкáуви — шкáуте, свáкуви —
свáкууте, свéкруви — свéкрууте, вáлуви — валууте; пóт'у-
уте.* Эта своеобразная флексия вступает в определенные взаимоотношения с флексией мн. ч. ср. р. *-ута*, ср.: *пóде —
пад-е — пóдеута — пóд-еута.* Видимо, поэтому встречаются такие варианты: *пóт' — пóттууте и пóттеуте, откл'у-*

чүви — *бткъ'уч'еута* и *бткъ'учууте*, *поде* — *п'одеута* и *по-д'одута* — *под'одута*. Эта связь между своеобразными флексиями поддерживается фонетическим процессом лабиализующего воздействия *-у-* на *-е-*.

4) Колебание в членной форме мн. ч. наблюдается у некоторых слов, образующих форму мн. ч. при помощи флексии *-á:* *луз'á* — *луз'áта* и *луз'áте*; *д'ужм'á* — *д'ужм'áта* и *д'ужм'áте* — *д'ужм'áта*; *с'аменá* — *с'аменáта* и *с'аменáте* (реже, в языке молодежи), *д'ацá* — *д'ацáта* (норма) — *д'ацáте*.

Здесь наблюдаются две тенденции: с одной стороны, там, где ощущается оттенок собирательности, обычным будет член *-та*; а там, где нет этого оттенка и форма воспринимается как обычное множественное число, чаще будет член *-те*. Напр.: *баштá* — *башт'á* — *башт'áта*, *кóшта* — *кашт'á* — *кашт'áта*. С другой стороны, существительные ж. р. чаще имеют член *-те*, а среднего — *-та*. Напр.: *сулдурл'áте* (ж. р.), *жи-н'áте* (ж. р.), *рацáте* (ж. р.), *д'ацáта* (ср. р.).

§ 17. К характеристике членных форм необходимо добавить следующее:

1) некоторые существительные в говоре не имеют членной формы:

а) все существительные мужского рода на *-у*, с постоянным ударением, не имеют членной формы ед. ч.: *алáу*, *чéрау*, *ватáу*, *шкáу*, *зáсеу*, *кóжуу*, *кráчкуу*, *үбреу*, *сидеу*, *тезгáу*, *чýчкуу*.

Существительные, оканчивающиеся на *-уу*, в тех случаях, когда обычно употребляется нечленная форма, часто теряют последний звук *-у*: *кráчкуу* — *кráчку*, *чýчкуу* — *чýчку*, *кóжуу* — *кóжу*. При этом наблюдается и колебание рода существительного: *инó кráчку и идáн кráчкуу*, *кéсичук кráчкуу и кéситу кráчку*.

Русские заимствования *тилиграу*, *нарматиу* могут иметь и членную форму: *тилиграу*, *нарматиу*.

Все эти слова имеют членную форму мн. ч.: *шкáу* — *шкáуте*, *кóжуу* — *кóжууте*. Таким образом, в данном случае отсутствие члена связано с фонетическими особенностями говора;

б) имена существительные м. р. на *-у* (термины родства и свойства) не имеют членной формы ед. и мн. ч.: *д'áду, свáку, чýчу* и др.;

в) все остальные термины родства и свойства (существительные м. р. и ж. р.) также не имеют членных форм: *бóле, мáма, кáка, мóш, брат*.

Существительные м. р. на согласный могут иметь членную форму, но употребляют ее очень редко. Так, например, слово *мóши* в членной форме *мажó* встречается лишь в значении „муж“, „мужчина“. В значении „муж“, „супруг“ это слово членной формы не имеет.

Роль отсутствующей членной формы у существительных, обозначающих термины родства и свойства, выполняют притяжательные местоимения (краткие формы): *кáка ти, д'áду ми*, но нельзя сказать: *кáката, д'áдуту, баштáта*. В некоторой степени роль члена берут на себя и *а*-формы (остатки винительного падежа существительных м. р.): *д'áда, бráта, мóже, сýна*. Если эти существительные в форме ед. ч. оканчиваются на согласный, то притяжательное местоимение присоединяется к этой „*а*-форме“: *сýна си, бráта ми, мóже си* (иногда и *мажé си*);

г) слова, служащие для обозначения какой-либо единицы измерения, не имеют членной формы единственного и множественного числа: *ектáр' (га) боj* (уст. — около 500 м), *сáжен', арши́н, адём* (шаг), *тон, пут, килагрáм, кíлу, драм, килó* (уст.—1 мера), *м'áсиц, час, чут* (пара), *кат* (оборот, пласт), *плéс* (пласт, слой) и др.

У слов *сáжен', арши́н, пут* членные формы *сáжен'у, арши́ну* (и *áрши́н'у*), *пудó* встречаются, но лишь в тех случаях, когда эти слова имеют другое значение: значение инструмента измерения (*сíжен', арши́н*), *гири* (*пут, драм, килагрáм*).

д) не имеет члена и слово *дом*, стоящее на границе между наречиями и существительными. Не употребляется членная форма слова *клас* (класс в школе), видимо, ввиду его семантической близости к словам — единицам измерения, с одной стороны, и ввиду того, что оно обычно бытует лишь в рус-

ской речи носителей говора (чаще — в школе), а в болгарской — значительно реже: *кóлку класа ѫмаш?* — *ўмам шес' клáса, — ше óде дисéт'уу клас; учí са пбрв'уу клас.*

Таким образом, случаи отсутствия члена, перечисленные в пунктах б — д, связаны с семантической особенностью слов, входящих в эти группы.

2) Другой особенностью говора является то, что имена собственные и прозвища могут иметь членную форму; часто они получают член среднего рода: *Милáнката, Дёнката, Дснету, Костету, Маријчету, Кирўшету.*

Существительные, обозначающие название местности, употребляются обычно лишь в членной форме — их нечленная форма возможна, но малоупотребительна: *Крајчету* (районный квартал села, последняя „*Маулб*“), *Мантулите, Дандорите* (название местности к югу и юго-западу от села).

Звательная форма

§ 18. Звательная форма употребляется сравнительно редко, главным образом лишь тогда, когда зовут кого-либо громким голосом и если его нет в поле зрения. Обычной при обращении является нечленная форма единственного числа, хотя и здесь не редки случаи употребления звательной формы. Звательную форму могут иметь только личные имена, реже — термины родства, еще реже, лишь в сказках, — названия животных.

В образовании звательной формы нет какой-либо определенной закономерности: существительное может получать окончания *-о, -е*, может сокращать основу или получать особую звательную частицу. Звательная форма экспрессивна, эмоционально окрашена. Напр.:

1) Окончание *-о* отмечено, например, в звательной форме следующих слов: *бáбо, мáмо, кáко, Никóло, жéно, Милáно, сéстро, сýно, вéлчо.*

2) Окончание *-е*: *Ивáне, Вáне, бráте, Гéрге, Васйле, Дёнке, Русйнке, мраснýце.*

3) Сокращают свою основу чаще названия родственников, особенно часто в тех случаях, когда за ними идет личное имя: *мам!* *баб!* *бул'* *Лёно!* *бат'* *Ване!* *д'ад* *Кустадийне!*

4) При обращении сохраняется обычная форма имени ед. ч.: *Малáнка!* *ку́ма,* *дунéс,* *синýта!* *Кíна,* *дај* *х'áбу!* Имена, оканчивающиеся на *-e*, особой звательной формы не имеют. Ср.: *Вáне,* *утурý,* *прóзурцú!* *Скóру* *ше* *дóди* *Ване.*

Остатки падежей

§ 19. Существительные м. р., обозначающие термины рода-ства и свойства, личные имена и прозвища, имеют особую форму, которую в болгаристике называют „остатком вини-тельного падежа“.

Существительные на *-у* меняют это окончание на *-a* (*д'áду*—*д'áда*, *свáку*—*свáка*) или на *-e* (*бáт'у*—*бáте*, *чíчу*—*чíче*, *тáм'у*—*тáме*).

Существительные, оканчивающиеся на согласный, присоединяют флексию *-a*: *Иван*—*Ива́на*, *брáт*—*брáта*.

Часто эта форма сопровождается кратким притяжательным местоимением: *д'áда* *ти*, *бáте* *си*.

Эта форма употребляется в следующих случаях.

1) Если это существительное стоит в роли прямого дополнения: *пузнáвам* *бáте* *ти*; *вýд'уу* *д'áда* *ти*, *кáту* *үýдри* *свáка* *си...*

2) В сочетаниях с любым предлогом: *дај* *на* *д'áда* *си*; *дај* *на* *чíче* *си* *писмóту*; *кажí* *на* *бáте* *ти*, *идí* *при* *д'áда* *си*; *двáма* *сaz* *бáте*; *сечníй* *въз* *свáта* *си*.

Слова этой лексической группы употребляются в живой речи очень часто, особенно часто в форме „винительного падежа“. Это и является одной из причин первоначального впечатления о вытеснении *о*-члена в говоре *a*-членом (см. выше). Другой причиной такого ложного впечатления является частое употребление еще одной „*a*-формы“, являющейся „остатком родительного падежа“.

Эту форму имеют все существительные м. р. Она не отличается морфологически от „*a*-формы“ „множественного количественного“: *кáдус*—*кáдуса*, *калб*—*калбла*, лук—*лúка*, *л'ап*—*л'áба*. А также: *кл'úче*, *пóте*, *нóже*, *кóжеле*, *кóне*, *зáјце* и т. п.

У существительных м. р., оканчивающихся на *-у*, эта форма совпадает с формой „винительного падежа“: *д'áда*, *ч'íче*.

Эта форма употребляется очень часто, но лишь в одной конструкции: „*тóгу* плюс существительное м. р.“: *дај тóгу л'áба!*; *знам тóгу д'áда!*; *сас тóгу бáтэ н'ама да са разби-реш!*; *дај тóгу казáча*; *кажи на тóгу чил'áка!*; *вши тóгу пóте ас ти рéкуу*; *замнi тóгу цувáле* и т. п.

Если между *тóгу* и существительным стоит определяющее его прилагательное или местоимение, то прилагательное всегда стоит в членной форме, а существительное — в обычной нечленной форме ед. ч.

Ср.: „*дај тóгу казáча*“ и „*дај тóгу шчýпен'уу казáн*“ (но нельзя сказать: „*дај тóгу шчýпин казана*“ или „*тóгу шчýпен'уу казáна*“), „*сас тóгу д'ада*“ и „*сас тóгу вáшуу д'аду!*“; „*де ј тóгу сандáла?*“ и „*де ј тóгу тэбýуу сандáл*“.

Эта конструкция синонимична членной форме существительного. Ср.: *дај л'áбу* и *дај тóгу л'áба*, *кажи на чил'áку* и *кажи на тóгу чил'áка*. Синтаксически эти две конструкции отличаются одна от другой лишь тем, что в роли подлежащего может выступить членная форма существительного, а конструкция с „*тóгу*“ — не может. Есть незначительное и семантическое различие: конструкция с „*тóгу*“ подчеркивает большую определенность, чем обычная членная форма.

§ 20. Остатки других падежей встречаются редко: отдельные формы — в песнях или в застывших выражениях, в некоторых оборотах.

1) Редким явлением в говорах считаются остатки твор. пад. В нескольких различных по характеру песнях, слышанных у разных лиц, отмечены остатки творительного ед. ч. следующих слов: *крак*—*кráкум*, *лис*—*лýстум*, *неут'*—*нéхт'ум*, *убган'*—*убгн'ум*, а также: *убчум*—*укб*. Все эти формы от-

мечены лишь в конструкции с предлогом *з* (*с*). Напр.: *инó млáду з ўочум гурý, с кráкум гурý, з нéхт'ум си ср'áваши камачен дувár, з лíстум си свíри.*

2) Также в песне отмечен факт, говорящий об остатках дат. ед. ч.: *тоj Калини инó дўма рéчи...*

3) В застывшем выражении сохранились остатки дат. пад. ед. ч. и для м. р.: *даj на эдрáви думудár'у — үспудár'у.* А также: *Пбмену my в'атру — te my!*

4) Много остатков падежных форм сохраняется в наречиях, восходящих к падежным формам имен существительных. Однако в говоре сохраняются и переходные случаи, когда форма еще не перешла в наречие, еще не порвала связи с именем существительным. Так, слово *кóшти* имеет форму *кóшти*, которую трудно определить, относится ли она к наречиям или это еще существительное. Напр.: *үóди ис кóшти; напр'áт' кóшти стувá* (но: *срéште кóшти стувá*), *вóтре кóшти спý; ут кóшти; тоj ул'áзal кóшти.* Во всяком случае форма *кóшти* является остатком родительного падежа.

5) Несколько различных форм имеет слово *гудáна*: *кáта гудáна, но: pu унój гудáне б'áуми на балта.* Форма *гудáне* является остатком местного (?) пад. ед. ч.; при сочетании с числительным обычно употребляется форма *гóдин* (наряду с *гудáни*, употребляется безразлично). *Кóлку гóдин?* *Три гудáни... или три гóдин.*

6) Другим фактом, свидетельствующим об остатках род. пад. мн. ч., является форма *рак* в сочетании со словом *млóгу*. Старики всегда скажут: *млóгу рак, но пет' — шес' рака; ше лувíм раки.*

Замечания о месте ударения

У большинства существительных данного говора место ударения при словоизменении остается постоянным. Реже оно может переноситься с основы на флексию или, наоборот, с флексии на основу.

§ 21. 1) Почти все существительные м. р. имеют постоянное место ударения:

а) <i>рол</i>	— <i>рόлу</i>	— <i>рόла</i>	— <i>рόлуви</i>
<i>клуп</i>	— <i>клӯбу</i>	— <i>клӯба</i>	— <i>клӯбуви</i>
<i>кутéц</i>	— <i>кутéцу</i>	— <i>кутéца</i>	— <i>кутéцуви</i>
<i>път'</i>	— <i>път'у</i>	— <i>пъте</i>	— <i>път'уви</i>
<i>крај</i>	— <i>крају</i>	— <i>краје</i>	— <i>крајуви</i>
б) <i>бајр'ák</i>	— <i>бајр'áку</i>	— <i>бајр'áка</i>	— <i>бајр'áки</i>
<i>тавáн</i>	— <i>тавáну</i>	— <i>тавáна</i>	— <i>тавáни</i>
в) <i>санда́л</i>	— <i>санда́лу</i>	— <i>санда́ла</i>	— <i>санда́ле</i>
<i>мулдувáнин</i>	— <i>мулдувáнину</i>	— <i>мулдуванина</i>	— <i>мулдувáне</i>
<i>елéк</i>	— <i>елéку</i>	— <i>елéка</i>	— <i>елéке</i>
<i>чапíц</i>	— <i>чапíцу</i>	— <i>чапíца</i>	— <i>чапíце</i>
г) <i>д'áду</i>	— <i>д'áда</i>	— <i>д'áдува</i>	— <i>д'áдуви</i>
<i>чайч</i>	— <i>чайче</i>	— <i>чайчува</i>	— <i>чайчуви</i>
д) <i>звéр'</i>	— <i>звéр'у</i>	— <i>звéре</i>	
<i>вистáн'</i>	— <i>вистáн'у</i>	— <i>вистáне</i>	
<i>въртеш</i>	— <i>въртешу</i>	— <i>въртеше</i>	
<i>башчиван-</i>	<i>башчиван-</i>	<i>башчиванджíје</i>	
<i>джíј</i>	<i>джíју</i>		

2) Лишь у небольшой группы существительных м. р. (около 80 слов) ударение переносится на член (более чем у 15% из них отмечено колебание места ударения, с явной тенденцией перехода в группу существительных, имеющих постоянное место ударения).

Ударение переносится на член в следующих случаях:

а) у большинства односложных существительных: *глас* — *гласó*, *плат* — *платó*, *ден'* — *ден'ó*, *бел'* — *бел'ó*, *кл'уч* — *кл'учó*, *глис* — *глистó*, *тиш* — *тиштó*, *грес* — *гриэздó*, *лет* — *лидó*, *зъп* — *забó*, *шак* — *шаиó*, *трап* — *трапó*, *м'ау* — *меó*, *страпу* — *страпó*;

б) у нескольких неравносложных слов с „беглым а“: *в'áтар* — *в'атрó*, *мбзак* — *муэзó*, *чесан* — *чиснó*, *вбгаль* — *вагал'ó*, *свéкар* — *свекарó* (ср. *свéкар* — *свёкруви*);

в) у трех двусложных существительных: *пипёл — пипилó, кёдеш — кадешó, кёжел' — кажел'ó.*

Колебание в ударении отмечено, например, у следующих слов: *боп — бубó и бóбу, кёлу и калó, кра́ю и крајó, джóбу и джу́бó, в'áтру и ватро́, вёртешу и вартешó, вёлику и вал'кó.*

В языке молодежи почти всегда эти имена имеют постоянное место ударения: *джóбу, бóбу.*

В языке детей почти любое существительное м. р. может быть с постоянным ударением: *лет — лéду, зéп — зéбу,* однако и в их языке встречаются случаи с переносом ударения на член. Так, в записанной со слов Генче Соколова (7 лет) сказки слово *вёлик* два раза встречается в членной форме *вал'кó* (начало сказки) и три раза — *вёлику* (конец сказки): *вал'кó дўма...; вёлику из'ál кёнете; то глéтналу вёлику...*

3) Два слова м. р. переносят ударение на флексию в членной форме и в форме мн. ч.:

*крак — кракó — кра́ка — кракá,
рок — ругó — рóга — ругá.*

§ 22. А. Постоянное место ударения и у большинства существительных ж. р.

1) Ударение сохраняется на основе:

а) *гурáчка — гурíчки, сúтка — сúтки,
скáтерка — скáтерки, стрóна — стрóни.*

В эту группу входят все существительные ж. р., образованные очень продуктивным суффиксом *-ка*. Продуктивность этой группы связана с продуктивностью суффикса *-ка* в говоре. Большинство существительных ж. р., заимствованных из русского языка, идет в эту группу. Русские заимствования часто получают постоянное ударение даже и в тех случаях, если они имели в русском языке разноместное ударение. Напр.: *стрóна — стрóни, бólница — бólнице, трубó — трубý;*

б) почти у всех существительных ж. р., имеющих флексию *-e*, во мн. ч.: *джúна — джúне, грóбшиста — грóбшисте,*

кү́зница — кү́знице, таблýца — таблýце, врáнца — врáнце и т. д.

Здесь же следует упомянуть и о большой группе неизменяемых существительных ж. р. на -е: *крýше*;

в) *кáка* — *кáкини*, *мáма* — *мáмини*, *Злáтина* — *Злáтини*.

2) Ударение сохраняется на флексии:

а) <i>варбó</i>	— <i>варбý</i>	<i>трубó</i>	— <i>трубý</i>
<i>далгó</i>	— <i>далгý</i>	<i>абó</i>	— <i>абý</i>
<i>канарбó</i>	— <i>канары</i>	<i>бабó</i>	— <i>бабý</i> ;
б) <i>пупад'á</i>	— <i>пупадý</i>	<i>систра</i>	— <i>систрý</i> ;
в) <i>земперí</i>	— <i>земпер'á</i>	<i>чушмí</i>	— <i>чушм'á</i>
<i>башчá</i>	— <i>башчá</i>	<i>бујú</i>	— <i>бујá</i> ;
г) <i>jembó</i>	— <i>jem'á</i>	<i>капó</i>	— <i>кап'á</i> .

Б. Существительные ж. р. имеют разноместные ударения в следующих случаях:

1) Меньшая часть существительных, имеющих флексию -и во мн. ч.:

а) <i>митлó</i>	— <i>мéтли</i>	<i>купó</i>	— <i>кóпи</i>	<i>пилó</i>	— <i>пýли</i>
<i>трувó</i>	— <i>трóви</i>	<i>даскó</i>	— <i>дýски</i>	<i>палó</i>	— <i>по́ли</i> ;
б) <i>плитá</i>	— <i>плýти</i>	<i>мумá</i>	— <i>лóми</i> .		

2) Восемь слов, имеющих флексию -е во мн. ч.: *замí* — *зéме*, *важдó* — *в'áжде*, *типцí* — *тéпце*, *мравó* — *мráве*, *дущí* — *дúше*, *plenó* — *плéне*, *даштир'á* — *дýштерé*, *усцó* — *уóсце*.

3) Все существительные ж. р. на согласный переносят ударение на член, а существительное *ръш* — и на флексию мн. ч.:

св'аиш — *св'аиштó* — *св'áши*
ръш — *раштó* — *ражá*.

§ 23. А. Существительные ср. р. переносят место ударения лишь в следующих случаях:

1) Большая часть группы существительных, оканчивающихся на -у(у) в ед. ч.:

кѣлбѣ — калбѣ   бѣрду — бардѣ   слоу — слувѣ
 курѣту — куритѣ   зѣрну — зарнѣ   штѣклу — штаклѣ
 вримѣнѣу — вриминѣа эл’ату — эл’атама и т. п.

2) Небольшая группа из оканчивающихся на *-и*: *вримѣнци* — *врименца*; *лѣзи* — *луз’а*.

3) Пять слов, изменяющихся во мн. ч. свою основу: *с’аме* — *семена*, *йме* — *именѣ* и др.

Б. В остальных случаях существительные ср. р. имеют постоянное место ударения:

1) На основе:

а) *шувѣду* — *шувѣда*, *кѣлу* — *кѣли*;

б) *грозденци* — *грозденца*, *лѣстенци* — *лѣстенца*;

в) все слова, оканчивающиеся на *-е* в форме ед. ч.: *подѣ* — *подеута*, *йме* — *ймѣута*, *гуштерче* — *гуштерчеута*, *мумиче* — *мумичеута*.

2) На флексии:

а) все слова, оканчивающиеся на *-о*: *седлѣ* — *седла*, *веслѣ* — *весла*, *свислѣ* — *свисла*, *шунѣ* — *шунна*;

б) все слова, оканчивающиеся на *-е*: *ejуѣ* — *ejуа*, *јестѣ* — *јестама*, *мумчѣ* — *мумчѣта*, *каларнѣ* — *каларнѣта* и т. п.

§ 24. У нескольких слов отмечены различные отклонения от общих правил, связанных с местом ударения.

Так, все существительные женского рода, оканчивающиеся в форме ед. ч. на *-е*, являются неизменяемыми, т. е. формы ед. и мн. ч. у них совпали. Лишь у одного существительного ж. р. *нед’але* формы ед. и мн. ч. отличаются ударением: *инѣ нед’але*; *дв’а* — *три нед’але*.

Все существительные ж. р. на гласный в членной форме не меняют места ударения. Исключение представляют лишь три слова: *зимѣ* — *зѣмата*, *зѣрна* — *зурнѣта*, *кармѣ* — *кѣрматы*. При этом в нечленной форме ед. ч. слова *зимѣ* наблюдается колебание места ударения *зимѣ* и *зѣма* (реже).

В нечленной форме ед. ч. колебание места ударения отмечено у следующих существительных ж. р.: *ракѣ* и *рѣка* (в устаревших выражениях: *набіу* си *ракѣ*); *парѣ* и *парѣ* (оба

слова встречаются лишь в поговорках, пословицах: *н'амам инѣ парѣ и двѣма си м'аэат с'акаш са пâра и петаѣк*; *в'аждѣ и в'аждѣ* (при множественном *в'аждѣ* — видимо, тенденция выравнивания места ударения).

Интересное и сложное явление наблюдается со словом *свинї* в связи с колебанием места ударения. В членной форме ед. ч. ударение всегда падает на флексию ед. ч.: *свинáта*, в языке стариков ударение и в нечленной форме всегда падает на конечное *-й*: *свинї*. В нечленной и членной формах мн. ч. ударение на основе: *свїне* — *свїнетe*. В языке среднего поколения очень часто и в нечленной форме ед. ч. ударение падает на основу: *свїни*. В языке молодежи отмечено несколько случаев употребления уже другой, новой для говора формы: *инѣ свїне*. Таким образом, форма ед. ч. стала совпадать с формой мн. ч.; проявляется тенденция перехода этого существительного из небольшой малопродуктивной группы существительных ж. р. на *-и* в большую продуктивную группу неизменяемых существительных на *-е*. Вот несколько примеров употребления разных форм этого существительного: *свинáта ј глáнна*; *штó млештии кáту свїни*, *инѣ свїни упра́сила са*, *свїнетe рóвет*; *кáту тавр'áс* — *чил'ák*, *пак кат са напíје* — *свїне мб҃цка*; *пра́сина свїне*; *нашта свїни*.

Колебание места ударения отмечено и у существительного *сѣрци* в нечленной форме ед. ч. В форме мн. ч. и в членной форме ед. ч. ударение всегда на флексии: *сарцá* — *сарцéту*. В языке старшего поколения чаще и в нечленной форме ед. ч. ударение падает на флексию: *сарцé*, однако и у них часто встречается ударение на основе *сѣрци*. В языке среднего поколения чаще слышится форма *сѣрци*. Тенденцию дальнейшего развития этого явления выяснить не удалось. Вот несколько примеров употребления различных форм этого слова: *у мб҃не ма були сѣрци* (язык детей); *на сарцé ми кóтките дра́скат* и *тёгли ми сѣрци да галч'й българцуки* (два примера из языка молодежи); *мо́жту сарцé утробену* (в языке пожилых женщин).

Колебание ударения и в форме мн. ч. существительного м. р. *стóруш*, заимствованного из русского языка, свидетельствует лишь о процессе проникновения слова в говор, о борьбе закономерностей говора с заимствованной формой. Напр.: *млóгу стóруже вárдем калхóшкуту дубró; стóружете дин'á спит, пак нушт'á вárдем; чўзат са мóбje старажá.*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

вин. — винительный падеж
дат. — дательный падеж
ед. ч. — единственное число
ж. р. — женский род
им. п. — именительный падеж
мн. ч. — множественное число

м. р. — мужской род
ср. р. — средний род
сущ. — существительное
ст.-сл. — старославянский
язык
чл. ф. — членная форма

Э. И. ЗЕЛЕНИНА

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СУВОРОВСКОГО ГОВОРА¹

Исследование словарного состава болгарских народных говоров является одной из насущных задач болгарской диалектологии. Болгарские говоры в лексическом отношении мало изучены. До сих пор нет работ, посвященных их словарному составу, кроме отдельных высказываний и небольших заметок болгарских диалектологов. В то же время работа по сбору материалов для словаря говоров Болгарии ведется уже давно. В различных изданиях (СбНУ, Сп. БАН, Род. напр. и др.)² имеется целый ряд публикаций этих материалов в форме небольших словариков, приложенных к монографиям или напечатанных отдельно. Однако этих материалов еще недостаточно. То обстоятельство, что лексика болгарских говоров мало изучена, является серьезным тормозом для изучения истории болгарского языка, для определения генетических связей между его говорами. Правомерным является в связи с этим изучение словарного состава говоров болгар-переселенцев Советского Союза, представляющих ценность для истории болгарского языка.³

---

¹ Словарь говора напечатан в „Статьях и материалах по болгарской диалектологии СССР“, вып. 5, М., 1954.

² См. список сокращений.

³ Начало изучения словарного состава говоров болгар СССР было положено исследованием И. К. Буниной, посвященным говору Ольшанских болгар (см. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 3., М., 1953). Автор данной статьи использовал указанное исследование и во многом следовал за его автором.

Данная статья посвящена словарному составу говора болгарского села Суворова Одесской области УССР¹. Этот говор, как и ряд других болгарских говоров СССР, являющихся представителями группы так называемых фракийских говоров, имеет особую ценность вследствие того, что такой тип говоров в самой Болгарии мало изучен. Территория, на которой жили носители этого типа говоров, находится теперь за пределами Болгарии.

Словарь фракийских говоров также плохо изучен. Однако попытка изучения их словаря имела место. Следует указать на специальный раздел лексики в статье Ст. Младенова, посвященной языку фракийских беженцев². Этот раздел представляет собой небольшую вводную заметку и список самых любопытных, по мнению автора, слов. В вводной заметке Ст. Младенов отмечает несколько характерных для фракийских говоров слов, которые, на его взгляд, могли бы быть использованы в общеболгарском лексиконе. Материал Ст. Младенова, несомненно, имеет большую ценность. Однако он очень неполон. Здесь же следует указать на небольшой, но также ценный раздел в работе Б. Йонева „Диалектни студии“, посвященный лексическим „рупцинам“, т. е. словам фракийским по происхождению, наблюдаемым автором в шуменском говоре³.

Ввиду того, что исследуемый говор является говором переселенцев, изучение которого имеет значение главным образом для истории языка, основной задачей работы является

¹ Словарный состав говора изучается впервые, хотя фонетика и грамматика изучались ранее. См. Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, т. II (Пг., 1915, стр. 58—79) и статьи Е. В. Чешко, И. К. Буниной и Д. С. Мухиной, посвященные вопросам грамматического строя говора („Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“ вып. 6, М., 1954), а также „Отчет об экспедиции 1951 г.“ („Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 3, М., 1953) и Е. В. Чешко. Вторая диалектологическая экспедиция в село Суворово („Краткие сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР“, вып. 12, М., 1954).

² „Тракийски сборник“, кн. VI, София, 1936, стр. 114—173.

³ Б. Йонев. Диалектни студии. СбНУ, XX, стр. 40—42.

исследование исконной лексики говора. Основная задача исследования обязывает, таким образом, к различению в словаре говора исконной и заимствованной лексики. К исконной для говора лексике следует относить всю ту лексику, не разлагая ее на исконно болгарскую и заимствованную, которую его носители принесли с собой из Болгарии. Определение круга этой лексики в полной мере возможно лишь в том случае, если учитывать состояние культуры и хозяйства Болгарии в тот период, когда предки суворовских болгар покинули свою родину, т. е. приблизительно в конце XVIII—начале XIX в. Заимствованной лексикой следует считать все те слова, которые были взяты суворовскими болгарами из других языков в период их жизни на территории Бессарабии. Принадлежность слова к заимствованным может быть установлена главным образом при трех условиях:

- 1) Если звуковой облик данного слова противоречит звуковой системе говора. Например: *жирибéц* (русское полногласие), ср. искон. сув. *бр'ák*; *дуп*, *кружбчи* („у“ на месте старого *ж*), ср. искон. сув. *мхш*.
- 2) Если в данном слове имеются словообразовательные элементы, не свойственные говору. Например, *вус+тóк* — руссизм. Ср. искон. сув. *из+гléдам* — воспитать.
- 3) Если исторические или какие-либо другие соображения лишают права думать, что обозначаемые данным словом предметы или понятия были знакомы носителям говора до момента появления слова. Например, слово *шушóни* (дамские резиновые боты) следует рассматривать как заимствованное из румынского языка, так как этот вид обуви стал известен суворовским болгарам лишь после 1918 г. Слова, связанные с колхозным строительством, являются в говоре заимствованиями из русского языка. Например: *кулхóс*, *план*, *гráфик*, *бригадá* и др.

В связи с основной задачей работы важным является вопрос о связях суворовского говора с другими говорами болгарского языка, а также вопрос о специфике словаря не только изучаемого говора, но и фракийских говоров. В связи

с представленными в суворовском говоре диалектными дублетами рассматриваются и другие известные в болгарском языке дублеты, делается попытка решить вопрос о их соотношении и о территории их распространения. Однако решение указанных вопросов осложняется недостатком диалектологического материала. В связи с тем, что предметом исследования является говор переселенцев, развивающийся в отрыве от общенародного языка, в условиях иноязычного окружения, в работе в той или иной мере затрагивается проблема языкового смешения, в частности вопрос о том, как развиваются различные отделы словаря говора в процессе языкового смешения.

Вопросы семантики, этимологии и словообразования затрагиваются лишь в той мере, в какой этого требует осуществление основной задачи работы.

Материалы, используемые в данной работе, можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести все словари, ко второй — диалектологические материалы.

Все известные словари болгарского языка (см. список сокращений) используются в работе для выделения исконной лексики в словаре суворовского говора. Однако при определении исконной лексики следует учитывать, что изучаемый говор долгое время развивается в отрыве от общенародного языка, и поэтому влияние литературного болгарского языка на него исключено. В связи с этим имеющиеся в словарном составе суворовского говора русизмы не могут быть отнесены к исконной для говора лексике, хотя многие из них есть в болгарских словарях. Как известно, болгарский литературный язык получил свое подлинно свободное развитие лишь после освобождения Болгарии из-под ига Турции в 1878 г. Он обогатил свой словарный состав заимствованиями из русского языка главным образом после освобождения, т. е. много времени спустя после того, как предки суворовских болгар покинули Болгию.

Старые болгарские словари (Гер., Дюв., Мич.) страдают общим для них недостатком: в них не выделяются диалек-

тизмы. В этих словарях наравне с общеизвестными словами указываются слова, имеющие очень ограниченное распространение. Например, в словарях указываются без пояснений некоторые специфические для шуменского говора слова (*жерка*, *въбел* и др.).

Лучше обстоит дело с новыми болгарскими словарями (Б. т. р., Берн. I, II и Чук. б-р); в них выделяются диалектизмы. Однако и в этих словарях встречаются случаи, когда названия одного и того же предмета приводятся без пояснений. Например, в словарях Бернштейна (Берн. II) и Чукалова (Чук. б-р) без объяснений даются названия *гердан* и *огърлица*, *обица* и *менини*, *чембер* и *забрадка*, а в словаре Чукалова даны также без помет названия *колодда* (*кладенец*, *геран*, *бунар*). Остается неясным соотношение указанных названий.

Имеющийся диалектологический материал не охватывает всех разделов лексики, а те разделы, по которым имеется материал, представлены очень неполно, поэтому не могут удовлетворить исследователя. Авторы словарей часто преследуют цель собрать только специфические для того или иного говора слова. Например, Г. Попиванов в предисловии к словарю орханийского говора пишет, что он старался собрать все особенные по своему значению или по форме слова¹. Ст. Младенов, как уже отмечалось, включил в список слов только любопытные слова². Такой подход к сбору лексического материала лишает исследователя возможности изучать лексику болгарских говоров во всей ее полноте, выделяя не только специфическое, но и общее. Чтобы в какой-то мере восполнить недостаток материала, в данной работе используется этнографический очерк Хр. Вакарельского, посвященный быту фракийских беженцев³. В этом обширном очерке содержится богатый лексический материал по быту, обрядам и хозяйству фракийских болгар.

¹ См. СбНУ, XXXVIII, 101.

² „Млад. Тр. сб.“, 101.

³ См. „Тракийски сборник“, кн. V. Бит., София, 1935.

В работе используются материалы по болгарским говорам Советского Союза. В первую очередь привлекаются статьи по атласу болгарских говоров СССР, напечатанные в „Статьях и материалах по болгарской диалектологии СССР“ и в „Ученых записках“ Института славяноведения АН СССР. Используются также и лексические карты „Атласа болгарских говоров СССР“, который в настоящее время находится в производстве. Напечатанные материалы для словаря болгарских говоров СССР — словарь говора села Твардицы МССР, составленный Т. В. Шведовой („Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 2), и словарь говора ольшанских болгар, составленный И. К. Буниной („Статьи и материалы...“, вып. 5), привлекаются в работе как вспомогательный материал для определения исконной для говора лексики, а также для сравнения с материалом суворовского говора, так как указанные говоры развивались в общем в одинаковых условиях и переживали, следовательно, сходные для них процессы.

Материал по словарю суворовского говора собирался во время диалектологических экспедиций Института славяноведения летом 1951—1952 гг., а также во время поездки в апреле 1952 г. Сбор материала проводился по составленной заранее программе. Основными методами сбора материала были: 1) слушание живой речи и выбор из нее нужных терминов; 2) выписывание слов из записанных ранее диалектологических текстов, что обязательно сопровождалось проверкой и уточнением значения выписанных слов. Иногда мы вынуждены были прибегать и к методу прямого вопроса. В итоге было собрано около 4500 слов. Однако собранный материал, как выяснилось в процессе написания данной работы, страдает недостатками. При собирании материала мало внимания было обращено на семантику и синонимику. Не всегда фиксировались все значения слова, иногда не выделялись главные значения слов и второстепенные, не были уточнены значения некоторых дублетов.

При изучении словарного состава говора имеют важное значение сведения о прошлом и современном состоянии его носителей. Точных сведений об основании села Суворова (бывш. Шикирли-Китай) нет, но есть основание полагать, что болгары поселились в нем в период после русско-турецкой войны 1806—1812 гг. На это нам указывает то обстоятельство, что в сохранившейся официальной ведомости 1816 г. среди других сел значится и село Шикирли-Китай¹. История суворовских болгар тесно связана с историей народов Бессарабии, входившей до 1917 г. в состав России, с 1917 по 1918 г.—в состав Советской России, а с 1918 по 1940 г.—в состав Румынии. В 1940 г., в результате мирного разрешения советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии, она была возвращена Советскому Союзу. Однако социалистическое развитие Бессарабии было прервано в июне 1941 г. в связи с Великой Отечественной войной. С изгнанием в 1944 г. фашистских оккупантов началось быстрое восстановление хозяйства Бессарабии.

В настоящее время село Суворово является районным центром. Население его занимается главным образом сельским хозяйством; развиты отдельные ремесла. В селе есть МТС, мельница, две маслобойни, больница, аптека, дом культуры, библиотека, средняя и две начальных школы. Преподавание в школах ведется на русском языке. Когда Бессарабия входила в состав Румынии, преподавание велось на румынском языке.

Население села Суворова тесно связано с городом Измаилом, расположенным в 30 км от него. Близость города оказала влияние на быт суворовских болгар.

Суворовские болгары живут в окружении болгар (ближайшие болгарские села — Каменка, Кирнички, Богатое), русских, украинцев и молдаван, населяющих окрестные села — Утконосовку и Приозерное, а также город Измаил.

---

¹ См. М. Г. Попруженко. Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909.

Публикуемая статья посвящена разделу бытовой лексики суворовского говора. Как известно, эта область диалектной лексики отличается сравнительно большей устойчивостью, чем, например, область производственной лексики, и в ней наиболее полно отражается словарная специфика диалекта.

ИЗ ОБЛАСТИ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ

При рассмотрении раздела бытовой лексики ограничимся словами, обозначающими части усадьбы, приусадебные постройки, дом, утварь и одежду.

В быту суворовских болгар со времени их поселения в России произошли глубокие изменения. Это выражалось не только в появлении в их быту новых предметов, но и в видоизменении старых и постепенном их исчезновении. Одновременно с изменениями быта у суворовских болгар происходили изменения и в словаре их говора. Однако в различных отдельах бытовой лексики эти изменения отразились не в равной степени.

§ 1. Части усадьбы. Приусадебные постройки

Эта группа слов целиком входит в исконный пласт, в ней отсутствуют заимствованные слова. Своими словами суворовские болгары называют части усадьбы: двор — *двор*; сад — *градина*; место, где раньше молотили хлеб, — *армáн*; каменную ограду, отделяющую усадьбу со стороны улицы, — *дувáр*, камышовый плетень, разгораживающий две соседние усадьбы, — *плет*; ворота — *пóрta*; калитку — *вратник*, *врати́чка*.

На усадьбе, кроме жилых помещений, имеются хозяйственные постройки. Все они у суворовских болгар называются также исконными для говора словами. Например, *плáвник* — сарай для соломы, *ци́вáн* — навес, под которым хранится сельскохозяйственный инвентарь, *бурдé* — погреб, *да-личé* — кладовая, *дам* — хлев, *курник* — курятник, *кóчина* — отдельно выстроенное небольшое помещение для свиней, *аíхл* — за-

гон для скота, примыкающий к конюшне, и др. Колодец, имеющийся обычно в каждом дворе, также называется болгарским

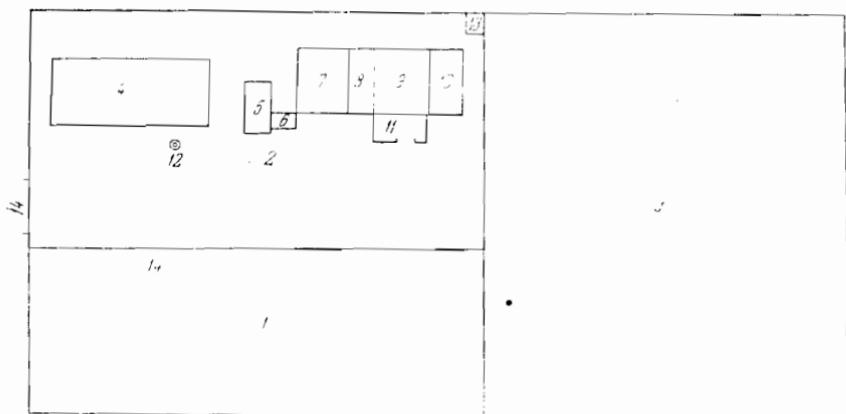

Рис. 1. План усадьбы

7 — гради́на; 2 — двор; 3 — армáн; 4 — къшта; 5 — л'атна күфн'a; 6 — бурдé; 7 — дамчé; 8 — күрник; 9 — лам; 10 — па'авник; 11 — агáл; 12 — клайнц; 13 — нүжник; 14 — вратник

словом *клайду*. Названия деталей, общих для хозяйственных и жилых построек, будут рассмотрены ниже. Здесь отметим

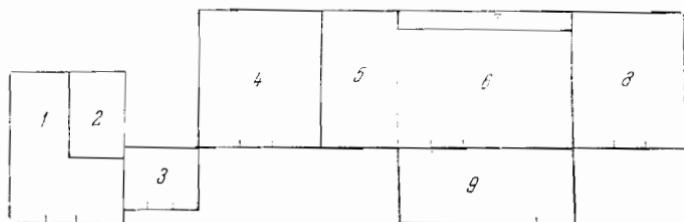

Рис. 2. План нежилых построек

1 — л'атна күфн'a; 2 — л'атна сóба; 3 — бурдé; 4 — дамчé; 5 — күрник; 6 — лам; 7 — јасла; 8 — па'авник; 9 — агáл

лишь названия деталей, характерных для хозяйственных построек. Они также являются исконными для суворовского

говора. Например: *јásла* — кормушка, *стάлба* — лестница в погребе, *лигáлу* — насет для кур и др.

Укажем на некоторые наблюдаемые в этой группе слов особенности в значениях. Словом *агъл* в суворовском говоре называется загон для скота и для овец во дворе, в то время как в болгарских словарях (Гер., Б. т. р., Чук. б-р) и в источниках по говорам (Вак. Тр. сб., 235, П. Шум.) оно указывается лишь со значением загона для овец или овчарни. В некоторых дворах в Суворове кроме хлева (*дам*), предназначенного обычно для скота и для овец, имеется отдельное помещение для коров — *сајá*. В болгарских источниках это слово известно или в значении навеса (Чук. б-р), навеса для скота (Берн. II), или загона для скота (Гер.), или овчарни (Гер., П. Шум., Род. напр. год. VII), или, наконец, в, близком суворовскому, значении конюшни (Ш. Твард.). Слово *дáмчé* служит в говоре для названия кладовой, находящейся, как правило, под одной крышей с хлевом, — *дам* (см. план нежилых построек). В болгарских источниках слово *дам*, производным от которого является слово *дáмчé* (уменьш. форма), известно только в значении хлева или стойла (Гер., Мич., Б. т. р., Берн. II, П. Шум., Вак. Тр. сб., 238). Уменьшительная форма от слова *дам* с самостоятельным значением в источниках не встретилась. Повидимому, его самостоятельное значение в суворовском говоре является особенностью этого говора. В данном случае проявляется наблюдаемая в говоре тенденция, которая состоит в том, что уменьшительные по происхождению формы слов (*дам* — *дáмчé*) могут приобретать самостоятельное значение (*дáмчé* — кладовая). Наиболее заметно эта тенденция проявляется в бытовой лексике.

Бóрот у колодца в говоре называется словом *рудáн*, имеющим, кроме того, и значение мотального колеса. В источниках указываются лишь значения: мотальное колесо (Гер.) и самопрялка (Мич., Чук. б-р, Берн. II), а значения ворота ни в одном из них нет.

Следует отметить также, что слово *бурдé*, обозначающее в говоре погреб, в большинстве источников имеет значение

землянки (Мич., Б. т. р., Берн. II, СбНУ, XXXI, Тет., Ш. Твард., Б. Ольш.), а также некоторые другие значения — вертеп (Чук. б-р), хижина (Берн. II), шалаш (Дюв.), низкая плохо выстроенная изба (СбНУ, XIV, Вратца) и лишь в двух словарях (Гер. и Мич.) дано со значением погреба, а в Б. т. р. значение погреба указано наряду со значением землянки. Для названия погреба в болгарском языке имеется несколько дублетов. Кроме отмеченного выше названия, в источниках указываются слова: *зимник* (Мич., Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. II, Б. т. р. и др.), *маза, мазе* (Мич., Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. II и др.), *изба* (Мич., Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. II, Б. т. р., Б. Ольш. и др.), которые в значении погреба встречаются в словарях чаще, чем слово *бурдей*. Таким образом, в суворовском говоре представлен наиболее редкий дублет названия погреба. Можно считать также редким представленный в суворовском говоре дублет названия хлева *дам*, отсутствующий в словарях Чук. б-р и Чук. р-б, а в словаре Берн. II указанный с пометой уст., хотя имеющийся в старых словарях — Гер. и Мич. Другие дублеты названия хлева *обор* и *хляв* (*хлев*) указаны во всех словарях. Из диалектологических источников слово *дам* обнаружено лишь у Вак. Тр. сб., 238, и П. Шум., т. е. в источниках по фракийским и шуменским говорам.

Из известных в болгарском языке дублетов названия колодца в суворовском говоре представлено слово *клáїңц* (лит. *кладенец*), имеющее, повидимому, широкое распространение. Оно дается во всех словарях без помет, которые указывали бы на ограниченность его употребления. Другие дублеты названия колодца или указываются не во всех словарях (например, в словаре Чук. б-р нет слова *въбел*, а в словаре Чук. р-б нет слова *геран*), или даются с пометами, указывающими на их местное значение, например: *въбел* — обл. диал. (Берн. II, Б. т. р.), *геран* — обл. диал. (Берн. II, Б. т. р.), *бунар* — уст., диал. (Берн. II, Б. т. р.). Надо отметить, что в словарях Герова и Чукалова (б-р) все перечисленные дублеты даны как равнозначенные, без помет, что, по всей вероят-

ности, объясняется имеющимися в этих словарях недостатками. О диалектной принадлежности указанных слов можно судить лишь на основании карты атласа болгарских говоров СССР, на которой картографируются дублеты названия колодца. Название *клáденец* является наиболее распространенным в болгарских говорах Советского Союза. Оно встречается во фракийских и балканских говорах. Слова *геран* и *въбел* имеют более узкое распространение. Первое из них является типичным для чийшийской группы говоров (северо-восточной), второе — для шуменской. Слово *бунар* в говорах не встречается. Таким образом, представленное в суворовском говоре слово *кладенец* (сув. *клаінц*) известно фракийским говорам и является общеболгарским.

Трудно что-либо определенное сказать об известных в болгарских источниках дублетах названия навеса, так как в разных источниках они даются с разным значением. Например, слово *сая* — навес по Чук. б-р и Берн. II, в словаре Геррова дано как 1) овчарня, овечий хлев; 2) загон для скота и т. д. (о значении слова *сая* см. выше). Слово *граж* в одних источниках имеет значение хлева (Б. т. р., Гер., Мич., Дюв.), в других — загона для скота (СбНУ, XVI, Тырново), в третьих — навеса (П. Шум.). Однако можно отметить, что дублет названия навеса *сайвант*, представленный в суворовском говоре (сув. *циїван*), приводится во многих словарях (Гер., Мич., Чук. б-р, Млад. Етим., Берн. II) и обнаружен в источниках по фракийским говорам (Вак. Тр. сб., 238).

В суворовском говоре представлен один из двух известных в болгарском языке дублетов названия тока — *харман* (сув. *армáн*). Оба дублета, и *харман* и *гумно*, повидимому, равнозначны в системе болгарского языка, так как и тот и другой указываются во всех словарях без особых помет. В источниках по фракийским говорам известны оба дублета (Млад. Тр. сб., 124, 168).

Особо следует выделить слово *лигáлу* — насест для кур, обнаруженное нами в этом значении лишь в источниках по

фракийским говорам, где оно имеет иную форму — *лејиш* (Млад. Тр. сб., 140).

Таким образом, рассмотренная группа слов является исконной для говора, а большая часть терминов этой группы является общеболгарской; исключение составляют лишь несколько слов, имеющих областное или узко диалектное значение, — *дам*, *дамчё*, *бурдё*, *лигáлу*.

§ 2. Дом и его устройство

В группе слов, служащих названиями для дома, его частей, деталей его строения и стройматериалов, большое место занимает исконный пласт. Однако имеются и заимствования. Своим словом *кáшта* суворовские болгары называют

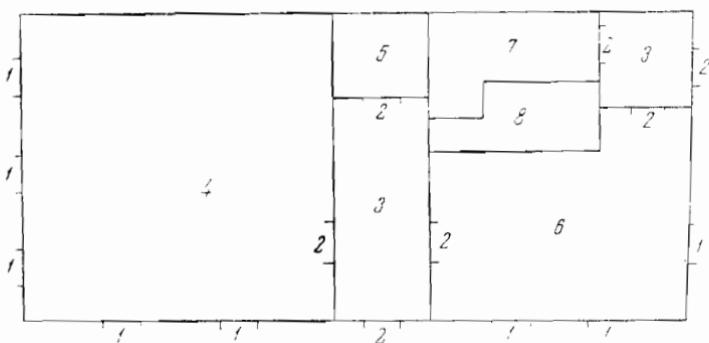

Рис. 3. План дома

7 — циклó; 2 — вратá; 3 — афáт (фафáт); 4 — крáйна кáшта;
5 — тýмна кáшта; 6 — сп'áдна кáшта; 7 — мálка кáшта; 8 — сóба

не только дом, но и комнату. Ср., например: *нáшта кáшта са састой ут три кашт'á* (мн.) (наш дом состоит из трех комнат). В болгарских словарях обычно указывается лишь одно значение этого слова — дом. Только в словаре Герова и Б. т. р. указано еще значение комнаты, в которой находится печь. Интересно отметить, что в таком же значении, как и у суворовских болгар, слово *кóща* известно в ольшанском говоре (Б. Ольш., 29) и говоре Твардицы (Ш. Твард.).

Каждая комната в доме суворовских болгар имеет свое название: *крайна кашта* — самая большая в доме комната, предназначенная для свадеб, праздничных обедов и т. п.; *ср'адна кашта* — спальня; *малка кашта* — комната, в которой находится печь и плита, служит в зимнее время кухней; *тамна кашта* — небольшая комнатка, без окон, в которой хранится одежда; в некоторых домах ее нет. Комнаты дома разделены небольшими коридорами — *айат* (*фаиат*), которых в доме бывает обычно два.

Детали строения жилого дома и хозяйственных построек у суворовских болгар в основном называются исконными словами, например: *макас* — стропила, *гридá* — балка, *брáвну* — бревно, *дирéк* — один из деревянных столбов, поддерживающих стреху крыши и служащих украшением дома, *стриá* — стреха, *спýсук* — навес у дома, *тавáн* — потолок, *зим'á* — земляной пол, *дувáр* — стена, *вратá* — дверь, *прак* — 1) порог, 2) небольшое крыльце у дома, *рамка* — дверная рама (наличник), *циклó* — окно, *чурчувé* — оконная рама, *сбба* — печь, *тимéл* — под в печи, *кумýн* — труба, *баджá* — нижняя часть дымохода и др. Помещение, в котором готовится пища, у суворовских болгар обычно отделено от жилого помещения. Для этой цели у них предназначена *л'йтна күфн'a* — отдельное или примыкающее к хозяйственным постройкам помещение. В нем имеется *л'йтна сбба* (летняя печь), в которой летом пекут хлеб. В некоторых дворах этой печи в летней кухне нет, она сделана отдельно. Такая летняя печь называется также своим словом — *куптóр*.

Отметим наблюдаемые в этой группе слов семантические особенности. Прежде всего остановимся на словах, известных в болгарских словарях, но в суворовском говоре имеющих иное значение. Словом *мáзер* в говоре называется тыловая сторона дома, тогда как в словарях такого значения этого слова не дается. Ср. Дюв. — дно (сосуда); Гер.: 1) тупой край яйца, 2) дно; Мич.: 1) пуга, 2) дно и т. д. Словом *циклó* (лит. *стъкло*) в говоре называют не только оконное стекло, но и само окно. В словарях это слово дается обычно

со значением стекла, и только в словаре Дюв. оно указано со значением „стеклянного окна“ (?). В говоре слово *ипија* обозначает глиняную завалину у дома и возвышение над полом в летней кухне, в то время как в болгарских источниках оно имеет значение изделия, сооружения (ср. Гер. япия, СбНУ, XXXI, Тет. япия). Слово *грéб'ан*, кроме известных в словарях значений (гребень для волос, гребень у петуха—Гер., Дюв., Мич., Б. т. р.), имеет в говоре значение украшения на крыше дома (руск. обл. конек), не указываемое ни в одном из словарей. Во всех болгарских словарях указывается слово *кръпка*, но в них приводится только одно его значение — заплата. В суворовском говоре слово *крапка*, кроме указанного значения, имеет значение шпаклевки. Здесь можно предположить перенос наименования по сходству функций — починка (изношенного платья или обтертых, поврежденных стен). И, наконец, отметим случай проявления указанной выше тенденции в говоре, когда уменьшительные формы слова приобретают свое самостоятельное значение. Образованная от слова *тавáн* (потолок) уменьшительная форма *тавáнка* обозначает в говоре поперечную перекладину на потолке дома. Слово *тавáнка* не встретилось ни в одном из источников.

Большая часть слов рассматриваемой группы дается во всех болгарских словарях без особых помет и является, по-видимому, общеболгарской. Однако некоторые слова редко указываются в словарях и имеют лишь местное значение. Такими являются слова: *макás* — стропила, отсутствующее в большинстве словарей (в словарях Млад. Етим и Берн. II оно указано с другими значениями); в значении стропил оно обнаружено только в источниках по фракийским (Вак., Тр. сб., 239) и шуменским говорам (П. Шум.); *куптóр* — летняя печь, также отсутствующее в большинстве словарей, указанное лишь в словаре Берн. I, II в значении печи для обжигания кирпича и в Б. т. р. с пометой обл. (*коптор* — печь в доме), встретившееся также в словаре орханийского (западно-болгарского) говора (СбНУ, XXXVIII, *кофтор* — печь)

и в словаре тетевенского говора (СбНУ, XXXI, 201), причем в последнем оно имеет значение землянки; *ипїа* — глиняная завалина у дома, встретившееся только у Гер. и в тетевенском говоре (СбНУ, XXXI), и то в другом значении (о значении этого слова см. выше).

Слово *циклó* (окно) также следует рассматривать как мало известный и имеющий областное значение дублет, указываемый только в словаре Дюв. Общеболгарским названием окна является слово *прозорец*, указываемое во всех словарях (Гер., Дюв., Мич., Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. I, II). Известно еще название *пенджур*, но оно является областным (см. Берн. II, дано с пометой *обл.*). О диалектной принадлежности перечисленных дублетов названия окна можно сказать лишь следующее: *прозорец* встречается в шуменских говорах (П. Шум., а также на это указывает карта „Атласа болгарских говоров СССР“); *циклó*, повидимому, характерно для фракийских говоров, о чем свидетельствует тот факт, что из говоров Советского Союза оно встречается только в говорах фракийского происхождения. К сожалению, слово *пенджур* не встретилось в источниках по говорам самой Болгарии. В говорах Советского Союза *пенджур* является наиболее распространенным из всех названий.

Слово *дувár* (сув. стена дома) также мало известно. Оно указано со значением каменной стены во многих словарях (Гер., Дюв., Мич., Чук. б-р, Б. т. р., Берн. II). Однако значение просто стены наряду со значением каменной оградыдается только в словаре Дюв. и в Род. напредък, год. VIII. Значение каменной стены, таким образом, является основным, хотя считать его общеболгарским мешает то обстоятельство, что в Б. т. р. слово *дувар* указано с пометой *обл.*, а в словаре Чук. р-б оно вовсе отсутствует (см. стена, каменная стена). Во фракийских говорах оно известно как каменная стена дома (Вак. Тр. сб., 238). Следует заметить, что теперь в Суворове слово *дувár* служит для названия и каменной и глиняной стены дома, хотя раньше, вероятно, им называли стены только в домах, построенных из камня. Повидимому,

своим исконным типом постройки у суворовских болгар является постройка из камня. Это подтверждается и данными, приводимыми в книге Вакарельского, посвященной быту беженцев из Фракии. Автор книги указывает, что дома у фракийских болгар строились из камня (Вак. Тр. сб., 238). Итак, можно заключить, что слово *дувár* в значении стены дома мало известно и употребляется в этом значении, повидимому, преимущественно в юго-восточных говорах (фракийских и родопских). Другой дублет названия стены дома — *стена* является общеболгарским (см. словари).

Слово *сóба* — печь, представленное в суворовском говоре, широко известно в болгарском языке, на что указывают словари (Гер., Дюв., Мич., Чук. б-р, Берн. I, II, Млад. Етим.), хотя оно отсутствует в словаре Чук. р-б, где даются дублеты для названия печи [печка (русск.), *пещ* фурна]. Наиболее распространенным в болгарском языке и, повидимому, общеболгарским следует считать слово *пещ*, приводимое во всех словарях. Однако из диалектологических источников оно встретилось только в словаре шуменского говора (П. Шум.) и в материалах по западноболгарским говорам (Мар. Градиво, 15). Материал лингвистического атласа болгарских говоров СССР показывает, что в говорах Советского Союза слово *сóба* встречается чаще, чем слово *пещ*. *Пещ* распространено главным образом в шуменских говорах и встречается в отдельных балканских; в остальных же говорах, в том числе во фракийских, употребляется слово *сóба*.

Таким образом, представленные в суворовском говоре дублеты *циклó* (окно) и *дувár* (стена дома) имеют в системе болгарского языка областное значение, а слово *сóба*, повидимому, также является областным, хотя и имеет большое распространение.

Заемствованные слова в этой группе слов являются названиями новых предметов и понятий, вошедших в быт суворовских болгар уже в период их жизни за пределами Болгарии. Большую часть этих слов составляют заемствования из русского языка. Например: *дом* — городской

дом, а также это слово употребляется суворовскими болгарами и по отношению к своим домам, когда речь идет о номере дома; *пол* — деревянный пол, раньше в домах был только земляной (*зим'á*); *жóлуп* — водосточная труба; *духóфка* — духовка; *плитá* — плита в кухне (раньше в домах суворовских болгар был примитивный очаг без дверцы, без вышек, без духовки, называемый в говоре словом *кутлóн* и сохранившийся в некоторых домах до настоящего времени); *карнíс* — карниз, *нали́чник* — лицевая часть дверной рамы, *фундáминт*; повидимому, трех последних предметов у домов также не было раньше; *кráска* — масляная краска, ср. исконное сув. *буjá* — краска анилиновая; *замáска* — замазка, ср. болг. *мазилка*, *лепило* (Чук. р-б слово „замазка“) и др. Только два слова являются заимствованными из украинского языка: *чамúр* — состав из глины, соломы и воды, используемый как строительный материал (ср. Гр. укр. *чамур* — раствор извести с песком), и *дикár* — камень серого цвета, используемый как стройматериал (см. Гр. укр.).

Слова *крайша* и *чирилíца* следует считать, повидимому, также заимствованными, так как они не были обнаружены в болгарских источниках. Однако причина их появления в говоре неясна. Оба эти слова обозначают предметы (крыша и черепица), с давних пор, вероятно, известные предкам суворовских болгар. Однако своих исконных названий этих предметов не сохранилось.

Важно отметить, что в других болгарских говорах Советского Союза для названия крыши и черепицы сохраняются свои исконные слова — *пóкриф* и *керемíда* (см. Б. Ольш., 30 и Ш. Твард.). Правда, в ольшанском говоре наряду с исконным *пóкриф* употребляется и заимствованное *крайша* (Б. Ольш., 30).

В говоре употребляются два варианта названия сырцового кирпича — *тýла* и *лампáч*. Первое название известно в болгарских словарях (лит. *тухла*), но только в значении обожженного кирпича (Гер., Мич., Чук. б-р, Берн. II., Чук р-б). В суворовском говоре слово *тýла* обозначает и обожженный

кирпич. Слово же *лампач* не было обнаружено ни в одном из использованных источников, и его происхождение остается неясным.

Обожженный кирпич, кроме исконного для говора слова *тұла*, называется в суворовском говоре и заимствованным словом *кирпич*. Появление в говоре слова *кирпич* можно объяснить тем обстоятельством, что с определенного времени суворовские болгары начали использовать при строительстве домов покупной кирпич, хотя раньше не только сырцовый, но и обожженный кирпич они изготавливали сами. Заимствованное слово *кирпич* употребляется в говоре гораздо реже, чем свое болгарское — *тұла*. Интересно заметить, что в болгарских словарях слово *керпич* имеется, но в одних оно дается со значением необожженного, сырцового кирпича (Гер., Б. т. р.), а в других — обожженного (Мич., Дюв., Чук. б-р, Берн. II).

Два слова, относящихся к этой группе, не были обнаружены ни в одном из источников: *удвёрка* — ставня и *кўма* — конец крыши, заделанный полого и обращенный на улицу. Слово *подлукотник* (подоконник) не было обнаружено в болгарских словарях. Оно известно в ольшанском говоре (Б. Ольш., 31). В словаре говора Твардицы (Ш. Твард.) в значении подоконника указано слово *подлакътник*, которое также отсутствует в словарях. Только в словаре Чук. р-б (см. *подлокотник*) оно дается в значении ручки кресла. Нет сомнений, что твард. *подлакътник* является болгарским словом, а сув. и ольш. *подлукотник* заимствовано из русского языка (ср. болг. *лакът* и русск. *локоть*).

§ 3. Убранство дома (мебель, украшение стен, постельные принадлежности)

В этой группе слов исконными являются в основном названия предметов, связанных с болгарским национальным бытом, традиции которого суворовские болгары хранят до настоящего времени. Например: *синیدа* — низенький обеден-

ный столик, *стол'чи* — низенькая табуретка на четырех перекрещенных ножках, *кревáт* — большая деревянная кровать, *канапéйка* — деревянный диван, *лáвица* — деревянная скамья со спинкой, *бакáрник* — полка для ведер, *óдар* — деревянное возвышение над полом в темной комнате, *оглидáлу* — зеркало, *л'ушáк* — туфяк из домотканного материала, *глáвница* — соломенная подушка, *ургáн* — стеганое одеяло из шерстяной домотканной материи, — *мисáл* — скатерть, *пишкýр* — вышитое полотенце, которое как украшение вешают на стену, и мн. др. Все эти слова являются общеболгарскими названиями предметов домашнего убранства.

Некоторые исконные слова, по мере появления в быту суворовских болгар новых предметов, приобретали новые значения, использовались для названия новых предметов. Например, слово *стол'чи*, обозначавшее раньше низенькую табуретку, стало употребляться и для названия стула; слово *кревáт*, обозначавшее раньше деревянную кровать, теперь употребляется и для названия железной, купленной в магазине кровати; уменьшительная форма от слова *лáмба* (керосиновая лампа) *лáмбичка* приобрела значение электрической лампочки.

В этой группе, так же как и в других, наблюдаются некоторые особенности в значении отдельных слов по сравнению со значениями этих слов, указанными в болгарских источниках. Слово *мáса* в суворовском говоре обозначает плетенную из шелка или шерсти салфетку, которую стелют на стол поверх скатерти, тогда как в болгарских словарях оно указывается только со значением стола. Словом *инули́ку* в говоре называют домотканый узкий коврик, который вешают на стену. Это слово происходит, повидимому, от прилагательного, ср. общеболгарское *еднолик* — односторонний (Мич., Гер., Б. т. р.). В словарях такого значения этого слова обнаружено не было. В суворовском говоре слово *чаршáф* служит для названия белого домотканного покрывала с подзором и с вышивкой, а в словарях оно указывается со значением простыни. Однако в говоре Твардицы (Ш. Твард.) оно обозначает тоже покрывала.

В словарях для слова *шапка* указывается в числе других значений и значение покрышки чего-нибудь (Мич., Чук. б-р, Берн. II). В суворовском говоре для слова *шапка* зафиксировано значение покрышки на горелке керосиновой лампы.

Отметим интересный случай, когда разные формы одного и того же слова имеют разные значения: *чул* — существительное м. р. обозначает в говоре попону, а *чулá* — существительное ж. р. — верхнюю наволочку у подушки. В словарях была обнаружена только первая форма — *чул* в таком же значении, как и в суворовском говоре (Гер., Дюв., Чук. б-р, Берн. II). Для названия наволочки в словарях указано слово *калъф* (Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. II). В суворовском говоре слово *калъп* служит названием для нижней наволочки. Раньше у суворовских болгар были только соломенные подушки. Это мы узнаем из того, что для соломенной подушки сохранилось исконное название (*главница*), а для пуховой подушки в говоре употребляется заимствованное название — *падушка*. Наволочка у соломенной подушки называлась *калáp*. С появлением новых подушек, перьевых и пуховых, за словом *калáp* закрепилось значение нижней наволочки у таких подушек, а название для верхней наволочки было создано за счет внутренних ресурсов говора: от слова *чул* было образовано новое слово — *чулá*, которое от первого отличается по форме.

Наконец, отметим встретившиеся и в этой группе слов случаи проявления отмеченной выше тенденции, которая состоит в том, что уменьшительными формами приобретается самостоятельное значение. Уменьшительная по происхождению форма от слова *плат* (ткань) *платчé* имеет в говоре значение половика. Форма *сандáчи* обозначает сундук, а слово, от которого оно образовано, имеет в говоре совсем другое значение (*сандák* — гроб). Слово *убри́ска*, по происхождению также уменьшительная форма, обозначает в говоре вышитую занавеску. Однако болгарские слова: *убрус* — полотенце (Гер., Мич., Берн. II) и *убрисвам* — утирать (Мич.), с которыми может быть связано сув. *убри́ска*, имеют другие значения. В суворовском говоре эти слова не зафиксированы.

Слово *ламбичка*, производное от *ламба* (керосиновая лампа), приобрело значение электрической лампочки, перестав быть уменьшительной формой к *ламба*.

Как было отмечено выше, соломенная подушка называется в говоре *главница*. В болгарском языке для названия этого предмета известно и другое слово — *лагенца*. Однако дублет литературное *възглавница* (сув. *главница*) является наиболее распространенным. Он встречается почти во всех словарях (Гер., Мич., Чук. б-р, Чук. р-б, Берн. II, Б.т.р.), в источниках по юго-восточным (Вак. Тр. сб.; Сп. БАН LVI Мил. Особ. прин. Хасково) и западным (СбНУ XIV, Вратца) говорам и имеет, повидимому, общеболгарское значение. Другой же дублет *лагенца* встретился только в словаре шуменского говора (П. Шум.) и является, по всей вероятности, областным. Карта „Атласа болгарских говоров СССР“, на которой картографируются названия соломенной подушки, подтверждает высказанное предположение о степени распространения дублетов *възглавница* (*главница*) и *лагенца*. Действительно, слово *лъганица* встречается только в говорах шуменского типа, а в остальных говорах употребляются разные морфологические варианты слова *възглавница*.

Указанное выше название для низкого обеденного столика — *синица*, представленное в суворовском говоре, является одним из известных в болгарском языке дублетов названия этого предмета. Кроме слова *синия*, в словарях указываются названия: *софра* и *паралия*. К сожалению, в словарях (Гер., Дюв., Мич. и отчасти Берн. II) все три дублета даны без всяких указаний относительно их соотношения. И только в словарях Млад. Етим. и Чук. б-р имеются указания, на основании которых можно судить об их соотношении. Слово *софра* в обоих словарях дается без особых помет. В словаре Чук. б-р у слова *синия* имеется ссылка к слову *софра*. Значит, первое слово (*софра*), по мнению Чукалова, является более употребительным, чем второе (*синия*). В словаре Младенова слово *синия* указано как областное. Третий дублет, *паралия*, в словаре Чукалова дается с особой оговоркой,

заключенной в скобки,—«у крестьян». Такая характеристика слова *паралия* дана также и в словаре Берн. II. Трудно понять, что именно этим хотели сказать авторы словарей. Никаких указаний на то, что у крестьян этот предмет имеет какую-то особую форму, в словарях не дается. Переводится слово *паралия* в указанных словарях так же, как и другие два дублета. Повидимому, авторы словарей указанной оговоркой хотели показать, что слово *паралия* является областным. Из диалектологических материалов по Болгарии слова *синия* и *паралия* встретились в источниках по западно-болгарским говорам (СбНУ, VI, Орх., Мар. Градиво, 91), изредка в них встречается и слово *софра* (Мар. Градиво, 91).

Четкую картину распространения трех указанных дублетов дает карта „Атласа болгарских говоров СССР“. Наиболее распространенным является слово *софра*, употребляющееся в северо-восточных и балканских говорах. Слово *синийца* хорошо выделяют фракийские и западноболгарские говоры. А слово *паралия* встречается лишь в трех балканских говорах.

На основании изложенного можно сделать заключение, что слова *софра* и *синия* по степени распространения противостоят слову *паралия*, имеющему узкое распространение, и что слово *софра* является, повидимому, общеболгарским. Слово *синия*, представленное в суворовском говоре, не являясь общеболгарским, имеет большое распространение в болгарских говорах. Материал „Атласа българских говоров СССР“ свидетельствует о том, что этот термин (сув. *синийца*) употребляется главным образом в говорах фракийского и западноболгарского происхождения.

В Суворове зафиксировано два названия для камышовой цыновки: *асир* и *рогоска*. Оба слова являются исконными для говора. Они имеются в болгарских словарях (Гер., Дюв., Чук. б-р, Берн. I, II). В суворовском говоре они равнозначны. О диалектной принадлежности этих слов трудно судить из-за недостатка материала. Слово *рогоска* не встретилось ни в одном диалектологическом источнике. Название *хасър* (сув. *асир*) было обнаружено в словаре шуменского говора (П. Шум.).

в материалах по фракийским говорам (Вак. Тр. сб., 248) и в словаре говора Твардицы (Ш. Твард.), балканского по происхождению. Таким образом, слово *хасър* не является характерным элементом какого-либо говора или группы говоров. Судя по словарям, оба слова равнозначны. Однако следует заметить, что в словаре Чук. р-б дано лишь слово *рогоска* (ст. цыновка).

Наличие в говоре двух исконных дублетов, имеющих, повидимому, разную диалектную принадлежность, может свидетельствовать о смешанном характере этого говора.

До сих пор шла речь о названиях предметов убранства, связанных со старинным национальным бытом, традиции и обычаями которого предки суворовских болгар привнесли с собой с родины. За период жизни на территории Бессарабии в их быту появились новые предметы, которые суворовские болгары заимствовали главным образом у русских. Хотя, как указывалось выше, в истории словарного состава говора и имели место случаи, когда для названия того или иного нового предмета использовались свои исконные слова, для большей части новых предметов названия заимствовались вместе с предметами. Например: покупное одеяло в говоре называется русским словом *уди́алу* (ср. искон. *ургáн*); новая подушка (перьевая или пуховая) в отличие от старой (соломенной) называется также русским словом — *падúшка*; дорожка, которая стелется на стол по русскому обычаю, называется по-русски — *ду-рóшкa*; новый стол, высокий, в отличие от старого, низкого, в говоре называют по-русски — *стол*; табурет, этажерка, абажур, отсутствовавшие раньше в домах, также называются по-русски; *табурéтка, атажéрка, абажúра*. В связи с появлением в домах электричества были заимствованы и названия деталей проводки: *фкл'учáтел, патróн, рузéтка*, хотя электрическая лампочка, как отмечалось выше, называется исконным словом — *лámбичка*.

Интересно отметить случай образования уменьшительной формы от русского слова, но с исконным суффиксом *-чи-*. Его можно наблюдать в слове *кружóчи* (ср. русск. *круг—кружок*),

обозначающем небольшую круглую салфетку. В этом случае также проявилась отмеченная уже выше тенденция приобретения самостоятельного значения словами, которые являются по происхождению уменьшительными формами. Ср. значение русск. *круг* и сув. *кружочки*.

Остается неясным факт заимствования названия для часов — *чисъ* (русск.), так как части часового механизма сохраняют в говоре исконные названия: *стр'ялка* — стрелка (Мич., Берн. II, Чук. р-б), *Маятник* — маятник (Мич., Дюв., Гер., Берн. I, II, Чук. р-б), *пражинка* — пружина. Последнее слово в болгарских словарях, за исключением словаря *Дюв.*, отсутствует. В словаре *Дюв.* слово *пръжина* указано со значением: 1) палка для переноски тяжестей вдвоем, 2) жердь, которую кладут на воз снопов. В суворовском говоре словом *пражина*, от которого образовано указанное *пражинка*, называется рычаг у дисковой сеялки, регулирующий подъем и опускание дисков. Следует отметить, что в говоре ольшанских болгар сохраняется исконное название для часов — *чайсоник* (Б. Ольш., 33).

§ 4. Утварь

У суворовских болгар сохранились те предметы домашнего обихода, какие были в домах их предков, когда они покидали свою родину. Часть из них вышла из употребления, но отдельные из этих предметов еще можно найти в некоторых домах. Названия таких предметов, как, например, *тёнджура* — большая медная кастрюля, *папурка* — деревянная чаша, *бакар* — медное ведро, *казан* — большой медный котел, знают в селе хорошо, хотя их следует считать устаревшими.

Предметы стариинного быта составляют большую часть утвари в домах суворовских болгар и сохраняют исконные названия. Например, своими словами суворовские болгары называют: а) предметы для переноски разного рода продуктов: *чувал* — мешок, *турба* — матерчатая сумка, с которой ходят в поле, *гадилка* — узелок из домотканной шерстяной материи, в котором в праздники носят угощения, *кошница* —

корзина, *панёр* — большая корзина для переноски фруктов и овощей и др.; б) кухонную посуду и другую кухонную утварь: *чувён* — котел, в котором варят пищу, *тавá* — большая медная сковорода, *тави́чка* — противень, *тигáн* — чугунная сковорода с ручкой, *нуштува́* — деревянное корыто для теста,

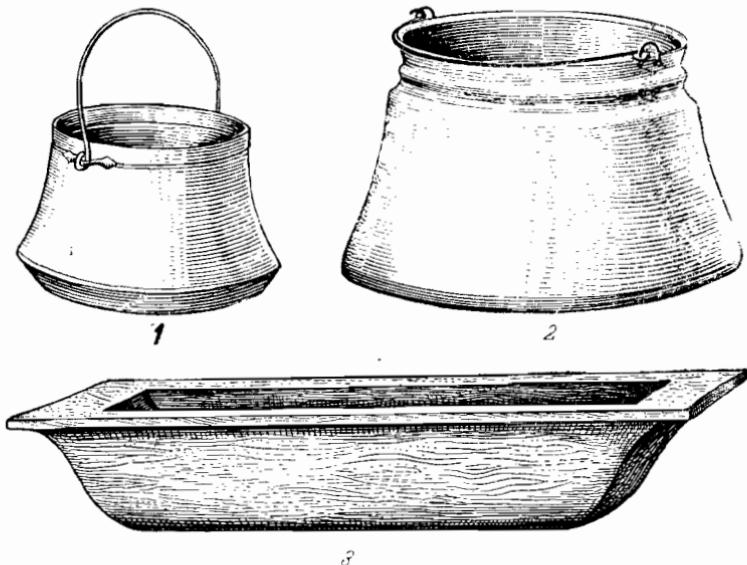
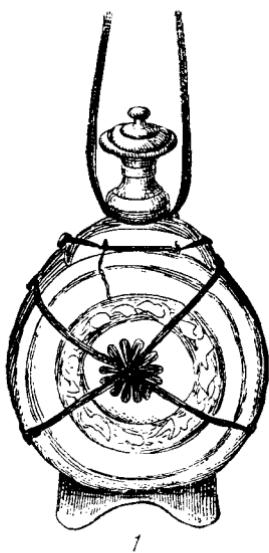

Рис. 4. Домашняя утварь
1 — бак'яр; 2 — казан; 3 — нуштува

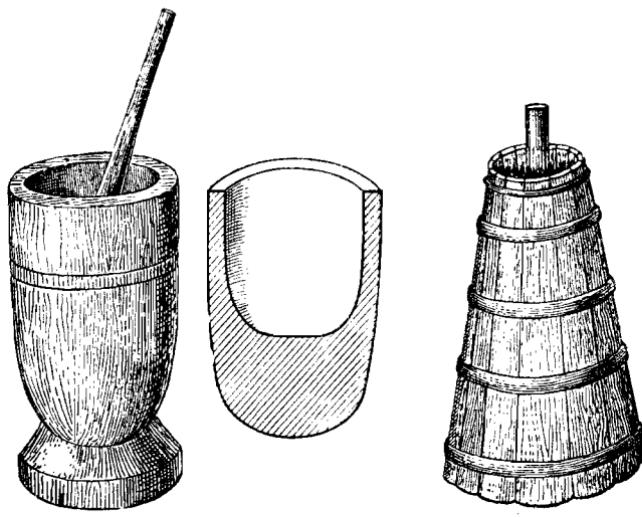
тучилка — скалка, *цадák* — металлическая щедилка для молока, *тарнé* — глиняный горшок для молока, *фýнка* (лит. *хуния*) — воронка, *пирусты́я* — таганчик, *ражён* — кочерга, *лупáта* — деревянная лопата, с помощью которой сажают хлеб в печь, *пумýфка* — мочалка для мытья посуды; в) столовую посуду: *панíца* — глиняная миска, *нош* — нож, *вýлка* — вилка, *ла-жýца* — ложка, *ла-жýчица* — ящик для ложек, *чáшка* — небольшой стакан для вина, *тарнé* — глиняная кружка, *масл'áнка* — масленка, *сулнýца* — солонка и др.; г) посуду для стирки и для мытья; *лен* (лит. *леген*) — таз, *купáн'a* — деревянное корыто; д) сосуды для хранения и переноски жидкых продуктов:

Рис. 5. Домашняя утварь
1 — гарнē; 2 — к'уп; 3 — стóвна

1

3

Рис. 6. Домашняя утварь
1 — бэклица; 2 — чутура; 3 — бутылка

к'уп — глиняный сосуд для солений, *стбзна* — глиняный кувшин с узким горлом для воды, керосина, *бáклица* — деревянная баклага для вина, *видрó* — деревянное ведро для доения овец, *видри́ца* — железное ведро для доения коров, *кóфа* — деревянное ведро для доставания воды из колодца, *варéл* — бочка, в которой возят воду, *варéлчи* — бочонок для

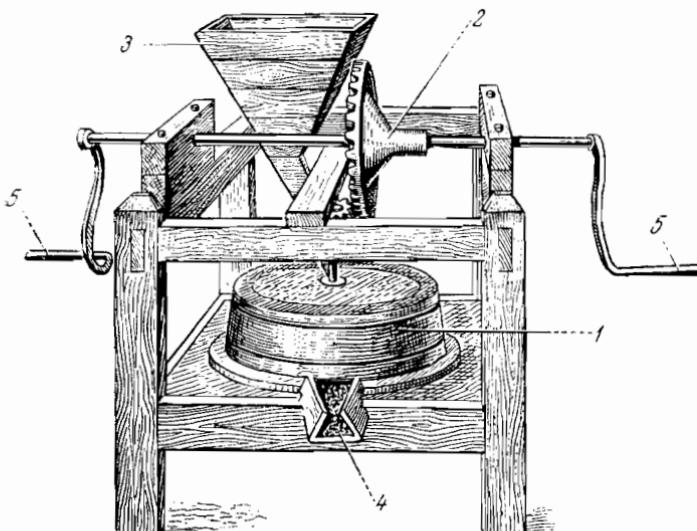

Рис. 7. Ромил

1 — кáмж; 2 — чárк; 3 — яш'чик; 4 — шушúлка; 5 — рýчка

вины, *кáчка* — небольшая кадка, *бóчва* — винная бочка и др.; е) ручную мельницу для размалывания зерна — *ромил*, деревянный сосуд для сбивания масла — *бутýлка*. Также своими словами у суворовских болгар называются такие предметы домашнего обихода, как веревка (*важé*), цепь (*синджíр*), за jakiки для белья (*штипци*), веник (*митлá*) и дощечка, при помощи которой штукатурят дома (*дáскá*) и т. п.

В говоре зафиксирован целый ряд исконных слов, имеющих отличные от приводимых в словарях значения. Слово *бури́ца* имеет в говоре только значение лейки, в то время как в словарях это слово дается со значением трубы (Б. т. р.,

Берн. II, Гер., Мич.) или бочки (Гер., Мич., Берн. II). Ср. суворовские *кавáл* — труба и *варéл*, *бíчва* — названия для разных бочек. Словом *чувéн* (*чувýн*) в суворовском говоре называют не только чугун (металл), но и предмет домашнего обихода — чугунный котел для приготовления пищи; в словарях дается первое значение (Берн. I, Чук. б-р, Чук. р-б и П. Шум.). В болгарских источниках слово *ключ* имеет значение ключа (Гер., Дюв., Мич., Б. т. р., Берн. I, II, Чук. б-р), а в суворовском говоре это слово обозначает висячий замок. Для ключа в Суворове имеется другое, также старое, название *нахтár*; оно указано в старых словарях (Гер., Мич.), хотя в новых словарях его нет. Слово *ключ* в значении висячего замка встретилось в западноболгарских говорах (Мар. Градиво, 14).

Значение терки для слова *стръгало*, известное в суворовском говоре (сув. *страгáлу*), не было обнаружено ни в одном из словарей. Ср. лит. *ренде за стръгане* (Чук. р-б, ст. *терка*). Слово *шушúлка*, кроме известного в словарях значения — сосульки (Мич., Берн. II), имеет в говоре еще значения: 1) носок у лейки, 2) желобок у *рómila*, по которому сыпается размолотая мука (см. рис. 7). Эти значения не указываются в болгарских источниках.

Приведем примеры отмеченных в этой группе слов уменьшительных по происхождению форм того или иного слова, приобретших свои самостоятельные значения.

Например, слово *лупáтка*, по происхождению уменьшительная форма от слова *лупáта* — деревянная лопата, при помощи которой сажают хлеб в печь, приобрело свое самостоятельное значение — совок (ср. *лупáтка за пéпил* — совок для выгребания золы из печи). Словом *казáнчи* в суворовском говоре называют железное или цинковое ведро (появившееся у суворовских болгар сравнительно недавно), а слово, от которого оно образовано, — *казáн* обозначает старинный предмет домашнего обихода — медный котел для нагревания воды. Образованное от слова *тавá* (медная сковорода) слово *тавáчка* обозначает в говоре железную форму для выпечки

хлеба четырехугольной и круглой формы. Отмеченные значения уменьшительных форм от всех указанных слов в болгарских источниках не обнаружены. Их следует, повидимому, отнести целиком к семантическим особенностям суворовского говора.

Большая часть исконных слов этой группы является общеболгарской, она приводится в большинстве болгарских словарей. Однако есть слова, которые в системе болгарского языка имеют областное значение. Такими являются слова: *гиргéл* — ушат, отсутствующее в болгарских словарях и встретившееся только в источниках по родопским говорам (Род. напр., год II, кн. IV), и то несколько в ином значении — медный тазик для слияния воды; *кáдус* — большая лохань, встретившееся только в словарях Гер., Мич., Б. т. р., но в последнем с пометой обл., и в словарях шуменского (П. Шум.) и твардицкого (Ш. Твард.) говоров; *пумýфка* — мочалка для мытья посуды, встретившееся только в словаре Чук. р-б (ст. мочалка — *мивка*) и в словаре тетевенского говора (СбНУ, 31, Тет., 297); в словарях Чук. б-р и Берн. II слово *мивка* дано со значением — умывальник; *прижилó* — ручка ведра, корзины, встретившееся только в словаре Берн. II с пометой обл., но в другом значении (скоба), в словаре Млад. Етим. в значении пряжки, а также в материалах по говорам Чирпанского округа в значении ручки у матерчатой сумки (СбНУ, X, Чирп.). Для названия ручки ведра, корзины и др. известно в болгарских источниках слово *привезло* (Берн. II, П. Шум., СбНУ, XIII, 264, зап.), но и оно, так же как и слово *приждило*, является областным (см. Берн. II, дано с пометой обл.). Если обратиться к карте „Атласа болгарских говоров СССР“, на которой картографируются известные в говорах названия для ручки ведра, то можно увидеть, что слово *привезло* является наиболее распространенным в говорах, а представленное в суворовском говоре название *прижилó* встречается главным образом во фракийских говорах. Указание на то, что слово *прижило* типично для фракийских говоров СССР, имеется в упомянутой выше статье Е. В. Чешко,

где среди лексических особенностей, свойственных фракийским говорам, указывается и слово *прижилó* (ручка ведра)¹. Таким образом, материал болгарских говоров СССР дает основание предполагать, что представленный в суворовском говоре дублет названия ручки ведра *прижилó* является лексической особенностью говоров фракийского типа.

Из дублетов названий утвари в суворовском говоре представлены слова, являющиеся общеболгарскими. Они указаны в большинстве болгарских словарей без каких бы то ни было помет, указывающих на их узкое распространение. Например: *cáту* — сито (указыв. у Гер., Мич., Чук. б-р, Берн. II, Чук. р-б), ср. другой дублет — *струнка*, отсутствующий в большинстве новых словарей и имеющийся только в словаре Млад. Етим. и в старых словарях (Гер., Мич.); из диалектологических источников слово *сито* встретилось в словаре фракийских говоров (Млад. Тр. сб., 160), а слово *струнка* — в словаре Твардицы (Ш. Твард.); *рómil* — ручная мельница (указыв. у Гер., Мич., Берн. I, II, Чук. б-р), ср. другой дублет — *ръченица*, отсутствующий в новых словарях и указываемый в старых (Гер., Мич.); слово *ръченица* не встретилось и в диалектологических источниках, тогда как слово *ромил* в них известно (Млад. Тр. сб., 167, Вак. Тр. сб., 108, П. Шум., Ш. Твард.); *вýлка* — вилка (лит. *вилица* указывается во всех словарях), ср. другой дублет — *фърколица*, также имеющийся в словарях, но в словаре Чук. б-р указанный как диалектизм. Слово *фърколица* встретилось в словаре шуменского говора (П. Шум.) и в словаре говора Твардицы — балканского по своему происхождению (Ш. Твард.). Слово *вилка* в словарях говоров не встретилось. Однако если обратиться к карте „Атласа болгарских говоров СССР“, на которой картографируются названия вилки, то можно видеть, что термин *вýлка* известен главным образом фракийским говорам. Название *фаркули́ца* имеет большое распространение в болгарских говорах, расположенных на территории Советского Союза.

¹ Е. В. Чешко. Из итогов второй диалектологической экспедиции. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. II, 1953, стр. 83.

Представлены в говоре и дублеты названий для таких предметов, как большая деревянная ступка (сув. чўтура) и глиняный кувшин с двумя ручками (сув. к'ул). Слово чотура (сув. чўтура) в новых словарях дается как равнозначное по его значению в системе болгарского языка со словом кутел (см. Чук. б-р, Берн. II, в которых оба слова указаны без особых помет). Слово кюп (сув. к'ул) в словаре Чук. б-р также дано как равнозначное с дублетом делва. Однако в словаре Берн. II слово кюп дано с отсылкой к слову делва, что указывает на его более редкое употребление по сравнению со словом делва. Кроме того, в словаре Чук. р-б в ст. кувшин, наряду с другими словами — названиями для кувшинов разной формы, приводится только слово делва, считаемое, повидимому, автором словаря наиболее известным и общеболгарским названием для кувшина с двумя ручками. Таким образом, представленный в суворовском говоре дублет к'ул нельзя считать общеболгарским. Повидимому, он известен лишь определенной группе говоров. Однако о диалектной принадлежности как слова к'ул, так и слова чўтура судить трудно вследствие недостатка материала. Слово к'ул встретилось только в говоре Твардицы (Ш. Твард.), а слово чўтура — во фракийских говорах (Мл. Тр. сб., 171). Карта „Атласа болгарских говоров СССР“ не создает четкого представления о диалектной принадлежности слова чўтура. Оно встречается в разных группах говоров, в том числе и во фракийских, хотя в большинстве последних употребляется слово күтел.

В говоре зафиксировано два названия для такого предмета домашнего обихода, как валек для белья. Валек суворовские болгары называют и бувалка и копан. Оба дублета одинаково часто употребляются в говоре. Слово бувалка (лит. бухалка) приводится во всех словарях. Слово копан тоже известно в словарях, но в Б. т. р. оно дается с пометой обл., а в словаре Чук. р-б оно отсутствует, в ст. валек в этом словаре дается только слово бухалка. Таким образом, один из употребляемых в говоре дублетов — бувалка является

очень распространенным и, повидимому, общеболгарским, второй — слово *кóпан* менее известен и имеет областное значение. Слово *бувáлка* встречается во фракийских говорах (Вак. Тр. сб., 249) и балканских (в говоре Котела — СБНУ, XV), в говоре Твардицы (Ш. Твард.), а слово *кóпан* встретилось только во фракийских говорах (Млад. Тр. сб., 135) и у ольшанских болгар (Б. Ольш.). Таким образом, фракийским говорам известны оба слова. Определяя причину, вызвавшую наличие в суворовском говоре двух исконных слов для названия одного и того же предмета, в данном случае, как и в других, приводимых выше, можно лишь высказать предположение, что это связано со смешанным характером говора.

Появившиеся у суворовских болгар в период их жизни в Бессарабии новые предметы утвари в большей своей части получали названия, заимствованные у других народов одновременно с обозначаемыми ими предметами. Однако некоторые из них получали названия, которые являлись исконными для говора. Тем самым расширялось значение этих исконных слов. Главным основанием для этого было, повидимому, сходство функций и признаков новых предметов и старых, названия которых были исконными для говора. Например, то обстоятельство, что и медная кастрюля — старый предмет утвари, и чугун, купленный в магазине, являются посудой, в которой варят пищу, послужило основанием для переноса наименования *тéн' джура* с медной кастрюли на чугун. Словом *пани́ца* в говоре называется не только глиняная миска — старый предмет, но и алюминиевая миска, появившаяся у суворовских болгар впоследствии, а слово *гарнé*, помимо указанных выше значений (горшок для молока, глиняная кружка), имеет в говоре и значение чайной фарфоровой чашки, которой раньше у суворовских болгар не было. В старину они пользовались, по рассказам стариков, глиняной посудой. Очень важно отметить, что в словарях указанных значений всех перечисленных здесь слов нет. Исконным словом в говоре называется новый предмет — банка из-под консервов —

капач, в то время как в болгарских словарях оно дается со значением глубокой медной миски (см. Гер., Б. т. р.). В суворовском говоре это слово других значений не имеет. Кроме того, исконными словами называются такие новые у суворовских болгар предметы, как железное ведро (*казанчи*), форма для выпечки хлеба (*тавичка*). В данном случае для названия новых предметов использованы уменьшительные по происхождению формы от слов, обозначающих старинные предметы (*казан* — медный котел и *тава* — медная сковорода).

Заимствованными словами в рассматриваемой группе слов являются, в основном, русизмы. Русскими словами суворовские болгары называют чайную посуду, так как обычай чаепития был ими заимствован у русских, а вместе с ним были заимствованы и названия для предметов, связанных с этим обычаем: *самувар* — самовар, *чайник* — чайник для заварки чая, *стакан* — стакан, *блудичка* — блюдце. Также русскими словами называется разного рода тара, ранее отсутствовавшая у суворовских болгар: *штоф* — 1) штоф, 2) графин, *банка* — стеклянная банка, *курбичце* — картонная коробка, *кушблка* — кошолка. Железную кружку, купленную в магазине, суворовские болгары называют русским словом *кружка* в отличие от глиняной, которая называется по-болгарски *гарнё*. Половник также называется по-русски *палочник*, хотя еще часто в домах его роль выполняет старинная разливательная ложка — *гул'ама лажца*.

Единственным румынизмом в этой группе слов является название безопасной бритвы — *лама* (см. Рум.), распространенной в болгарских домах наряду с опасной бритвой, называемой своим исконным словом — *брасничи*.

В говоре отмечено случаи наименования одних и тех же предметов двумя словами, одно из которых является своим исконным, а другое заимствованным. Например, кастрюля в говоре называется и своим словом — *тён'джура*, и русским — *крастр'ул'a*, причем свое слово употребляется чаще по отношению к старинной медной кастрюле, а кастрюля, купленная в магазине, чаще называется по-русски. Ножницы

суворовские болгары называют и своим словом — *ножици* и русским — *ножница*; первое употребляется чаще стариками, а второе — молодежью.

§ 5. Одежда

У суворовских болгар со времени их поселения в Бессарабии произошли значительные изменения в одежде: ими почти полностью утрачен праздничный национальный костюм. Буднистий костюм также сохранился не полностью. Некоторые виды старинной одежды изменили свой облик, были заимствованы ими новые виды одежды у русских, украинцев, румын и молдаван. Все эти изменения нашли свое отражение в словарном составе говора суворовских болгар. Слова, которые обозначали вышедшие из употребления виды одежды, устарели и перешли из активного запаса в пассивный. Например, устарели слова: *чукман* — старинный праздничный сарафан из домотканной материи, *дулама* — мужской праздничный полукафтан из черного или белого домотканного сукна, отделанный шелковым шнуром (*га:тэн*), *кулайн* — женский праздничный пояс с серебряной пряжкой, *чумбэр* — домотканый головной платок, *угрлица* — ожерелье из золотых монет, *лантобфи* — старинные туфли, *фэрджа* — плащ с капюшоном из грубого домотканного сукна. Последний вид одежды (*фэрджа*) несколько изменил свой вид: появились карманы, воротник и пояс, и в таком виде он стал называться по другому — заимствованным словом *бурка*. Новые виды одежды суворовские болгары называют большей частью заимствованными словами. Однако некоторые из них называются исконными для говора словами. Это наблюдается в тех случаях, когда новые предметы своими признаками или своими функциями похожи на старые предметы. Тогда возможен перенос наименования со старого вида одежды на новый. Таким образом, названия для новых предметов, не известных болгарам ранее, образуются за счет ресурсов их говора, путем расширения значения старых слов. Впоследствии часть этих слов постепенно утрачивала свое старое первоначальное значение, за-

крепив за собой вновь приобретенное значение. Например, словом *гáшти* раньше называли широкие шаровары на шнурке (сейчас не носят), теперь это слово служит названием только

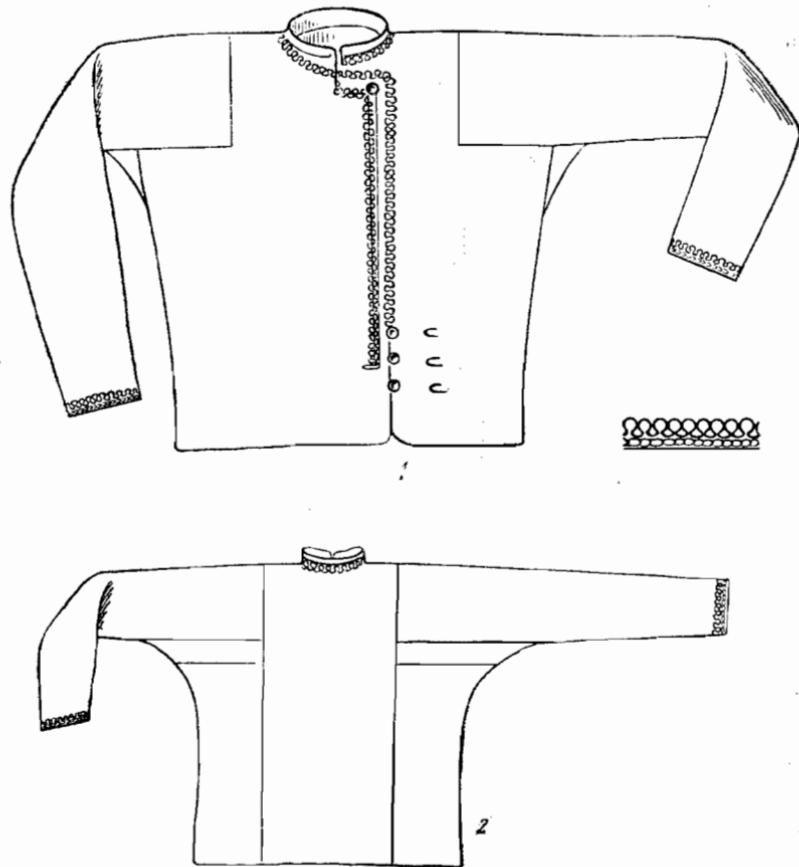

Рис. 8. Дулáмá
1 — перед; 2 — спина

для брюк. Словом *чипици*, обозначавшим ранее несохранившийся вид женской обуви, теперь называют ботинки, купленные в магазине. Раньше у суворовских болгар была одна мужская рубашка, которую называли *риэа*, а с появлением

новой рубашки, верхней, отличающейся от старой и покроем, наименование *рýза* было перенесено на эту рубашку. Слово *рóкла*, обозначавшее раньше вид буднишней одежды — платье без рукавов из домотканной материи (*рóкла сас чапáк*, встречается редко и теперь), употребляется сейчас для названия платья из покупной материи городского покроя. Слово

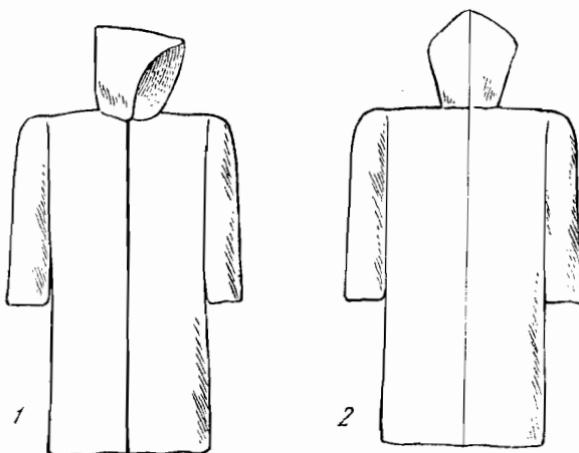

Рис. 9. Фéрджа
1 — перед; 2 — спина

чурáпи употребляется суворовскими болгарами не только для названия шерстяных чулок домашней вязки, как это было раньше, но и для названия чулок, купленных в магазине.

Как уже отмечалось, большинство новых видов одежды и ее деталей называется в суворовском говоре заимствованными словами. Суворовскими болгарами заимствовались из других языков главным образом названия для таких новых видов одежды и ее деталей, которые отсутствовали у них раньше и были мало похожи по своему покрою или функциям на их старинную национальную одежду и ее детали. Подавляющее большинство заимствованных слов составляют русские слова. Среди них можно найти значительное число названий для новых, не известных ранее суворовским болгарам

видов одежды: *куст'ум* — 1) костюм, 2) пиджак, *тажурка* — мужская верхняя одежда с глухим воротом; *куфáйка* — ватник; *кýтел* — военный китель; *жилéтка* — 1) жилет, 2) ватник; *пуштáники* — кальсоны; *плаш'* — плащ, купленный в магазине; *кофта* — 1) вязаная кофта, 2) блуза; *јўпка* — юбка; *халáт* — каштан; *шўба* — тулуз, покрытый сукном, и др. Заимствованными из русского языка являются также отдель-

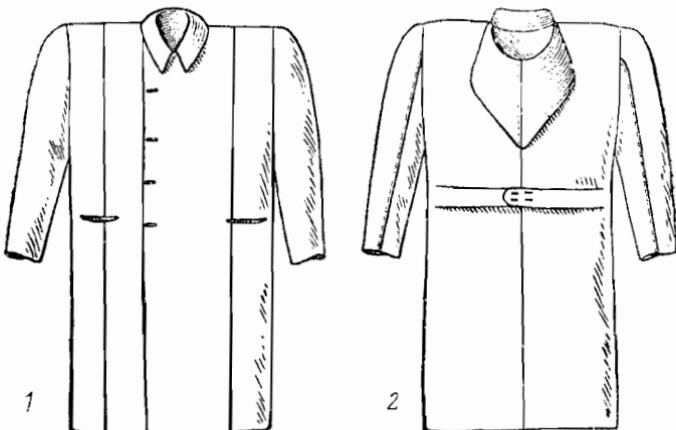

Рис. 10. Бурка

1 — перед; 2 — спина

ные, отсутствовавшие ранее у суворовских болгар части одежды и элементы мужского и женского туалета, например: *путклáтка* — подкладка у пальто, жакета и т. п.; *хл'áстик* — пришивной пояс с задней стороны пиджака, жилетки, пальто и т. п.; *пр'áшка* — пряжка у брюк, на поясе; *пирили́нка* — воротник у женского платья или блузы; *самув'áс* — галстук (см. Ушак.); *брóшка* — брошь; *платбчи* — носовой платок; *грибишкá* — гребенка, *шнуркá* — шнурок, *шупíл'ка* — шпилька. Русскими словами называются в говоре также новые головные уборы: *кéпка* — кепка, *кабитéйка* — тюбетейка, *шл'áпа* — дамская шляпа; новые головные платки: *кусýнка* — косынка, *батíк* — шерстяной, клетчатый платок. В последнем случае наименование перенесено с материала (*батíк* — низко-

сортная набивная материя) на платок из этого материала. Новые виды обуви, ранее не известные суворовским болгарам, также называются ими по-русски: *тұфли* — купленные в магазине дамские и мужские туфли и полуботинки; *пудбр* — каблук (см. Ушак.); *сандали* — 1) сандалии, 2) босоножки, *тапучки* — тапки; *калоши* — галоши; *бόти* — высокие резиновые боты и др.

Заимствований из украинского языка среди терминов одежды почти совсем нет. Следует лишь отметить слово *фартұшка* — фартук из купленной материи (см. Гр. укр.).

Зафиксировано несколько слов, заимствованных из румынского языка. Это — названия предметов, вошедших в быт суворовских болгар в период румынской оккупации, т. е. заимствованных у румын вместе с их названиями. Например: *пал'т'он* — зимнее мужское и женское пальто городского покроя (см. Рум.), *партисé* — летнее пальто городского покроя (см. Рум.); *шушбни* — низкие резиновые боты (см. Рум.); *бокáнчи* — солдатские ботинки (см. Рум.), *бáрда* — вязаная шаль (см. Рум.). Последних двух слов нет в болгарских словарях, что подтверждает факт заимствования их суворовскими болгарами. Первые три слова в словарях указываются, но они являются в болгарском языке также заимствованными (см. Бак. р. на ч. д. и Млад. р. на ч. д.). Появились они в болгарском языке уже после того, как предки суворовских болгар покинули свою родину и их говор продолжал развиваться в отрыве от общеболгарского языка. Поэтому исключена возможность заимствования этих слов.

Встретилось одно слово — *килбди* — 1) трусы, 2) панталоны, заимствованное из молдавского языка (см. Молд.).

Несмотря на большое количество заимствованных слов, основные наименования различных видов одежды принадлежат к исконной лексике. Отметим прежде всего, что своими словами суворовские болгары обозначают основные части одежды, т. е. наиболее устойчивые, связанные с одеждой предметы и понятия. Например, *дрéи* — собирательное название одежды; *прим'áна* — обнова, наряд; *пулá* — подол у платья;

пр'ядница — передняя сторона у рубашки, платья и т. п.; *рап* — шов и рубец; *дипла* — складка на платье; *ракаф* — рукав; *джоп* — карман, *вратник* — воротник; *крабчул* — штанина; *убушта* — обувь; *убл'акзам са* — одеваться, *примин'авам са* — наряжаться, *закупчавам са* — застегиваться; *забрадвам са* — повязывать платок; *убюса са* — обуться; *кисам са* — рваться, носиться (об одежде) и мн. другое. Исконной также является и вся лексика, связанная с национальным костюмом.

Национальный костюм у суворовских болгар сохранился, но не полностью. Почти совсем ими утрачен праздничный национальный костюм. В большой степени на этом сказалась близость села Суворова к городу Измаилу. В годы советской власти в Суворове как в районном центре были открыты большие магазины, районный колхозный базар, что, в свою очередь, также оказалось влияние на быт суворовских болгар. Ввиду всех этих обстоятельств в их быт вошли новые виды одежды городского типа, которые ими самими воспринимаются как более нарядные по сравнению с их старым праздничным костюмом. С этим связано то обстоятельство, что большая часть элементов национального костюма сохраняется в буднишней, рабочей одежде.

Укажем слова, обозначающие элементы национального костюма, которые сохранились у суворовских болгар в их стариинном виде до настоящих дней и употребляются ими. Эти слова, следовательно, относятся к активной лексике говора. Например, элементы мужского национального костюма обозначают слова: *фанэла* — верхняя мужская рубашка из домотканной шерстяной материи; *мишани* — зимние штаны из овчины; *пояс* — шерстяной домотканый пояс красного цвета; *курк* — овчинный полушубок, *чурапи* — длинные шерстяные носки ручной вязки; *бутюши* — сапоги; *царвюли* — обувь из сырой матней кожи; *навушта* — портняки из шерстяной

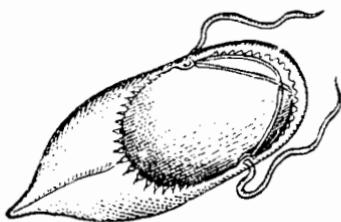

Рис. 11. Царвюл

домотканной материи; *паралі́да* — шляпа, летний головной убор; *калпák* — высокая смушковая шапка, зимний головной убор, и др.

Женский национальный костюм более разнообразен, чем мужской. С ним связано гораздо больше слов. Например,

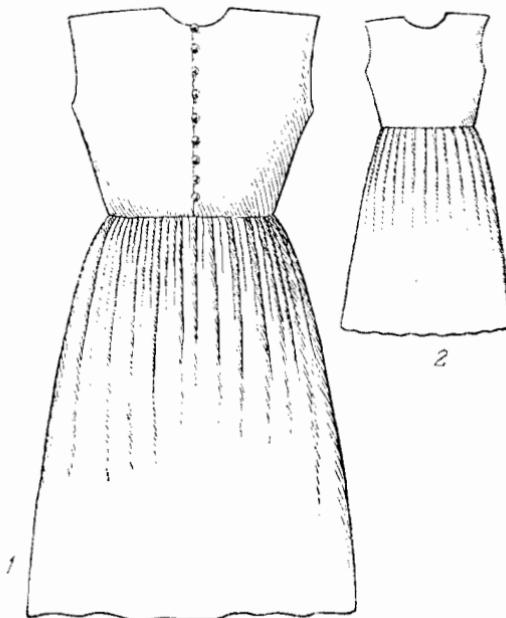

Рис. 12. Рóкла сас чапáк

1 — перед; 2 — спина

рóкла сас чапáк платье без рукавов из домотканной шерстяной материи (преимущественно черной), носят, как правило, старые женщины; молодые шьют платья городского покроя из покупной материи, которые также называются *рóкла*; *рýза*, старинная длинная рубашка из домотканного полотна, также чаще встречается у старых женщин; *чурáпи* — высокие вязаные носки; *тирлýци* — суконные туфли, подшипные войлоком; *чíли* — домашние туфли без задников, сплетенные из *папýр* (вид камыша); *барéс* — праздничный голов-

ной платок; *шáл* — суконная шаль; *граймна* — серебряный браслет; *праст'ан* — кольцо; *мунйста* — бусы; *обици* — серьги; *тингтёли* — плетеные кружева, которыми отделяется *рýза*.

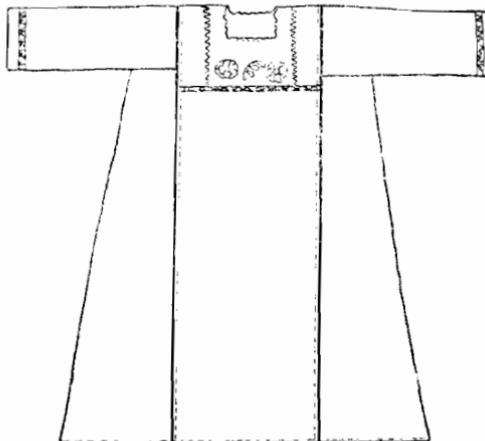

Рис. 13. Рýза

К исконной лексике также относятся и названия одежды грудного ребенка: *пил'на* — пеленка; *пóуф* — свиальнаяник; *рýска* — распащенка.

В группе названий одежды встречаются некоторые особенности в значении слов.

При сравнении с болгарскими словарями выяснились различия в значении трех слов: 1) *миши́ни* — по происхождению это форма множественного числа от слова *миши́н* (сув. овчина), обозначающая в суворовском говоре мужские штаны из овчины (такое же значение это слово имеет в говоре Твардицы — Ш. Твард.); в словарях такого значения слова *мешин* не встречается, а отмечаются другие его значения — овчина (см. Чук. б-р), сафьян (см. Берн. II); 2) *врашнáк* — туilia у шляпы, в словарях такого значения этого слова нет

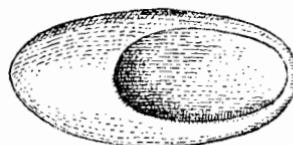

Рис. 14. Тирлýк

(см. Гер., Мич., Чук. б-р и др.), ср. описательный перевод слова *тулия* у Чук. р-б.; 3) *прáйн'ка* — одна из дырочек на кожаной обуви (*царвúли*), в которые продеваются стягивающие ее ремешки; в словарях это слово (лит. *примка*) указывается главным образом со значением вязальной петли, известным и в суворовском говоре (см. Мич., Чук. б-р, Берн. II).

Некоторые слова этой группы, являющиеся по происхождению уменьшительными формами, имеют в говоре самостоятельные значения, не указываемые для этих слов в болгарских словарях. Например, слово *рýска*, образованное от слова *рýза* (рубашка), обозначает в суворовском говоре детскую распашонку, тогда как в болгарских словарях оно дается только как уменьшительное к слову *риза*. Словом *грýмнички*, образованным от *грýмна* (браслет), суворовские болгары называют манжеты у платья. В словарях для манжет дается другое название (см. Чук. р-б манжета — *ръкавела*), а слово *гримничка* приводится только как уменьш. к *гримна*. Слово *прижил'цé* (по происхождению это уменьш. к *прижилó* — ручка ведра) в говоре обозначает завязку у фартука или у детской шапки. В говоре Твардицы завязки у фартука также называются словом, образованным от слова *приждило* — *преждайл'ки* (Ш. Твард.). Если слово *прижилó* (лит. *преждило*), от которого образовано указанное выше слово *прижил'цé*, было отмечено нами как редкое в болгарских словарях и имеющее, повидимому, областное значение, то уменьш. к нему *прижил'цé* не встретилось ни в одном из источников. Здесь же отметим и слова *кулáнчи* (уменьш. к *кулáн* — старинный пояс) и *шáлчи* (уменьш. к *шáл* — суконная шаль), служащие в говоре названием для новых предметов одежды: первое — для завязки на платье, второе — для купленного в магазине полуушалка.

Приведенные выше исконные для говора слова, включая и устаревшие слова, отмеченные в начале параграфа, являются большей частью общеболгарскими; они приводятся в большинстве словарей без особых помет, указывающих на их областное или местное значение. Однако есть много слов, кото-

рые являются крайне редкими в словарях или даются с по-
метами, указывающими на их ограниченное распространение
в болгарском языке. К таким словам надо отнести термины:
барéс — праздничный головной платок, приводимый в сло-
варях Млад. Етим., Берн. II и в Б. т. р., и то как областной
(встретился в западно-болгарских говорах — П. Соф.); *пара-
лиçá* — мужская шляпа, указанный в словаре Берн. II, как
областной; *чапáк* — лиф, отсутствующий в большинстве сло-
варей, а в словаре Млад. Етим. указанный как областной.
Этот термин встретился вialectологических источниках:
в словаре говора Твардицы (Ш. Твард.) и в словаре шумен-
ского говора (П. Шум.). Следует остановиться на приведен-
ном выше слове *дуламá* — стариный полукафттан. Это слово
со значением верхней мужской одежды отмечено во многих
словарях (Гер., Чук. б-р, Берн. II, Б. т. р.), однако оно
является в болгарском языке, повидимому, устаревшим. Слово
фérджá в суворовском говоре известно как устаревшее
в значении стариного плаща из грубой домашней материи,
в то время как в словарях онодается в разных значениях:
1) верхняя одежда (Дюв., Мич.); 2) верхняя одежда у моло-
дых женщин (Гер.); 3) покрывало у турчанок (Чук. б-р,
Берн. I, II), причем в словаре Берн. II оно дано как истори-
ческое. Значение плаща в словарях имеют другие слова:
ямурулук (Гер., Чук. б-р, Берн. II), *челкен* (Чук. б-р), *опан-
джак* (Млад. Етим., П. Соф.) и др.

Представленное в суворовском говоре название для ремня
(пояса) — *тасмá* также является малоизвестным в болгарском
языке. Оно отсутствует в болгарских словарях (за исключе-
нием Берн. I) в то время как другие названия этого пред-
мета — *каиш*, *ремък* приводятся во всех словарях как равно-
ценные (см., например, Чук. б-р, Берн. II). Одно из них —
каиш известно и в суворовском говоре, но в ином значении —
кожаный ошейник. В источниках по говорам Болгарии слово
тъсма не встретилось. Карта „Атласа болгарских говоров
СССР“ не дает четкого представления о dialectной принад-
лежности разных названий ремня. Можно лишь отметить,

что наиболее распространенными в говорах Советского Союза являются слова *къиш* и *тасмá*. Последнее встречается главным образом во фракийских говорах, хотя известно также и балканским говорам. Слово *къиш* распространено в говорах шуменского типа и во многих балканских говорах.

Употребляемое в суворовском говоре слово *вуркузýн* — шнурок для вздергки — является в болгарском языке областным, так как отсутствует в новых словарях, а в Б. т. р. дано с пометой *диал.*, в то время как другое название *гашник* есть во всех словарях и является, вероятно, общеболгарским. Слово *вуркузýн* было обнаружено в источниках по фракийским говорам (Вак. Тр. сб., 165) и в родопских говорах (Мил. Особ. прин. Сп. БАН VI, Батак.); повидимому, оно известно главным образом в восточноболгарских говорах. В источниках по западноболгарским говорам встретилось слово *гашник* (СбНУ, XIV, Вратца).

Старинное ожерелье из золотых монет в говоре называется словом *угíрлица*, приводимым во всех словарях как равноценное с другим дублетом — *гердан* (см. Чук. б-р, Берн. II и др.). О диалектной принадлежности слова *огърлица* (сув. *угáрлица*) судить трудно, так как оно известно в разных диалектных группах: во фракийской (Млад. Тр. сб., 146), балканской (СбНУ, XV, Котел) и западноболгарской (СбНУ, XI, 194). Слово *к'урк*, обозначающее в суворовском говоре овчинный полушубок, известно в болгарских словарях со значением меховой шубы как равноценное другому дублету — *кожух*. Однако в словаре Чук. р-б. в ст. *шуба* дается только название *кожух*. Это наводит на мысль, что *кюрг* (сув. *к'урк*) является менее известным названием шубы. Слово *к'урк* встретилось в источниках по фракийским говорам (Вак. Тр. сб., 202) и в словаре говора Твардицы, балканского по происхождению (Ш. Твард.).

Представленное в суворовском говоре название меховой шапки — *калпák* указывается во всех словарях без особых помет и является, повидимому, общеболгарским. Другие известные в словарях названия меховой шапки — *ката*, *гугла*,

барла являются областными, на что указывается в словарях (Берн. II и Б. т. р.). Слово *калпák* известно фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 132) и говору Ольшанки, северо-восточному по происхождению. Это слово встречается также и в других говорах Советского Союза — шуменских и балканских по происхождению. Все это указывает на широкое распространение слова *калпák* в болгарских говорах. Из карты „Атласа болгарских говоров СССР“ мы знаем, что этим говорам хорошо известно и другое название для меховой шапки — *шáпка*, характеризующее в основном фракийские говоры, но встречающееся и в говорах северо-восточных по происхождению. В источниках по говорам Болгарии слова *шапка*, к сожалению, не встретилось. Поэтому у нас нет подтверждений того положения, которое фиксирует карта „Атласа“. Кроме того, в словарях слово *шапка* имеет более общее значение: значение, любой шапки, а также значение шляпы. Учитывая это, мы не имеем оснований считать слова *шапка* и *калпак* дублетами названий одного и того же предмета, хотя материал „Атласа болгарских говоров СССР“ убеждает нас в обратном. Это же соображение мешает нам рассматривать употребляемое в суворовском говоре слово *шáпка* — детский чепчик как диалектный дублет, существующий в говоре наряду с другим дублетом — *калпák*. Аналогичное положение наблюдается в говоре Твардицы, в котором меховая шапка называется *пос*, а слово *шáпка* обозначает также детский чепчик. Такое значение слова *шапка* может быть связано с тем его значением (любая шапка), которое указывается в болгарских словарях.

В суворовском говоре представлены такие общеболгарские дублеты, как *ри́за* — рубашка, *обици* — серьги, *мунýста* — бусы, в то время как другие дублеты — названия предметов, которые обозначают указанные слова, являются областными. Например, слово *кошуля* — рубаха в словарях Берн. II и Чук. б-р указано как областное, слово *менгуш* — серьга указано как областное в словаре Берн. II, а слово *ушник*, тоже серьга, отсутствует совсем в современных словарях

(см. Берн. II, Чук. б-р, Чук. р-б); слово *синци* — бусы из всех современных словарей известно только в словаре Чук. б-р.

Представленные в суворовском говоре слова *риза*, *обици* *муниста* имеют широкое распространение в болгарских говорах. Слова *кошуля*, *менгуш*, *ушник*, *синци* являются областными, они известны только в определенных диалектах или группах диалектов. Например, слово *синци* встретилось только в словаре шуменского говора (П. Шум.), а слово *кошуля* известно в основном в юго-западных болгарских говорах, слово *менгуш* известно в шуменском говоре (П. Шум.) и в тетевенском говоре (Сборник за народни умотворения и книжнина, XXI, 291).

Обувь из сырой кожи называется в говоре *царвъли*. Это слово более известно в болгарском языке по сравнению с другим дублетом — *опинци*, даваемым в словарях со ссылкой на первый дублет — *царвули* (см. Берн. II, Чук. б-р). Слово *царвули* известно главным образом в восточных говорах Болгарии (Вак. Тр. сб., 173, П. Шум., Мил. Особ. прин., Ш. Твард., а также Б. Ольш., 43), а слово *опинци* — в западных (СбНУ, XIII, Принос към речника на Западна България, СбНУ, VI, Орхание, П. Соф., 283).

В говоре встретились слова, которых нет в болгарских источниках, но которые следует считать исконными для говора, так как они образованы от слов, известных в болгарских словарях. Например, слово *калинк'ärka*, праздничный головной платок с цветной каймой, можно считать образованным от сув. слова *калинка* — девушка, младшая сестра мужа (см. Дюв., Берн. II), так как этот платок носят только девушки. Суффикс *-ärka* известен суворовскому говору (ср. *фат'ärka*, *кл'учälka*, где *-л* из *r*), а также болгарскому языку (лит. *арка*, ср. *ключарка*, *клюкарка* — Чук. б-р, Берн. II).

Слово *каст'ör*, женское полупальто на меху, можно считать, повидимому, образованным путем переноса наименования с материала *кастор* (сорт сукна, Берн. I) на одежду, которая шьется из него. Других значений этого слова в говоре не зафиксировано. В говоре известно слово *х'ätник*,

обозначающее в настоящее время длинный женский жакет, а в прошлом им называли старинное летнее полупальто, которое можно встретить у старых женщин и сейчас. В болгарских словарях это слово отсутствует, за исключением словаря Гер., в котором оно дано с другим значением, не имеющим никакого отношения к одежде. Слово *л'ятник* вполне можно считать исконным для говора, так как образовано оно, повидимому, от слова *л'ату* (лето), что оправдывается его значением (летняя одежда). Кроме того, болгарскому языку известно слово такой структуры, каким является сув. *л'ятник*. Ср. указанное выше *лятник* у Герова. Интересно отметить, что русскому языку известно слово такого же корня „летник“, имеющее, помимо других значений, и значение летней женской одежды в древней Руси, являющееся историческим (см. Ушак.).

Элемент старинного национального костюма меховую безрукавку в говоре называют *киптár*. Это слово отсутствует в болгарских словарях и источниках по говорам Болгарии. Однако оно широко известно болгарским говорам Советского Союза, на что указывает карта „Атласа болгарских говоров СССР“. Ввиду того, что слово *киптár* служит названием для исконного вида одежды у суворовских болгар — меховая безрукавка известна в Болгарии и имеет много названий по говорам: *елек* (Берн. II, Чук. б-р, Гер., Дюв.), *курче* (Вак. Тр. сб.), *забун* (Млад., Тр. сб., 128) и др., — трудно предполагать, что это слово может быть заимствованным. Из всех использованных словарей оно встретилось только в словаре украинского языка (Гр. укр.), в котором указано, что слово *кептар* встречается у гуцулов в значении мехового безрукавого полушибука. Слова: *маракайна* «отделка на кожаной одежде» и *запасни́цка* «булавка» не были обнаружены ни в одном из словарей.

Итак, в разделе бытовой лексики суворовского говора со временем поселения его носителей в Бессарабии произошли

заметные изменения. В словарь говора вошло значительное количество заимствованных слов. Произошли изменения в значении слов: некоторые исконные слова приобрели новые значения, в одних случаях сохранив, в других утратив старые значения. Часть слов устарела (*чукмáн*, *чумбér*, *дуламá*, *угáрлица*, *пантóфи*, *казáн* и др.). В большей степени указанные изменения наблюдаются среди названий предметов утвари и одежды, в меньшей — среди слов, связанных с приусадебными постройками и жилищем. Но, несмотря на это, как среди вторых, так и среди первых слов основную массу составляют исконные слова, которые являются в говоре устойчивыми.

Большую часть исконной лексики в рассмотренном разделе составляют общеболгарские слова. Представленные в рассмотренном разделе словаря областные слова встретились главным образом в источниках по восточным говорам Болгарии и только три областных слова (*куптóр*, *синíја* и *барéс*) — в западноболгарских. Подавляющее большинство областных слов находим в источниках по фракийским говорам (*дам*, *лигáлу*, *макáс*, *дувár* — стена дома, *циклó* — окно, *синíја*, *асíр*, *прижилó*, *кóпан*, *дуламá*, *фéрджá*, *тасмá* — ремень, *вуркузýн*, *к'урк*). Несколько слов встретилось в шуменских (*дам*, *макáс*, *асíр*, *кáдус*, *чапáк*), в балканских (*асíр*, *кáдус*, *к'уп*, *тасмá* — ремень, *дуламá*, *чапáк*, *к'урк*), в родопских (*дувár* — стена дома, *тиргéл*, *дуламá*, *вуркузýн*) говорах и только два слова — в тетевенском говоре (*ипáџа*, *пумáфка*) и одно в ольшанском (*кóпан*). Таким образом, в разделе бытовой лексики проявляются наиболее тесные связи говора с фракийскими, шуменскими и балканскими говорами.

В рассмотренном разделе наблюдается много интересных особенностей в значении известных в болгарском языке слов (*кáшта* — комната дома, *циклó* — окно, *мáса* — салфетка, *бури́џа* — лейка, *кл'уч* — висячий замок, *страгáлу* — терка, *миши́ни* — штаны из овчины и др.).

В разделе бытовой лексики находит яркое проявление наблюдалась в говоре тенденция приобретения самостоятель-

ного значения уменьшительными по происхождению формами слов. Часто это связано с названием новых предметов в быту суворовских болгар (*дам* — хлев, *дамчé* — кладовая; *казáн* — котел, *казáнче* — ведро из железа; *лámба* — керосиновая лампа, *лámбичка* — электрическая лампочка; *тасмá* — ремень, *тасмíчка* — завязка у платья и др.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Б. Ольш. — Бунина И. К. Лексический состав говора ольшансских болгар („Статии и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 3. М., 1953).

Бак. р. на ч. д. — Бакалов Г. Речник на чуждите думи. София, 1948.
Берн. I — Бернштейн С. Б., Луканов Т. С., Тинева Е. П. Болгарско-русский словарь. М., 1947.

Берн. II — Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953.
Берн. р-б — Русско-болгарский словарь. Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1944.

болг. — болгарское.

Б. т. р. — Български тълковен речник на съвременния език с оглед към народните говори, т. I, съв. I—XII (А—К). София, 1951.

Вак. Тр. сб. — Вакарелски Хр. Бит на тракийските и малоазийските българи. („Тракийски сборник“, кн. V, София, 1935).

Гер. — Геров. Рѣчникъ на българскътъ язикъ, тт. I—V. София, 1895—1904.

Гр. укр. — Словарь украинского языка. Под ред. Б. Д. Гринченко, тт. I—IV. Киев, 1907—1909.

диал. — диалектное.

Дюв. — А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, М., 1885—1899.
ж. р. — женский род.

зап. — западноболгарское.

искон. — исконное.

ист. — историческое.

лит. — литературное.

м. р. — мужской род.

Мар. Градиво — Маринов. Градиво за веществената култура на Зап. България, СбНУ, XVIII, 2.

Мил. Особ. прин. Сп. БАН LVI — Л. Милетич. Особен принос към речника и фразеологията на източно-български народи, Сп. БАН LVI. София, 1937.

Мич. — Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. София, Птб., 1910.

- Млад. Етим. — Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Млад. р. на ч. д. — Ст. Младенов. Речник на чуждите думи в български език. София, 1947.
- Млад. Тр. сб. — Ст. Младенов. Словарь, приложенный к статье — Език на тракийските и малоазийските българи („Тракийски сборник“, кн. VI. С., 1936).
- мн. — множественное число.
- Молд. — Русско-молдавский словарь. Кишинев, 1949.
- обл. — областное.
- общеболг. — общеболгарское.
- олыш. — ольшанское.
- орх. — орханийский говор.
- П. Соф. — Попиванов Г. Софийският говор. Речник. Сб. БАН, кн. XXXIV, София, 1940.
- П. Шум. — Попиванов Г. Особенности на шуменския говор. Речник. Сб. БАН, кн. XXXIV, София, 1940.
- руск. — русское.
- Род. напр. — Родопски напредък.
- Рум. — Румынско-русский словарь, М., 1953.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения и книжнина.
- Сп. БАН — Списание на Българската Академия на Науките.
- Ст. Тет. — Кр. С. Стойчев. Тетевенски говор, СбНУ, XXXI, С., 1915.
- ст. — словарная статья (в словаре).
- сув. — суворовское.
- твард. — твардицкое.
- тет. — тетевенский говор.
- укр. — украинское.
- уменыш. — уменышительная форма.
- уст. — устаревшее.
- Ушак. — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV, М., 1935—1940.
- Чук. б-р — С. Чукалов. Пълен българско-руски речник. София, 1947.
- Чук. р-б — С. Чукалов. Руско-български речник. Изд. V, София, 1951.
- Ш. Твард. — Шведова Т. В. Словарь говора Твардицы МССР („Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 2, М., 1952).

Э. И. ЗЕЛЕНИНА

**ОТЧЕТ О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКЕ
В БОЛГАРСКОЕ СЕЛО ТЕРНОВКУ
НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 1954 г.**

Село Терновка является одним из наиболее ранних болгарских поселений на территории нашей страны. Оно было основано в 1802 г. выходцами из юго-восточной части Болгарии (бывший Адрианопольский вилает)¹. Терновские болгары живут в окружении русских и украинцев. В самом селе Терновке болгары составляют 90% населения, остальное население состоит главным образом из русских и украинцев. Многие болгары двуязычны.

Большую роль в жизни терновских болгар играет близость к городу Николаеву. Значительная часть населения Терновки работает на предприятиях этого города. Иноязычное окружение и близость к городу наложили свой отпечаток на быт и язык терновских болгар. Однако изменения, произшедшие в их языке, относятся главным образом к области словаря. Несмотря на столь долголетнее существование в иноязычном окружении, терновские болгары довольно хорошо сохраняют свой родной язык до настоящего времени.

Говор болгарского села Терновки вызывает особый интерес как один из представителей юго-восточных болгарских говоров, именно фракийских. Эта группа говоров представляет большую ценность для болгарской диалектологии ввиду того,

---

¹ А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1750—1823, ч. II. Одесса, 1838, стр. 37.

что носители ее жили на территории, которая осталась в пределах Турции.

Впервые терновский говор был описан Н. С. Державиным в начале этого столетия¹. В 1950 г. говор был описан по программе „Атласа болгарских говоров СССР“. Однако и первое и второе описания очень краткие и отражают лишь отдельные особенности говора. Мы поставили перед собой цель сделать более подробное и всестороннее описание терновского говора.

В задачу нашей первой поездки в село Терновку входил сбор материала главным образом по фонетике и морфологии говора.

При собирании материала мы вели наблюдение над языком отдельных лиц, представителей разных возрастных групп. Большое место в нашей работе занимало также наблюдение над диалогической речью. Такие наблюдения проводились в колхозном дворе, в швейной мастерской, на постройке домов, чистке колодцев и т. п.

В настоящем отчете сообщаются лишь итоги первичной обработки собранного нами материала. В нем указываются только те звуковые и формальные особенности говора, которые выяснились в результате первичной обработки материала и в достаточной мере подтверждаются собранным материалом. Произведенная обработка материала показала, что говор села Терновки является единым и отличается целым рядом своеобразных черт.

I. ФОНЕТИКА

В терновском говоре представлено семь гласных фонем *e*, *u*, *ä*, *o*, *a*, *ä*, *y*. Сильная позиция гласных фонем наблюдается под ударением, например: *с'ёлу*, *чётä*, *с'ин*, *гуд'инä*, *вол*, *кёсä*, *маш*, *каштä*, *прак*, *глáвä*, *мёи*, *ўши*.

Особого пояснения требуют *ä* и *a*, остальные гласные

¹ См. Н. С. Державин. Болгарские колонии в России, т. II. Пг., 1915, стр. 293—311.

ничем не отличаются в способе образования от соответствующих гласных литературного болгарского языка.

Гласная *ă*, открытое широкое *e*, является характерной чертой звуковой системы терновского говора. Она выступает под ударением не только на месте старого звука *ѣ*, например: *л'ăп*, *с'ăно*, *п'ăснă*, *б'ăл*, *гул'ăм*, *дв'ă*, *б'ăх*, *тур'ăм'и*, *жув'ăх*, но и на месте *a* после мягких и полумягких согласных, например: *шăпкă*, *жăбă*, *чăшă*, *чăи*, *джăм*, *жăлку*, *чăкăм*, *кунчăвăм*, *з'им'ă*, *скр'ип'ă*, *кăшт'ă*, *т'ă* (личн. мест. 3 л. ж. р.), *густ'ăзăт'е*. Встречается этот звук и вне ударения — *чăрв'ен*, *в'е"чăро*, *лăлуг'ăр*, *бус'ил'ăк*, *с'ед'ăм*, *шăроk*, *мăк'ă*, *в'ицă*, *крил'ă*, *почăкăи* и др.

Гласную *a* находим под ударением на месте общеболгарского *ъ*. Например: *зап*, *пат*, *кăштă*, *клăфка*, *врăвă*, *брăкăм*, *вăнка* и др. В отличие от *ъ* звук *a* является более открытым и менее напряженным, приближающимся к звуку *a*. В отдельных словах на месте общеболгарского *ъ* встречается почти чистое *a*. Однако зафиксировано произношение этих слов и с *a*. Например: *ráци*, но и *ráци*; *фáрл'и* *гу*, но и *фáрл'и* *гу*; *уáв'и*, но и *уáв'и*.

В определенных глагольных флексиях (3 л. мн. ч. наст. вр.) нами отмечена гласная *ъ*. Например: *с'ид'óт*, *бул'óт*, *зăв'из'óт*, *свраз'óт*, *врav'óт* и др.

Гласные *и* и *у* в безударной позиции не изменяют своей артикуляции. Например: *с'ин* — *с'инó*, *гуд'йнă* — *гóд'ин'и*, *муи* — *муá*. Остальные гласные, попадая в безударное положение, претерпевают различные артикуляционные изменения. Гласная *a* в безударной позиции сокращается и произносится менее открыто (*ă*). Например: *прак* — *прайо*, *глăв'и* — *глăв'йт'и*, *пăдам* — *пăдна*.

Гласная *a* в безударной позиции произносится как *ă*, т. е. так же, как безударное *a*, например: *кăштă* — *кăшт'ă*, *маш* — *маж'*, *уăклу* — *уăклатă*, *ракă* — *рачичката*. Однако в сочетании с плавными *r* и *l* *a* почти не изменяет своей артикуляции. Например, *a* произносится одинаково и в словах:

врáвам, сáрдам сá, мál'чи!, длаг и в словах: *врав'й, сард'йх сá, зáмал'чá, длагоч.*

Гласная *ä* в безударном положении произносится как *e"*, т. е. как безударное *e*. Например: *м́äстóу — м́e"стóту, м́äкú — м́e"кóту, д́äцá — д'e"т́é, р́äкá — р'e"кáтá.*

Наиболее сильной степенью редукции обладают в говоре гласные *e* и *o*, при этом степень лабилизации *o* и степень закрытости *e* определяется положением безударного слога относительно ударения. В слогах, непосредственно предшествующих ударяемому слогу или непосредственно следующих за ним, на месте *o*, как правило, произносится *u*, а на месте *e — i*; в остальных слогах эти звуки произносятся с меньшей степенью редукции — как *o"* и как *e"*. Например: *óку — учáт'i, к'e óп'ичá — уп'ékáх, с'éлу — с'илóту, ёестр'ицáм — истр'íх, чéтá — чит'é, но — нос — но"суv'éт'i, в'éчár — в'e"чáró.*

В терновском говоре гласная *a* следует за плавными, например: *брас, бráзám, крапá, трáс'им, врáзáла, драjám, пубráкán, блаá, длаg'i* и др.

В говоре различаются три группы согласных: твердые, мягкие и полумягкие. Твердые согласные выступают перед гласными заднего ряда и на конце слов, например: *кáштá, пáднá, другáр вол, сол, пат*. Только в одном слове — кон' встретился мягкий конечный согласный. Полумягкие согласные выступают, как правило, перед гласными переднего ряда *e, ä, i*. Например: *иd'én, з'émát, т'éшку, н'éз'i, т'ä, д'äду, з'äжá, н'äмá, р'äкá, п'äжáт, гуд'ýнá, ут'ýд'i; н'ýжá* и др.

Мягкие согласные встречаются перед гласными заднего ряда *o, a, u*. Например: *бáт'a, кóн'u, ко"н'ýшина, бúл'o, Вáн'o*. Однако случаи мягкости согласных перед гласными заднего ряда довольно редки по сравнению, например, с литературным болгарским языком: в говоре находим произношение *п'áсна, вýда, врíва, булóт* и т. п.

Особое положение занимают согласные *л, в, к, г*, которые являются мягкими не только перед гласными заднего ряда, но и перед гласными переднего ряда *e, ä, i*, например: *л'éл'a, л'äп, б'äл'i, в'íкáм, дв'ä, туг'ýвá, лáлýг'äр, штрáк'äл, к'ä* и др.

Шипящие звуки *ж*, *ш* и аффрикаты *ч*, *дж* являются в говоре, как и вообще в болгарском языке, мягкими. Аффриката *ц* — твердая, но в слове *ц'ал* она мягкая.

В говоре встречается аффриката *ձ*. Она отмечена в сло-вах *ձվան'ец*, *наձз'ид'*, *ձզածн'ио"*, *մրաձ'й*, *ս՛լձէյ*.

В говоре редки случаи употребления согласной *х*, она находится, повидимому, на пути к исчезновению. В настоящее время согласную *х* находим только на конце слова, например: *գրախ*, *сух*, *глух*, *կողիք*, *իձահ* и др. В начале слова и в интервокальном положении *х* последовательно отсутствует. Например: *օրա*, *լ'ապ*, *րանա*, *օճ'иш*, *մուա*, *դր'եи*, *գրաօ* (из *գրախ*). В интервокальном положении *х* может заменяться звуками *չ* и *վ*, например: *բայչա*, *գլ'ւդայա*, *սյշա*, *մլյշա*, что также свидетельствует о его неустойчивости. Также находим замену *х* и в таких сочетаниях, как *хм*, *хк*, *хв*, например: *դույժօմ'и*, *քօֆկу* (из *рохко*), *փիրլ'ամ*.

II. МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное

В образовании форм имени существительного наблюдается мало особенностей, отличающих терновский говор от литературного болгарского языка. Укажем только на отдельные особенности в образовании форм множественного числа и членных форм. При образовании форм множественного числа от односложных существительных мужского рода основной флексией является *-ув'i*, например: *ձայդув'i*, *հօյժув'i*, *քլասув'i*, *գրաբув'i*, *մօսув'i* и т. д. При помощи ее образуется множественное число и от таких существительных, как *pras*, *маш*, *брат* — *պր'ւտув'i*, *մայժув'i*, *բրատув'i*. Однако наряду с этими новыми формами существуют еще и старые формы, употребление которых ограничено. Они выступают обычно только в членных формах, например: *մայժեմ'i*, *պրամ'ւմ'e"*, *բրամ'յմ'i*.

Терновский говор характеризуется членной формой мужского рода *օ(y)*, например: *սինօ*, *մայժօ*, *պատு*, *կօն'у*, *բատակு* и т. д.

Местоимение

Личные местоимения

Число Падеж	Единственное		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
И.	<i>jas (ja)</i> ¹	<i>m¹u</i>	<i>moi m¹ä to</i>
Д.	— <i>m¹i</i>	— <i>m¹u</i>	— <i>my</i> — <i>u</i> — <i>my</i>
В.	<i>m¹én¹ u mä</i>	<i>m¹éb¹u tä</i>	<i>n¹éy¹ y n¹éz¹ a n¹éy¹ y</i>

Число Падеж	Множественное		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
И.	<i>n¹üjä</i>	<i>v¹üjä</i>	<i>m¹üjä</i>
Д.	— <i>n¹i</i>	— <i>v¹i</i>	— <i>im</i>
В.	<i>nas nä</i>	<i>vas vää</i>	<i>m¹äx r¹u</i>

Из приведенной таблицы видно, что личные местоимения имеют в говоре категорию лица, числа, рода и падежа. Полные формы дательного падежа в говоре не зафиксированы. Они, повидимому, утрачены. Вместо них в говоре употребляются полные формы винительного падежа с предлогом *na*, например: *na n¹éz¹ i k¹u d¹áväm*; *Dávä¹ na m¹én¹!* С'е *na n¹éz¹ s¹ä káram*. Часто к сочетанию с предлогом *na* присоединяется краткая форма дательного падежа, например: *jas na n¹éy¹ my* *isprátm¹ix kñ¹ý¹u*; *jas na vas v¹i d¹áväm pär¹u*. Кроме того, полные формы дательного падежа отсутствуют и в безличных оборотах, их вытеснили формы именительного падежа, например: *To¹ my jäprä, s¹a kr¹u¹*; *И то my ýskä d¹a id¹e*,

¹ *jas (ja)* — фонетические варианты одной формы, употребляемые в говоре в разном положении перед глухим или перед звонким согласным.

ꙗс н̄и м̄и сā нрāв'и. Но встречаются случаи, когда отсутствует и форма именительного падежа, а употребляется только краткая форма дательного падежа, например: *M̄и сā пл̄и; млóгу му сā ид'е.*

Полная форма винительного падежа употребляется с предлогами, например: *A па нā нéгу бýши бóшти п̄итнáиси;* *ꙗс вā в'ид'ах, кту с'ид'яти с нéз'и;* *Идáт у тläх и т. д.* Без предлогов полные формы винительного падежа употребляются только в тех случаях, когда на личное местоимение падает логическое ударение, например: *ꙗс в'ид'ах н̄и тléб'и, а м̄и нéз'и; мléни најп'érвá.*

В качестве беспредложных дополнений в говоре употребляются краткие формы личных местоимений, например: *ꙗз гу в'икá и д'áдуту гу в'икá; Коi тва мä уда́ри? К'и им óдр'ижá л'äп и т. д.* Они употребляются еще и в качестве второго дополнения при дополнении, выраженном существительным. Например: *C'e им сā кáрам нā тlája кукóшк'и; И нáчна пак да гу би; кóн'у; Прастá ту зim'áta н̄и а фáрл'áйт'i и др.*

Соответствующие формы имеет возвратное местоимение *c'éб'i:* вин. пад. — *c'éб'i сā*, дат. пад. — *c'i.*

Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения имеют категорию рода и числа. Они имеют следующие формы:

Единственное число

м. р.	ж. р.
<i>моi</i> (чл. ф. <i>мóйu</i>)	<i>мóя</i> (чл. ф. <i>мóйтä</i>)
<i>твоi</i> (чл. ф. <i>твóйu</i>)	<i>твóя</i> (чл. ф. <i>твóйтä</i>)
<i>нéгуф</i> (<i>нéгувицо"</i>)	<i>нéгувá</i> (чл. ф. <i>нéгувáта</i>)
<i>нéз'ин</i> (<i>нéз'ин'ицо"</i>)	<i>нéз'инá</i> (чл. ф. <i>нéз'инáта</i>)
<i>наш</i> (<i>нашицо"</i>)	<i>нашá</i> (чл. ф. <i>наштä</i>)
<i>ваsh</i> (<i>вáшицо"</i>)	<i>ваsh</i> (чл. ф. <i>вáштä</i>)
<i>tлájan</i> (<i>tлáжн'ицо"</i>)	<i>tлáжná</i> (<i>tлáжнáта</i>)

ср. р.

<i>мóй</i> (чл. ф. <i>мóйтu</i>)	<i>нашu</i> (чл. ф. <i>нашту</i>)
<i>твóй</i> (чл. ф. <i>твóйтu</i>)	<i>вáшу</i> (чл. ф. <i>вáшту</i>)
<i>н'éгуво^у</i> (чл. ф. <i>н'éгузо^уто</i>)	<i>тлáжнu</i> (чл. ф. <i>тлáжнуту</i>)
<i>н'éз'инu</i> (чл. ф. <i>н'éз'ино^уто</i>)	

Множественное число

<i>мóи</i> (чл. ф. <i>мóитu</i>)	<i>наши</i> (чл. ф. <i>наштu</i>)
<i>твóи</i> (чл. ф. <i>твóйтu</i>)	<i>вáши</i> (чл. ф. <i>вáшту</i>)
<i>н'éгув'и</i> (чл. ф. <i>н'éгув'ит'e^у</i>)	<i>тлáжн'и</i> (чл. ф. <i>тлáжнит'e^у</i>)
<i>н'éз'ин'и</i> (чл. ф. <i>н'éз'ин'ит'e^у</i>)	

Примеры: *с'áдайтu* *на мóй фáртúх!* *И с'éтн'и тláжná,* *н'éгув'ит'e^у* *руд'йт'ил'и,* *с'идбt* *у н'éз'и,* *у мумáтä,* *и п'ýтат* *н'éз'инä* *мáжkä* *и н'éз'ин тáтку.*

Указательные местоимения

В говоре употребляются указательные местоимения без элемента *зи* — *тоо* (м. р.), *тва* (ср. р.), *тá(и)а* (ж. р.), *тлáжä* (мн. ч.), *он'и^оу* (м. р.), *унувá* (ср. р.), *унá(и)а* (ж. р.), *ун'ýжä* (мн. ч.).

Примеры: *Тóо ирí'én, тлáжä глáзв'éшн'ици стáвát рák'ýkä* *на суфрáтä;* *ꙑас н'i уд'ых тáа нош;* *тва дráзу ѿ сýзу, па тléшку;* *Унуvá мум'ýчи крásíзуту;* *Унáа суфрá да ѿэзн'и-* *сам и да ѿэзм'и^одам.*

Вопросительные местоимения

В говоре употребляются следующие формы вопросительных местоимений: для обозначения лиц — *коj*, для обозначения предметов — *како*, *кво*, например: *коj ут'ýд'и* *зä вудá?* *Коj* *мä уткráднä прxстá?* *Како ꙑас к'e прáзлм?* *Кво в'u* *са* *йскä?* Падежных форм от местоимения *коj* не зафиксировано, например: *на коj*, *на коj*, *а на н'éгу тp'áбä;* *на коj* *к'u* *дáвам вудá?*

В говоре употребляются также вопросительные местоимения — прилагательные — *кäкäф*, *каф* (м. р.), *кäквá*, *кза* (ж. р.), *кäкв'í*, *кв'i* (мн. ч.), например: *ъас тýкä раббтам*, *каф уд мéн'i б'ил'ёт*; *в'иж бáбä*, *ква ъас шýбä т'i дув'ёэäх*; *в'иш*, *кв'i сä кräс'ив'i рóз'i*.

Отрицательные местоимения

В говоре употребляются следующие отрицательные местоимения: для лиц — *н'íкуí*, для предметов — *н'íшту*, а также для качества — *нíкäкаф* (м. р.), *нíкäквá* (ж. р.), *нíкäкво"* (ср. р.), *нíкäкз'i* (мн. ч.). Например: *Ужé н'íкуí н'i шт'e вудá*; *Пугл'ёднам*, *натам н'áмä н'íшту*. *Нíкäквá жинá н'i дууждá*.

Неопределенные местоимения

В говоре употребляются неопределенные местоимения: для лиц — *н'áкуí*, для предметов — *н'áшту*, например: *энäц ли н'áкуí да пли́вá?* И *на пулýцата н'áкуí к'i сä кáчи*; *йсках н'áшту да р'ёкä*. Однако местоимение *н'áкуí* в указанном значении употребляется редко, оно вытесняется заимствованным из украинского языка местоимением — *ктос'*, *ктóс'tu*. Например: *иdnáшкä ктос' трáкна ф джáму*; *ваф двóру ктос'tu фл'áя*. Употребляется в говоре заимствованное неопределенное местоимение и для предметов — *шос'*, *шбóс'tu*, но в этом случае еще преобладает исконное *н'íшту*.

Местоимение *н'áкуí* употребляется в терновском говоре часто в значении неопределенного местоимения — прилагательного „какой-нибудь“, причем его форма остается неизменной в сочетании с существительными и мужского, и женского, и среднего рода, а также множественного числа. Например, в говоре скажут и *н'áкуí пат*, и *н'áкуí д'е"т'lé*, и *н'áкуí дáшчýцä* и *н'áкуí чéр'i*. В говоре зафиксированы отдельные случаи употребления и неопределенных местоимений — прилагательных, имеющих категорию рода и числа. Например: *Дууждá л'i н'áкäкзä жинä?* *Н'áкäкв'i краz'i*. Однако эти местоимения-прилагательные находятся, видимо, на пути к ис-

чезновению, они вытесняются неизменяемым местоимением *н'ákуи*. В значении „какой-то“ в терновском говоре употребляется местоимение *кákáфсту*, имеющее категорию рода и числа — *кákáфсту*, *кáфсту* (м. р.), *кákвáсту*, *квáсту* (ж. р.), *кákвóсту*, *квóсту* (ср. р.), *какв'ýс'сту*, *кв'ýс'сту* (мн. ч.), например: *јас чух кákáфсту глас*; *квáсту кráвъ*.

Кроме того, в говоре существуют и сложные неопределенные местоимения: *коi даj јe* „кто-нибудь“, например: *коi даj јe н'éка ид'i зá вудá*; *éд'i кákó* „что-то“, например: *ошт'и éд'i кákó зáбрáв'их*.

Зафиксированы также сложные неопределенные местоимения-прилагательные: *каф даj јe*, *ква даj јe*, *кво даj јe* и *кв'i даj јe* „какой-угодно“. Например: *јас к'u чéтам ква даj јe кн'ýя*.

Определительные местоимения

В говоре употребляются определительные местоимения: *сáчк'i* (м. р.), *сáчка* (ж. р.), *сáчку* (ср. р.), *сáчк'i* (мн. ч.) и *с'áкáкаф* (м. р.), *с'áкáквá* (ж. р.), *с'áкáкву* (ср. р.), *с'áкáкв'i* (мн. ч.). Например: *тр'ája сáчкáта вудá изл'áйт'i*; *тр'ája сáчк'i тиt'i даj дун'исóт мл'e"кóту*; *Даn'áлу з'á стáр'i в'интóфк'i и г'i рáстáв'i наj с'áкáкаф джáм*; *т'lá нас наj ўчи сас с'áкáкв'i ѿр'i*.

Глагол

В глаголе находим ряд интересных особенностей. Укажем на некоторые из них.

Вспомогательный глагол *сам* имеет в говоре форму 3 л. ед. ч. настоящего времени *a*, но наряду с ней употребляется и форма *јe*, например: *то a, гур'áшту*; *д'éка a* *Дýс'a?* *кáké a то?* Но и *тва дрáзу јe сўзу*; *кáд'á јe пólкáта?* *чáрна ли јe з'им'áтä?* и т. д.

Форма 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов оканчивается на *-м*. Однако некоторые глаголы наряду с этой новой формой сохраняют и свою старую. В говоре, например, могут сказать и *јас шйáм*, и *јас шйája*, *јас мбíам* и *јас*

мога и т. д. В этом видны следы уже почти закончившегося в своей основе процесса морфологического выравнивания, охватившего в терновском говоре все типы глагольных основ настоящего времени. Примеры: *јас чётам*, *јас пл'ётам*, *јас óдам*, *јас сíнам*, но и *јас сíнä*, *јас кáлнам*, *јас кóвам*, *јас пásам*, *јас пáшам*, *јас р'ékam*, но и *р'ékä*, *јас п'éчам*, но и *јас п'éчä*, *јас знам*, *јас жуз'ájäm*, *јас пlájäm*, но и *јас пlájä*, *јас п'ájäm*, *јас м'ájäm*, *јас в'ádäm*, *јас спам*, *јас к'ipäm*, *јас нóсам*, *јас тра́сам*, *äc прáвам*, *јас тóчам*, *јас дráжам* и др.

Форма будущего времени образуется при помощи частицы *к'е* (*к'и*), например: *с'ири к'е прáвам дзáд'ан кáрман*; *јас к'íдам*, *к'и с'и поуртузам с ид'ен ут тläx*; *кáцата к'е сá тракýлна* и *к'е сá убýиш*.

В форме так называемого будущего в прошедшем находим частицу *к'áши*, союз *да* и личную форму глагола в настоящем времени, например: *t'ájä k'áши да п'ирбт*. Там *к'áши скóру да а изм'инóфкä*. Однако в говоре употребляются формы от глагола *шта* (хотеть), в которых отсутствует элемент *к'е*. Эти формы возможны только с отрицанием, например: *н'и штläx укóлу*; *t'ä н'и шт'e да уртýва*.

В качестве связки в формах будущего времени выступает глагол *сам*, например: *јас к'е сам бугáтä*; *п'иридáвáл'i*, *бо к'ä* (из *к'ëа*) *бýр'a гул'áмä*; *поjäсу к'ä шárók*; *t'ájä k'е сá тра́ктур'íст'i*.

Отрицательная форма будущего времени образуется обычно: с помощью безличной формы *нáмä*, союза *да* и личной формы глагола. Например: *t'ájä у t'éb'i до́лу нáмä да сá устáнат*.

В формах аориста вследствие морфологического выравнивания находим новообразования. Например, 2, 3 л. ед. ч. от глаголов *р'ékam*, *п'ékam* будет *р'ékä*, *п'ékä* (ср. 1 л. *р'ékäx*, *п'ékäx*), а от глаголов *до́дам* и *на́дам* — *ду́дó* и *на́дó* (ср. *ду́дóx*, *на́дóx*). Однако от глаголов *до́дам* и *на́дам* отмечены и формы 1 л. ед. ч. *на́д'éх*, *ду́д'éх*, и 3 л. мн. ч. *на́д'éжj*, *ду́д'éжj*, получившиеся в результате выравнивания по формам 2, 3 л. ед. ч. — *ду́д'é*, *на́д'é*, также употребляемым

в говоре. Примеры: *т'а п'ёкă бл'ин'и; а па стрынă п'ёрва гу р'ёкă; кту дуѓдо ф таа м'еснус, кусатă му падна;* *T'а најдó пár'и; утд'ёкă т'ицă дуѓд'ёкă?* И *т'ицă г'и најд'ёкă.*

Ударение

Терновский говор характеризуется разноместным подвижным ударением. Но в нем наблюдается часто оттянутое ударение, в большинстве случаев перенесенное на первый слог. Следует заметить, что такие передвижки ударения характерны, по словам проф. Щонева, южной акцентной группе болгарских говоров¹.

Наиболее интересными в отношении ударения являются следующие группы слов.

1. Односложные существительные мужского рода в формах множественного числа имеют ударение на первом слоге, однако при образовании членных форм множественного числа ударение падает на флексию.

Примеры

Един- ственное число	Множе- ственное число	Членная форма
грап	гра́був'и	гра́був'ёт'и
прак	пра́гуv'и	пра́гуv'ёт'и
плах	пла́гуv'и	пла́гуv'ёт'и
нос	но́суv'и	но́суv'ёт'и
глас	гла́суv'и	гла́суv'ёт'и
зап	зáiб'и	зáiб'ёт'и
маш	ма́жи	ма́жёт'и
кон	ко́н'и	кун'ёт'и
валк	ва́лци	ва́лциёт'и
крак	кра́кă	кра́катă
вол	вóлуv'и	вулóв'ит'e".

¹ См. Б. Щонев. История на българский език, т. I. София, 1937, стр. 359.

2. Двусложные и трехсложные существительные женского рода в формах множественного числа имеют также оттянутое ударение, которое при образовании членных форм возвращается на старое место.

Примеры

Единственное число	Множественное число	Членная форма
мумá	мóm'i	мум'ít'e
куrá	кóр'i	кур'ít'i
жинá	жéн'i	жин'ít'i
суфра́	софр'i	суфр'ít'i
уфцá	óфци	уфцéт'i
блхá	блái	блáйт'i
муá	мýи	муáйт'i
систrá	с'éстр'i	с'истр'ít'i
ст'инá	ст'én'i	ст'ин'ít'i
кусá (орудие)	кóс'i	кус'ít'i
иглá	и́гл'i	игл'ít'i
м'итлá	м'éтл'i	м'йтл'ít'i
гуд'йнá	гóд'ин'i	гуд'йн'ít'e
н'ид'áл'a	н'éд'e"л'i	н'ид'áл'ít'e"

В некоторых словах женского рода наблюдается оттяжка ударения и в формах единственного числа, но в членных формах сохраняется старое ударение.

Примеры

Единственное число	Членная форма	Множественное число	Членная форма
глáвá	глáвáтä	глáв'i	глáв'ít'i
рíкä	рákáтä	рáд'i	рáцéт'i
р'áкä	р'е"кáтä	р'áк'i	не зафиксировано
брáдä	брáдáтä	брáд'i	брáд'ít'i
врáтä	врáтáтä	врáт'i	врáт'ít'i

дáскá	дáскáтä	дáск'и	дáск'áт'и
кóсá	кусáтä	—	—
тр'áзä	тр'e"вáтä	—	—

3. Двусложные существительные среднего рода имеют такую же передвижку ударения в указанных формах, как и существительные женского рода.

Приимеры

Еди- стvennoe число	Mnoже- stvennoe число	Членная форма
---------------------------	-----------------------------	------------------

a)	л'ицé д'e"т'é кр'илó п'исмó прáс'é п'ирó ꙗꙑцé	л'ицä д'áца кр'áл'ä п'исмä прáсци п'ér'ä ꙗꙑцä	л'ицáтä д'e"цáтä кр'ил'áтä п'исмáт'и прáсцáт'и п'ир'áтä ꙗꙑцáтä
----	---	---	--

Еди- стvennoe число	Членная форма	Mnoже- stvennoe число	Членная форма
---------------------------	------------------	-----------------------------	------------------

b)	ýшу óку дрáву эрáну ѹáклу м'есу	ушóту укóту дрáзóту эрánóту ѹáклóту м'исóту	ýши óчи дрáз'ä — ѹáклä —	ушáт'и учáт'и дрáв'áтä — ѹáклáтä —
----	--	--	---	---

4. Определенная группа глаголов (глаголы I и II спр. литературного языка) в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени имеет ударение на первом слоге, но в других лицах ударение остается на старом месте.

Приимеры

ꙗс п'éräm, но — т'и п'ир'éш	и т. д.
ꙗс чéтäm, но — т'и чит'éш	и т. д.
ꙗс пр'éдäm, но — т'и пр'ид'éш	и т. д.
ꙗс пл'éтäm, но — т'и пл'им'éш	и т. д.

<i>ꙗс п'ечāм</i> , но — <i>т'и п'ичéш</i>	и т. д.
<i>ꙗс м'ётāм</i> , но — <i>т'и м'ит'ёш</i>	и т. д.
<i>ꙗс връвāм</i> , но — <i>т'и врав'иš</i>	и т. д.

Особенно ярко указанная передвижка ударения видна в приставочных глаголах, являющихся большей частью глаголами совершенного вида. В этих глаголах ударение падает на приставку, например:

<i>ꙗс к'e óп'ичā</i> , но — <i>т'и к'e o^uп'ичéш</i>	и т. д.
<i>ꙗс к'e óп'l'итā</i> , но — <i>т'и к'e o^uп'l'ит'ёш</i>	и т. д.
<i>ꙗс к'e прóчетā</i> , но — <i>т'и к'e прóчит'ёш</i>	и т. д.

Вообще в говоре все приставочные глаголы в 1 л. ед. ч. настоящего времени имеют ударение на приставке, если эта приставка придает глаголу значение совершенного вида.

Примеры

<i>знам — óзнáјам</i> , но — <i>узнáиš</i>
<i>п'áјам — ё́сп'ијам</i> , но — <i>исп'иши</i>
<i>м'áјам — óм'ијам</i> , но — <i>ум'иши</i>
— <i>и́зм'ијам</i> , но — <i>изм'иши</i>
<i>и́д'ям — пóгл'e"днáм</i> , но — <i>пугл'едн'иши</i>
<i>прáвам — нáпра́зам</i> , но — <i>напра́зиши</i>
<i>с'íрám — пóсв'ирám</i> , но — <i>пусвир'иши</i>
<i>пáсам — пóпáсам</i> , но — <i>пупа́с'ёш</i>
<i>дúмам — прóдумам</i> , но — <i>про́дума́ши</i> и т. д.

5. Глаголы в формах повелительного наклонения ед. ч. последовательно имеют ударение на первом слоге, например: *з'ém'i*, *р'éчи*, *с'édни*, *рбн'i*, *мáжи*, *връz'i*, *пáши* и т. д.

Приставочные глаголы имеют ударение на приставке, например: *нáпра́в'i*, *дóн'ес*, *óм'ијса*, *зáкл'учи*, *дóв'e"д'i*, *прóст'r'i*, *обб'e"р'i*, *обл'ичи*, *пóчáкáj*, *ё́стр'i* и т. д.

Образцы текстов

У нас нáпрáд'i зб'ýрá рудн'йнáта с'íчкáта. Зб'ýрá нáпрáд'i рудн'йнáта и г'i в'ýкá у с'éб'i с'i. Г'i в'ýкá и прáштá гла-

в'ешн'ици у муматă. И с'ётн'и т'яјä н'ёгув'ит'и руд'йт'ил'и с'идът у н'ёз'и, у муматă и к'и с'и уртыват и к'и п'йтът, значит, п'йтът, н'ёз'инъ мајкă, н'ёз'ин татку, сугланс'и л'и са т'яјä, значит, „сугланс'и л'и св'и в'ијä дă дăд'ет'и муматă с'и за нашио³ ирг'ен“. Са суглашават: „Рас така, к'и а дăд'ем“. Тоо ирг'ен, т'яјä гла́в'ешн'ици стават рак'ијä на суфрата. Тä на таа муматă мајк'ä дава в'акуската. И т'яјä, значит, к'и пуидът и к'и пуп'ијат, с'ётн'и к'и пра́вят гла́в'еш сас пр'еп'иф. Ирг'ену гутов'и уб'ат и бăт у муматă пр'еп'иф дă hyul'äjat. Тва т'яјä puhyul'äjat и с'и дойдат. И с'ётн'и бăт за свадбă дă с'и уртыват н'ёгуф татку и мајк'ä у муматă. Н'ёгувă мајкă п'иче бান'ица, кулак кручан и к'и свар'и кукоскă с ур'ис ил'и јабхл'ит'и и т'я тва с'ичку гу врхзувă, клава ф тава бан'ица и клава улгор'и кулак на таа бан'ица, врхзувă с'ичку и мајк'ä му и татку му гу з'имат и врхзвът у муматă и са суглашават, кугж свадбă дă пра́вят.

Записано со слов Волчо М. И., 57 л.

Кат'а с'ид'ялă при п'ечката на држ'инă скам'ејката. На кул'янца у н'ёз'и спа топлу убл'акана кукла. Кат'а т'ихичку а пр'исп'ивă. Идн'шкă ктос' тракнă ф джаму. Кат'а скобнă и з'ятржчă фхф кухн'ата дă в'ид'и, кој је тва трака. Пугл'едн'ала фхв джаму и в'ид'ялă: на нал'ичн'ику с'ид'ялă гаргă и трака ф цаклобту сас кл'уву. Кат'а ут'ишлă и р'иклă на Андр'ушата, а бу трака идна пт'ичка ф цаклобту и н'и мои н'ишту дă пујемни. А Андр'ушата дума, бо т'я иска дă ид'е. Ошти кту клавал'и фхф к'ештата рам'ит'и мајк'ä и клала фхф рамата р'аб'инъ. А пă таа пт'ичка в'ид'ялă и искала дă гу ст'игни. Андр'ушата бржшку з'ятржчă ф кухн'ата и удр'азă идно п'ярчэ л' п и гу рашчуп'и на пт'ичката. Т'яјä гу из'адаја и Андр'ушата дун'ес'и идно п'ярчэ слан'инă. И дујдó и гу укачи на идно држву. С'ётн'и Андр'ушата са мајна, а пă Кат'ата са устана и чека дă дойд'и тава гаргă. Амă тава гаргă и н'и пр'ил'ит'я. Амă за тва удув'етката скобнă идна с'ичн'ичка, пудэр н'ёз'и ошти идна, а пă чарв'ен сн'иг'ир' утл'ит'я утстарн'й. Тој слан'инă н'и ид'е. Ам'и ид'е сад'е зрахну и с'ам'и. Но з'и-

мóскá гу н'áмá тва. Amá Kát'a му р'иклá: „Пóчáкái, н'i б'áгái!“ Т'á зáтрапá вáф кáшт'i, з'áлá трóи и г'i рáсфáрл'илá пу сníгó. Крáднá врát'íчкáта и фл'áгája фхф двóру маík'á и д'áду. И думáт нá н'éз'i: „Рáни, рáни г'i, лóчко. T'íjä у т'éб'i долгу н'áмá дá сá устáнат“.

Записано со слов Христо Марии, 13 л.

Тва б'íши фхв вуíнатá. Нáшт'i рýск'i пáрт'изáн'i тр'íбájá дá устupáváйт. А па б'ál'it'i б'íjä bl'ísku. От иднéшкá нá сжбáн'íнету ид'én пáрт'изáн вýступ'i и думá: „Устáв'át'i мä тóка, ёас к'i зáдржá сýчк'ít'i б'ál'it'i“. А пá дрúg'i гу п'ítтát, м'i к'e тý сáм'íчик к'i г'i зáдржáйш. Тоi думá, сáм'í ид'én к'i г'i зáдржáй. Тóо пáрт'изáн гу думáia Дан'íлу. Дан'íлуту с'éднá нá кóн'u и ут'íd'i фхв hóр'ít'i. Там стуíá иднá в'исóкá бáшn'a. Ф тáа бáшn'a жув'áj н'éгуватá маík'á. Тоj с'i ут'íd'i, кád'á дóму и думá нá маík'á с'i: „Mámo, н'íjä tr'ába дá зáдржájím'i б'ál'it'i нá ид'én d'en“. Маík'á му думá: „Н'íjä к'i г'i зáдржájím'i“. Дан'íлу з'á нájdó стáр'i в'интóфк'i и г'i рáстáv'i нá с'ákáкxф джáм. А па маík'á с'i нáкáрá дá г'i зáр'ád'i. Кту Maík'á му пугl'édná пр'iz джáму и в'ид'á б'ál'it'i. Amá t'íjä b'íz в'н'имáн'iе“, бо н'áкуi ут пáрт'изáн б'ívá ф тáа бáшn'a. Tóka Дан'íлуту в'йстрíl'i. И п'érв'io дéту с'íd'á нá кóн'u, пáднá. Пудóр н'éгу и дрúg'iо п'áднá. Сá нáчнá с'íl'án боi. Tóka Дан'íлуту гу пурáн'iia ф rákáta, тоi с'i пр'ivrzéjá ránata. Maík'á му стрíl'á зáрát н'égu. Tóka б'ál'it'i пр'ikrát'íja бóju и с'i уртóвáйт, бо мloгу пáрт'изáн'i ф тáа бáшn'a. От ид'én'iо думá: пусн'át'i мä, ёас к'i идá, к'i с'i побуртuváйт с'ид'én ут т'áх дá н'i дáд'ýт п'át'u. Tóka ид'én, знáчит, врæвí кád'á бáшn'a. Дан'íлу ут'íd'i нáпрóт'if кád'á н'égu. Тóо б'ál'io' му думá: в'i к'i 'дáд'át'i l'i п'xt нá нас ил'ý н'áмá? Дан'íлу му думá, бо к'i в'i дáд'ém'i. Дан'íлуту с'i дуídó náscám, па б'н'iо' нáтátká. Нáстáна в'ичáрó. Дан'íлу з'á маík'á с'i и с'éднáia нá кóн'u и сá маíhája ут тáа бáшn'a. А па б'ál'it'i с'ид'ýт чáкáйт дá им дáд'ýт п'xt.

Записано со слов Христо Валентины, 15 л.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. К. Бунина.</i> Заметки по морфологии глагола ольшанского говора	3
<i>В. К. Журавлев.</i> Говор села Криничное (Чешма-Варуита)	18
<i>Э. И. Зеленина.</i> Словарный состав суворовского говора	63
<i>Э. И. Зеленина.</i> Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Терновку Николаевской области в июне 1954 г.	115

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства Р. М. Цейтлин

Технический редактор Г. Н. Шевченко

Корректор Н. Н. Шкуратова

РИСО АН СССР № 58-54В. Сдано в набор 26/IX 1955 г. Подп. к печати 29/XI 1955 г.

Формат бумаги 60×92 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 8,5. Уч.-изд. лист. 6,5. Тираж 1300. Т-09156.

Изд. № 1255. Тип. зак. № 294.

Цена 3 р. 90 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21.

1-я тип. Изд. АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

20557RU

3 py6. 90 kon.